

Дмитрий Янковский

Эпицентр удачи



Глава 1

В которой сталкер по кличке Лемур едва не расстается с жизнью, но чудом выкручивается и находит доказательство правдивости старой легенды

В детстве я частенько подумывал, что буду делать, если найду волшебную палочку, способную исполнить пусть одно, зато любое желание. Ан нет – не случилось... Фантазии так и остались фантазиями. Но, наверное, именно подсознательные поиски этой самой волшебной палочки привели меня в Зону, и теперь я лежал рядом с рухнувшей и проржавевшей высоковольтной опорой, в жидкой грязи, пахнущей когда-то пролитыми здесь нефтепродуктами, на меня падали крупные капли кислотного дождя, а впереди, прямо по ходу моего предполагаемого движения, вибрировал воздух. Знаете, как над костром. Только огня видно не было, потому что не костер это был, а весьма распространенная в здешних местах аномалия. На местном жаргоне “Трамплин”. Что это за хрень – пусть очкарики разбираются, с моей же, сугубо утилитарной точки зрения, соваться туда не стоило, поскольку там притаилась сама смерть. Почти невидимая, словно капкан на крупного зверя, но куда более, чем капкан, страшная. В пасмурную погоду и в дождь аномалию трудно заметить, а во время перестрелки так и вовсе можно нарваться, не глядя, поэтому здорово выручал купленный у Сидора детектор. А кто пожадничал... Видал я, что от них оставалось... Такие трупы даже обыскивать зачастую не имеет смысла – в рюкзаке мало что целого остается, а банки с тушенкой, к примеру, выворачивает натурально наизнанку, жестью внутрь, мясом наружу. Хотя трупы чаще всего тоже валялись мясом наружу, так что некая логика в действии аномалий все же проглядывала.

Я лежал уже с полчаса – отдыхал. Для меня, знаете, сложное препятствие всегда повод для отдыха. И не потому, что лень вперед меня родилась, как говаривают обо мне друзья-сталкеры, а как раз напротив. Пашу я, как лошадь, так что только перед очередной смертельной ловушкой и отдыхать.

Закатное солнце с трудом пробивалось через плотную пелену туч, в такую погоду день с вечером хрен различишь, но вот что мне, правда, не понравилось, так это хриплый собачий лай, раздававшийся возле брошенного после аварии на АЭС элеватора. Вообще-то к псевдособакам, стаями рыскающим по Зоне, я давно привык – твари не очень большие,

точный пистолетный выстрел срубает такую наглухо. Плохо, когда они стаями нападают, а это бывает частенько, тогда и автомат не всегда может выручить, особенно если, как сейчас, маневрирование затруднено условиями местности. Справа от меня валялась опора ЛЭП, вросшая в размокшую глину отрезками проводов, по которым когда-то бежал в страну ток от Чернобыля, с другой мешал отходу бетонный забор трансформаторной подстанции. А впереди, аккурат между ними, вибрировал воздух над аномалией. Так что, если нападет стая псевдособак, особенно скакать будет негде, но дело даже не в этом. Лично для меня страшны не сами псевдособаки – видал я их во всех видах, – а военные вертолетчики, патрулирующие Зону с воздуха. Стаи псевдособак привлекали их как веселое безопасное развлечение. Пострелять с воздуха, а потом ободрать хвосты, хорошо идущие на черном рынке как экзотический мех, – не развлекуха ли? Да еще с пользой для кошелька.

Но беззаботное веселье военных, охраняющих Зону, для сталкеров вроде меня могло запросто обернуться бедой. Наш брат в реалиях зоны отчуждения с любой стороны вне закона, и моя жизнь, равно как жизнь любого из сталкеров, не стоит даже четверти хвоста псевдособаки. Стрелять в меня или не стрелять, для военных не вопрос совести, а вопрос экономии боеприпасов. Или вопрос получения взятки, что тоже случалось нередко. Хвостом собачьим от них, понятное дело, хрен откупишься, а вот пара банок тушенки уже реально могла спасти жизнь. Если же при тебе есть какой-нибудь из зоновских артефактов, пусть даже вроде распространенной “Медузы”, тогда твои шансы на выживание возрастают еще больше. Хотя с военными договариваться опасно. Например, Витя Бизон, будучи задержанным на кордоне, слил почти всю амуницию, получил сначала добро на проход, а потом, шагов через тридцать, очередь в спину. Так что я с вояками старался пересекаться по минимуму, ради чего прикупил у Сидора всечастотный радиосканер, помогающий слышать переговоры любой группы, выходящей в эфир. Я его включил и тут же услышал голос, искаженный шипением радиопомех:

– Ветер, я База! Хорош собак пасти! Пройди вдоль железки, там мутанты шалят недалеко от восьмого кордона.

– Принял, База. Выдвигаюсь.

Через минуту в воздухе послышался клекот турбин, и из-за бетонной громады элеватора выплыл, постепенно набирая скорость, тяжелый штурмовой вертолет, раскрашенный камуфляжными пятнами.

– База, тут хрен какой-то залег за элеватором. Вальнуть по ходу?

Я вздохнул и стянул с плеча автомат с подствольным гранатометом. Против бронированной вертушки не ахти какое вооружение, тут бы “ПЗРК” лишним не оказался, но хоть какой-то ответ. Правда, выстрел к подствольнику оставался только один, но вояки-то этого не знали! Не получится сбить, может, выйдет взять на испуг.

– Ветер, я же приказал отставить развлечения! Че, помехи, блин, мешают восприятию или уши надо прочистить? Так я, блин, прочищу по возвращении, только через другое отверстие. Давайте живо на кордон!

– Принял! – кисло ответил вертолетчик.

Винтокрылое чудовище пролетело прямо надо мной, обдав ветром, воем турбин и жарким керосиновым перегаром. Только затихло, снова послышался лай псевдособак – стая огибала элеватор, двигаясь в мою сторону. Но и без этой причины пора было выбираться, а то встречать ночь в Зоне под открытым небом мне хотелось меньше всего. Сложность состояла в том, что впереди, между забором и рухнувшей решетчатой фермой, маячила аномалия, а назад по оврагу возвращаться, во-первых, было неблизко, во-вторых, небезопасно. Там на одном из участков сильно фонило, а радиация вызывала у меня какой-то иррациональный ужас. Не очень приятно сознавать, что с каждым щелчком счетчика Гейгера тебя прошивает хоть и очень малокалиберная, но весьма убойная пуля, разрывающая клеточные мембраны, калечащая хромосомы и отрывающая куски аминокислот твоего еще не старого и вполне работоспособного тела. В связи с этим бзиком я довольно много денег тратил на антирад, компенсирующий последствия ионизирующей атаки на тело. Я закупал его у Сидора пачками,

но старался не попадать в места, где его надлежало использовать. Однако иногда избежать таких мест не удавалось, поскольку другие маршруты в выбранном направлении грозили куда более быстрой смертью.

В принципе любой другой сталкер, оказавшись в моем положении, предпочел бы отмахать полтора километра назад по оврагу через зараженное место, чем переть на аномалию. Но мне, даже без оглядки на радиацию, крюк в три километра с выходом к той же подстанции, но с другой ее стороны, казался непомерной растратой личных ресурсов. И пусть друзья считают меня лентяем, пусть ко мне прилипло прозвище Лемур, но я-то знал, что это не лень, а рациональное использование собственного времени и сил.

Короче, я решил двигаться прямо. По крайней мере, попытаться это сделать, перед тем как принять решение об отходе обратно. Дело в том, что при всей опасности аномалий определить их границы довольно легко. А за этими границами они не действуют. Не факт, конечно, что встретившуюся мне аномалию можно было запросто обогнуть – могли помешать забор и валявшаяся справа опора, но попытаться все же стоило. Самое смешное, что, как говорил Бес, способ определения границы аномалий придумали не сталкеры. Придумал его какой-то писатель-фантаст, или, точнее, писатели, потому что они вместе свои книжки варганили. Типа братья. Так вот они в одной книжке про что-то вроде нашей Зоны писали, задолго до ее реального появления. Только там Зона возникла не на месте чернобыльской катастрофы, а хрен знает вообще от чего. Наверное, от высадки инопланетян, фантасты такую хрень любят. Но Зона как Зона – с ловушками, сталкерами, артефактами, вояками, мутантами и всеми делами. Вот только, говорят, бандитов у тех писателей не было. Не предусмотрели. А разные аномалии были. И сталкер, про которого речь, кидал перед собой гайки, чтобы понять, где они нормально падают, а где аномально. Хороший способ. Мне он много раз жизнь спасал.

Я повесил автомат за спину и ползком двинулся вперед, туда, где за пеленой дождя едва заметно вибрировал воздух. Вскоре запищал индикатор. Сначала сигналы звучали с приличными интервалами, потом все чаще и чаще. Дальше двигаться было нельзя, поэтому я вытащил из рюкзака мешочек с болтами, достал одну железяку, взвесил в руке, примерился и метнул вперед, как гранату. Болт очертил дугу, но на землю упасть ему было не дано – почти однородное пространство, с чуть иным, чем у воздуха, коэффициентом преломления, вдруг взорвалось, подобно бомбе, раскидав вокруг воздух ударной волной и грязь жидкими брызгами. Болт при этом разнесло в пыль, на мой взгляд, от него вообще ничего не осталось.

– Мощная... Псевдособака ее раздери! – выругался я.

Пришлось взять еще один болт и кинуть так, чтобы он упал рядом с забором подстанции. Но я чуть ошибся, железка попала в бетон, отскочила на метр и попала в зону аномалии. Воздух снова ухнул, а меня окатило потоком жидкой грязи. Стало ясно, что между забором и аномалией лезть не стоит. Тогда я метнул болт вправо, чтобы прикинуть, каков зазор между аномалией и рухнувшей опорой ЛЭП. Зазора не оказалось – болт не успел коснуться земли рядом с решетчатой фермой, как воздух взорвался, завертелся вихрем, а затем снова жажнул так, что у меня капюшон с головы сорвало. Загудели, как толстые басовые струны, лопнувшие стальные растяжки, а часть решетчатой фермы свернуло в причудливое кружево.

Я сплонул и чертыхнулся. Оставалось попытаться перелезть через упавшую вышку, за которой, почти до самого элеватора, земля выглядела, как после сейсмического катаклизма. Причем в трещины и каменные торосы гармонично вписались перевернутые искореженные грузовики, трактора, фрагменты тяжелой сельскохозяйственной техники и другого металлолома. В общем, место до крайности труднопроходимое. К тому же, по некоторым признакам, чуть зараженное.

Вскарабкавшись на опору, я огляделся. Была бы граната, можно было бы попробовать свалить одну из бетонных секций забора и пройти через трансформаторную подстанцию. Но гранаты не было. Единственный выстрел для подствольника тратить рискованно, поскольку это, знаете ли, не фугас, это противопехотное средство, там не восемьдесят граммов взрывчатки, как в “Ф-1”. Секция забора, скорее всего, выстояла бы, зато мне потом совсем нечем было бы дать ответ вертолетчикам, если они вздумают со мной позабавиться. Короче,

выходов оставалось только два – либо делать огромный крюк и ночевать в поле, либо точнее проверить метровое пространство между забором и аномалией.

Я достал болт и метнул его ближе к забору. Он шлепнулся в грязь вполне штатно, сантиметрах в пятнадцати от бетона. Уже кое-что. Но пятнадцать сантиметров маловато. Причем больше с психологической точки зрения. Не очень приятно задницей тереться о забор, когда прямо перед носом смертельно опасное пространство, готовое вывернуть тебя наизнанку. Но не как с перепоя, а самым буквальным образом.

Пришлось взять правее и метнуть еще один болт. Он также без всяких последствий влип в мокрую глину в сорока сантиметрах от забора. Это лучше. Это, знаете, уже можно использовать на практике, если кишка не тонка.

Псевдособаки лаяли совсем близко, так что я мог запросто выйти на стаю, проскользнув мимо аномалии. Поэтому, перед тем как прижаться спиной к забору, я проверил свой “ПММ”. Магазин был полный, первый патрон в стволе. Эта машинка, несмотря на простоту и не очень высокую точность дальнего боя, меня много раз выручала. Уж, во всяком случае, псевдособаку с короткой дистанции валила надежно.

Сжав рукоять пистолета и опустив ствол вниз, я подобрался к забору, прислонился спиной к бетону и начал медленно, приставными шагами сдвигаться вдоль стены. Аномалия вибрировала в ужасающей близости от меня. Потоки дождя пронизывали ее без всякой ответной реакции – то ли аномалия не реагировала на воду, то ли вектор падения сверху вниз каким-то образом игнорировался, то ли скорость полета капель была велика. Впрочем, пусть ученые разбираются, им за это денег дают. Но лично я склонялся к последней причине, хотя бы исходя из того факта, что стрелять через аномалию под любым вектором можно сколько угодно – ничего при этом не происходило. А вот болт, человек, машина или псевдособака, попав в нее, вызывали взрывную свертку пространства.

Стена за спиной была чуть шершавой, но в месте стыка бетонных плит зияла щель, ладонь можно просунуть, с выщербинами и торчащими концами четырехмиллиметровой арматурной проволоки.

– Не хватало только куртку подрать, – пробурчал я себе под нос.

Привычка говорить с самим собой вырабатывается в Зоне довольно быстро. Многие новички начинают работать группами, но быстро приходят к тому, что Зона – место для одиночек. В группе всегда больше вероятность конфликтов из-за артефактов, на жаргоне называемых хабаром. А значит, проще проснуться с перерезанным горлом или получить пулю в спину. В группе меньше доход от каждого найденного артефакта, поскольку приходится делить прибыль от продажи на всех. Единственное, чем группа реально лучше, так это боеспособностью, которая проявляется в стычках с бандитами, а также в стычках с военными на кордонах. Однако и тут одиночка имеет некоторые, не очень явные, но на практике весомые преимущества. Он менее заметен. К тому же одиночке легче заработать на хорошее вооружение, например, на “АКМ” с подствольником. В группе же на автомат чаще всего приходится скидываться, с неизвестным результатом, кому он достанется. Чаще всего предводителю, что тоже порождает конфликты, из-за которых автомат быстро превращается в переходящий приз выжившим.

Года три назад я окончательно распрощался с группой, грохнув нашего вконец обнаглевшего предводителя и прижав к рукам его скорострельную “Гадюку”. Репутация моя от этого пошатнулась, но когда дело касается торговцев, куда большее значение имеет ценность и количество предлагаемого им хабара, чем степень твоих отношений с другими сталкерами. А мне на хабар везло. Недаром в Зоне поговаривали о моем несметном состоянии – несметным его трудно было назвать, но кое-что на счету в банке у меня все же имелось. Например, я первым нашел артефакт под названием “Сверло”, да и после меня никто такой хреновины в Зоне не находил. Деньжат от его продажи хватило не только на автомат с подствольником, но и в банк положить. К тому же, а об этом не знал никто, я нашел два “Сверла”, а не одно. Второе надежно припрятал до лучших дней, на случай, если цена на этот артефакт вырастет до нужной мне суммы. А нужен мне был миллион. Не рублей, понятное

дело, а окрепшей общеевропейской валюты. Сейчас же стоимость чудо-сверлышка едва перевалила за двести тысяч, а этого по нынешним ценам и на приличную квартиру с джакузи не хватит.

Кто-то может спросить, мол, на кой хрен сталкеру квартира с джакузи? На что я могу сказать так: “Знаешь, мил человек, я не собираюсь всю жизнь ползать в грязи и медленно убивать себя энергией Зоны. А хочу я приличную квартиру, новую машину, катер, домик у воды, жену, детей, возможность послать всех к чертям псевдособачьим и поехать кататься на лыжах в Альпы”.

Меньше чем в миллионный бюджет, по моим подсчетам, эта задача никак не укладывалась. Потому, собственно, при всей своей природной любви к комфорту, я оказался в этой чертовой Зоне, среди трудностей, неустроенностей, среди хмурых грубых людей, разговаривающих так, что у меня поначалу уши вяли, несмотря на опыт контрактной военной службы. Так что в здешних коллективах я себя сразу почувствовал некомфортно. Были, конечно, друзья. В основном те, кто помогал выбираться из полной задницы, или те, кому я сам помог выбраться из того же самого места. Встречались в баре “100 рентген”, причем нечасто. Чаше приходилось общаться с торговцами, иногда судьба сводила со сталкерами-одиночками в поле, но все это нельзя было назвать отношениями. Да и не стремился я ни к каким отношениям, оставив их на светлое будущее. Сейчас я зарабатывал деньги, и мысль об этом бессменно сидела каждую минуту в каком-нибудь уголке мозга, иногда вырываясь наружу в виде бурчания себе под нос, потому что если так не говорить, то речевой аппарат может и вовсе атрофироваться.

– Гадская проволока! – снова ругнулся я, чувствуя, что без повреждений куртки дело точно не обойдется.

А значит, придется покупать у Сидора новую, а значит, еще чуть отложится исполнение мечты о миллионном банковском счете. В конце концов я чуть отступил от стены, хотя психологически было до чертиков трудно сделать хоть четверть шага в сторону приближающейся аномалии. Детектор пищал, как птенец в когтях кошки, – громко и часто. Он мне действовал на нервы, но выключать прибор я не стал, чтобы не дать себе повод хоть немного расслабиться. Часто перенапряжение в критической ситуации менее опасно, чем расслабленность и беспечность.

Скоро я начал не только слышать аномалию посредством детектора и видеть глазами, но и ощущать кожей. По мере приближения моей восьмидесятикилограммовой массы аномалия начала оживать. Сначала она завибрировала, чуть уплотнилась, став намного более видимой. Предметы за ней теперь искажались очень сильно, как за трепещущим водяным шаром, а бьющие сверху капли дождя теперь вызывали на искажающей поверхности рябь.

– Напряглась, зараза... – прошептал я, невольно отступая к стене.

И тут же вокруг аномалии начал закручиваться ветер, точнее, стоячий вихрь, поднявший с земли водяную пыль, травинки и прочий мусор. Движение воздуха толкнуло меня вперед, я же, чтобы скомпенсировать этот порыв, наоборот, отпрянул назад, услышав характерный треск рвущейся материи куртки. Ткань, надо сказать, очень прочная, но все же не кевлар. Так что торчавшая из стены проволока прорвала дыру и застряла, а я повис на ней, как на крючке, не имея возможности сорваться. Аномалия же, почти перед самым моим носом, продолжала бушевать, закручивая вокруг себя воздух. При этом она чуть увеличилась снизу, почти коснувшись моих ног и бедер. Лишь выше пояса она отступала сантиметров на двадцать от лица. Выглядело это страшно, но еще страшнее было висеть, не в силах сдвинуться по своему усмотрению хоть в какую-то сторону. Шевелить же ногами не хотелось совершенно – уплотненное пространство не доставало до них всего двух-трех сантиметров.

Я вспомнил анекдот про одноглазого сталкера, напоровшегося здоровым глазом на проволоку по пути к торговцу. Но, честно говоря, безудержного веселья это воспоминание не вызвало совершенно. Напротив, я испугался. В более идиотскую ситуацию мне еще в Зоне попадать не приходилось. Перед мысленным взором промелькнула картинка, как один сталкер, сидя у костра, говорит другому:

– Слышал, как Лемур спекся?
– Не-а...
– От лени, прикинь. Ломало его по оврагу через “Трещотку” вернуться, так он попер в двух шагах от аномалии.
– А че, “Трещотка” сильная была?
– Да фиг там. Даже антирад не понадобился бы. Водочки бахнуть, для выведения изотопов, и можно топтать.
– Так че он?
– Недаром же Лемур. Ленивец, блин. Полтора километра назад, полтора вперед – ему много.
– А-а-а... И че, аномалия ему кишки наружу вывернула?
– Да хрен там. Он, прикинь, прямо рядом с ней за проволоку зацепился.
– Да ты че?
– Реально, чувак! Напоролся и висит. Ни туда ни сюда.
– Ну, так снял бы куртку. Блин, это анекдот, что ли?
– Нет! Как ты снимешь куртку, если в полушаге перед тобой аномалия? Вперед подашься – и пипец. А без того из шкуры не вылезешь.
– Во, попадалово...
– Реально. Врагу не пожелаешь. А все от лени. Мотай на ус, салажонок.
– А ты откуда про Лемура знаешь, если он был один?
– Так я его и нашел. “Трамплин” к тому времени уже рассосался. Лемур от голода сдох, прикинь! А за спиной полный мешок редкого хабара, не считая вязанки собачьих хвостов. Лемуру всегда на хабар везло.

– Хрен вам, а не мой хабар! – зло ответил я воображаемым собеседникам. – Перетопчетесь!
Но злость злостью, а решение проблемы не приходило. Был бы рядом еще кто-нибудь, настолько же сумасшедший, чтобы сунуться между забором и аномалией, с его помощью можно было бы отцепиться от проволоки. А так, подергавшись во все доступные стороны, я понял, что влип как следует. Мешало все – мешок с хабаром, автомат, неудобная поза, когда не во что упереться ногами. Я посучил ими, как натянувший веревку висельник, пытаюсь найти хоть какую-то зацепку на заборе, но в этом месте он как назло был особенно гладким. До земли же я доставал только носками штурмовых ботинок. А вылезать из куртки, как сказал воображаемый сталкер, было действительно некуда – аномалия резвилась прямо перед моими коленями.

И хотя куртку было жаль, я все же прекрасно понимал, что ею придется пожертвовать. Так же как лямками рюкзака. Сунув пистолет в карман и вытащив нож, я аккуратно, чтобы потом можно было пришить, отпорол одну лямку и высвободил правую руку. Жить сразу стало полегче. Я стянул с плеча автомат, бросил под ноги, а затем отпорол другую лямку и качнулся, пропуская отвалившийся рюкзак вниз. Он шлепнулся в раскисшую от дождя глину, а я получил возможность еще чуть опуститься. Теперь я уже почти всей ступней касался грунта, что дало возможность мне отдышаться, а надеждам окрепнуть. К тому же удалось отодвинуть ноги еще на пару сантиметров от аномалии.

Резать куртку было жаль. И дело не только в ее стоимости, но и в защите, которую она обеспечивала. Хорошая мембранная ткань, которую сталкеры для пущей водонепроницаемости обтирали трансмиссионным маслом, слитым из мостов брошенных машин, спасала от холода и льющейся с неба кислотной воды, от которой любая нормальная одежда меньше чем через неделю раскисала и разлезалась лохмотьями. Толстая синтетическая подкладка смягчала удары, когда приходилось скатываться по каменистым склонам или падать в бетонные ямы на предприятиях, а иногда, такие случаи тоже были, спасала и от неумелого удара ножом.

Но в данном случае остаться в куртке для меня означало умереть. Причем самой глупой смертью, какую только можно придумать. Так что я вздохнул, примерился для первого надреза и собрался было сделать пробный надрез, но тут обстановка изменилась настолько,

что мне пришлось на время оставить эту затею и заняться проблемой более неотложной – из-за подстанции выскочила стая псевдособак.

Они пробежали метров тридцать, потом вожак почуял меня и лаем остановил сородичей. Они тут же перегруппировались и затрусили ко мне. Уж не знаю, кто и почему назвал их псевдособаками, но в принципе, скорее всего, приставка “псевдо” родилась именно из-за того, что по внешнему виду они на собак хоть и походили, но в то же время являлись чем-то вроде карикатуры на них. Во-первых, облезлые до предела. Часто паршивые, а у некоторых шкура и вовсе отслаивалась, обнажая живое мясо. Наверняка когда-то шерсть у них сильно проредилась от радиации, а потом этот признак, как и некоторые другие, закрепился генетически и стал передаваться по наследству. Нечто вроде меха осталось у них в обилии только на заднице и на хвосте, что и делало эту часть их тела довольно ценной. Некоторые гнушались обдирать псевдособакам хвосты, но я старался не проходить мимо любых вещей, которые можно было продать хоть за копейку. Я даже ржавое оружие погибших сталкеров иногда собирал, а потом продавал, как следует вымочив в керосине. Может, кому-то это покажется чрезмерной жадностью, но я в Зону приехал не просто в грязи поваляться и не прячась от властей, как многие. Я приехал за деньгами, поэтому они интересовали меня тут больше всего. Точнее, они по ценности для меня тут были на втором месте после ценности собственной жизни.

Второе, что отличало псевдособак от обычных псов, – их невероятная тупизна и рожденное ею бесстрашие. Ходили байки, что псевдособаки потому “псевдо”, что дохлые. В смысле – ожившие от энергии Зоны трупы собак. Потому и выглядят так. Потому и тупые, что мозг, мол, умер, только мышцы работают. Но я в это не очень верил, так же как в рассказы о вернувшихся сталкерах, погибших, фиг знает когда. Проверить это было трудно, потому что от пуль псевдособаки падали и замирали. Может, дохли, если были живыми, может, обездвиживались, если уже были дохлыми. Вообще в Зоне может быть все, что угодно. Любой кошмар меркнет, честное слово.

От одного научника я слышал и вовсе кардинальную версию, согласно которой псевдособаки генетически произошли не от собак, а от волков, живших в окрестностях Чернобыльской АЭС. А вот слепые псы как раз от собак. В это верилось как-то больше, потому что свирепы псевдособаки были именно по-волчьи. И даже свирепее.

Как бы там ни было, от кого бы псевдособаки ни произошли, но они отличались феноменальной тупизной. Они спокойно бросались на нож и шли даже на плюющийся свинцом автомат, так что отогнать их выстрелами мало кому удавалось. Их надо было просто уничтожать. Причем не отщелкивать одну за другой, иначе остальные тебя успеют порвать, как марлевые трусы, а по возможности резать всеором очередей. Хотя это приводило к неразумному расходу боеприпасов. Я же насобачился, прошу прощения за каламбур, бить псевдособак из пистолета. Благо с меткостью у меня проблем никогда не было, а секрет победоносной и экономной тактики заключался в скорости перевода огня и в защищенности спины. Поскольку давление челюстей у псевдособак было чудовищное, помощнее, наверное, чем у питбуля или у бультерьера. Не знаю, как бедро, а голень, особенно плохо защищенную, они могли запросто зубами переломить. О руке и говорить нечего. Так что подпускать их на расстояние укуса нельзя и спереди, а уж сзади тем более, поскольку они имели обыкновение вцепляться в задницу и вырывать клочок мяса вместе с фрагментами паховых артерий. Выучили, заразы, где самое незащищенное место сталкера – ниже куртки и где штаны, как правило, имели самую слабую ткань, протерлись и разлезались от сидения на мокрых предметах, политых кислотным дождем. Так что, по статистике, подавляющее число сталкеров, подвергшихся нападению стаи псевдособак, погибало именно от потери крови при перекусе паховых или бедренных артерий. Причем перекус всегда происходил сзади. Я это дело смекнул и в стычки с псевдособаками ввязывался, только если имелась за спиной какая-нибудь стена. Тогда, часто нажимая на спуск и быстро переводя огонь пистолета с одной оскаленной морды на другую, можно было отбиться от стаи без лишнего расхода боеприпасов. Обрез двустволки же, к примеру, несмотря на чудовищную убойную силу на

близкой дистанции, годился в таком бою куда меньше из-за необходимости перезарядки патронов после каждых двух выстрелов. Пока вытаскиваешь гильзы и вставляешь патроны, какая-нибудь из тварей непременно до тебя доберется.

Но в моем случае опасны были не только и не столько сами псевдособаки. Я это понял сразу, как только стоя вытянулась и полукругом бросилась в моем направлении. Из-за своей природной тупости и очень избирательного чутья они никогда не замечали аномалии и часто в них попадали, раскидывая обрывки кишок и куски мяса по округе. Так и сейчас – они рванули напрямик, совершенно не обращая внимания на возбужденную аномалию. Стоило хоть одной твари попасть в нее – и мне крышка, поскольку в момент срабатывания аномалия рвет пространство, как взрыв гранаты. Меня попросту убьет ударной волной о стену. Это заставило переложить нож в левую руку – не было времени вставлять его в ножны, – достать пистолет и открыть огонь со слишком большой для “ПММ” дистанции. Благо на уровне груди аномалия отступала, что давало возможность хоть немного удалить пистолет от лица и не получить в скулу откатывающимся при выбросе гильзы затвором.

Вокруг вожака взмыли вверх два грязевых фонтанчика от попавших в размокшую глину пуль, но это его не остановило, так же как и хлопки выстрелов. С третьего попадания я угодил ему в шею. Пес взвизгнул, завертелся на месте и рухнул в лужу, колотя по воде лапами. Подышать он, похоже, не собирался, если действительно был живой, а не сдох лет десять назад, но и в псевдособачьей иерархии у любого вожака есть враги и претенденты на место, так что два здоровенных кобеля тут же на него набросились и начали драться. Остальные тоже приостановили атаку, сбились в кучу и стали глазеть, чем дело кончится. Их оставалось пятнадцать штук, а патронов у меня в магазине было одиннадцать, теперь восемь. В кармане валялась и запасная обойма, но если я буду поражать тварей только каждым третьим выстрелом, мне и ее не хватит. Остальные патроны остались в рюкзаке, а его мне с земли не достать, если не отцеплюсь от проволоки.

Пользуясь замешательством стаи, я прицелился снова и с первого выстрела попал в задницу увлекшегося зрелищем кобеля. Его развернуло и бросило в грязь. Кто-то из сородичей тут же накинулся на него и в два приема разорвал брюхо. Еще трое подскочили и начали дружно отрывать и пожирать куски от еще дергающейся туши. Канныбализм в среде псевдособак был делом обычным, в естественной среде обитания они питались в основном погибшими и ранеными сородичами да сталкерами. Более развернутого меню Зона своим обитателям не предоставляла.

Но вскоре суматоха закончилась, и собаки снова бросились в мою сторону, здорово раззадорившись от пролившейся крови. Я принялся стрелять, но больше мазал. И не потому, что нервничал, а из-за предельной для пистолета дистанции. Это в человека, желательно неподвижного, можно из “ПММ” с пятидесяти метров попасть, да и то лучше все же с половины этого расстояния, а псевдособака не в пример мельче, так что и с пятнадцати в нее пока пулю всадишь, вспотеешь семь раз.

Вспотел я моментально, несмотря на зябкий вечерний ветер. И понял, что стрелять придется как минимум с двух рук, чтобы добиться хоть какой-то результативности. Я хотел сунуть нож в зубы, чтобы высвободить левую руку, но вдруг живо представил, как собака попадает в аномалию, ударная волна бьет мне в лицо и вгоняет клинок до самого затылка. Пришлось, не теряя времени, сунуть нож в карман, но он был слишком длинным – рукоять вместе с гардой торчала наружу. Однако это было лучше, чем ронять его – поднять потом не получится.

Схватив пистолет двумя руками, я с первого выстрела уложил псевдособаку, подскочившую почти вплотную к аномалии, и тут же еще двух, правда, на последнюю потребовалось два выстрела. Итого на пять собак я израсходовал восемь пуль, что было не так уж плохо. Оставалось еще десять тварей. Но шансы у меня были, потому что на этот десяток у меня имелось четырнадцать патронов, если учесть запасной магазин.

Тут же переведя огонь левее, я выпустил три пули, одной псевдособаке перебил лапу, другой снес голову. Началась очередная свара, но в отличие от предыдущих двух эта затянулась, поскольку перебитая лапа не помешала подстреленной псевдособаке бороться за

жизнь. На нее налетели всей стаей, и мне не составляло труда, хорошенько прицелившись, выбивать из кучи одного пса за другим. Однако, увлекшись, я чуть не распрощался с жизнью – слева метнулась неясная тень, я рефлекторно развернулся и выстрелил, еще не понимая в кого. Раздался короткий визг, и тело бросившейся на меня псевдособаки отбросило метра на два. Я не сообразил, когда она успела оторваться от стаи и почему обошла аномалию, а не кинулась напрямик, но на всякий случай, и на свое счастье, резко обернулся вправо. Как раз в этот момент еще одна псевдособака, подскочившая с этого фланга, прыгнула на меня. Я резко поднял ствол пистолета и выстрелил. Пес кувыркнулся в воздухе и чуть не угодил в аномалию, но пронесло. Однако случилась другая беда – от резкого движения из кармана выпал нож и шлепнулся в грязь. Это меня разозлило, и я, сменив магазин, начал мочить собак без разбору, уже не думая об экономии боеприпасов. Главной моей задачей теперь было не уничтожение псов, как я настроился поначалу, а создание среди них как можно большей суматохи. Это, кстати, удалось – позабыв обо мне, они начали драться друг друга, точнее, здоровые драли раненых. Иногда от стаи отделялась одна или две псевдособаки и кидались в мою сторону, тогда я сбивал их одним-двумя выстрелами и ждал следующих. В кучу я уже не стрелял, там и так все было в порядке. Однако рано или поздно они пожрут раненых, подерутся вволю и все равно займутся мной. Это нависало суровой неотвратимостью, а патронов, уже было ясно, на всех теперь точно не хватит.

Я попытался носком ботинка подцепить ремень автомата, и это мне удалось, но вот подтянуть к себе оружие не получалось: мокрый ремень соскальзывал каждый раз, когда я прилагал к нему чуть больше усилий. Да и как назло он норовил попасть стволом в аномалию. В магазине оставалось всего три патрона, а собак целых пять, к тому же они доедали сородичей, и было ясно, что не пройдет и пары минут, как эти твари переключат внимание на меня.

Не представляя, что еще можно сделать, я задержался изо всех сил, пытаюсь сорваться с проволоки, но она держала на удивление крепко. Ткань трещала, но сколько я ни пытался оттолкнуться ногами и руками от бетонной стены, усилия не привели ни к чему. Тогда, совершенно отчаявшись, я решился на крайне рискованный шаг – все же расстегнуть куртку и попытаться выскользнуть из нее. Но выскользнуть строго вниз – означало согнуть колени, а этого мне бы точно сделать не удалось: они аккуратно попадали в зону действия аномалии. Поэтому, расстегнувшись, я попытался сдвинуться влево, чтобы вытащить из рукава правую руку, но тогда начинала мешать левая.

Пока я проделывал эти опасные для жизни трюки, собаки разобрались между собой и снова обратили внимание на меня. Тут уже стало не до попыток вынуть руки из рукавов, я вскинул пистолет и отстрелял по тварям оставшиеся патроны. Одну убил, две другие отскочили, но затею свою не оставили, уставившись на меня злобными взглядами. Так они простояли минуты три, с одной стороны, не решаясь напасть, с другой – не собираясь отправиться восвояси.

И вдруг под лапами одной из них грязь взмыла несколькими фонтанчиками, а через миг я услышал грохот автомата. Следующая очередь сбила обеих с ног. Я поверить не мог, что спасение со стороны пришло столь вовремя. Хотя... Еще вопрос – было ли это спасением?

Потому что сталкеры бывают разными. И чаще всего лучше им не доверять без крайней необходимости. У меня она была крайней, но мешок хабара для некоторых может оказаться слишком большим искушением. Хотя сталкер, какой бы он ни был, все же более или менее свой человек. С ним в принципе можно договориться финансово. Потому что репутацию убийцы иметь никто не хочет. С ее обладателями и торговцы разговаривали неохотно. А если торговец сбивает цену или не берет хабар вовсе, то из Зоны лучше драпать куда подальше. Тут нет другого занятия, кроме добычи и торговли хабаром.

Сталкер ладно... Но если псевдособак постреляли бандиты, то участь моя ясна и весьма незавидна. Сначала пристрелят, а потом уже будут обыскивать. Бандиты очень редко общались со сталкерами в обратной последовательности. На самом деле бандитами, промышлявшими в Зоне, становились самые отмороженные отморозки из всей их братии.

Это, как правило, были беглые из мест заключения или те, кто находился в розыске за совершение особо тяжких. Психов тоже хватало, вроде тех, кто резал когда-то женщинам глотки, а потом, уже мертвых, насиловал. Они тут сбивались в банды, сами по опасным местам за хабаром не ползали, а подкарауливали груженных сталкеров, убивали, а хабар отдавали торговцам. Но не нашим, наши бы с ними в одном поле не пукнули, а своим перекупщикам награбленного. В общем, из всех ужасов Зоны здешние бандиты уверенно занимали второе место. После самой Зоны, естественно.

Начинало темнеть, но, как умный, я не стал зажигать фонарь. Потому что если псевдособак постреляли сталкеры ради хвостов, то это дело одно, а если бандиты, то я их сразу узнаю. И предпочту повисеть до утра, а там разобраться. Это лучше, чем получить бандитскую пулю в лоб. К тому же бандиты всегда осторожничали, к аномалиям близко не подходили, да и в другие опасные места нос не совали, перекладывая всю тяжелую часть работы на сталкеров, а сами собирали сливки, если получится. Получалось, правда, тоже далеко не всегда, потому что группа сталкеров на укрепленной базе могла не только эффективно противостоять набегам банд, но и время от времени проводить зачистки от них.

Вскоре я увидел мелькание света атомобильных фар и услышал звук мотора. Характерный звук – так урчать может только “УАЗ”. Тут же из-за угла показалась и сама машина. Тента на ней, несмотря на ливень, не было, а в кабине сидели пять человек вместе с водителем. С первого взгляда можно было понять, что это бандиты. В отличие от сталкеров бандиты одевались чаще всего в дорогие кожаные куртки со вшитыми в них броневыми пластинами. Защита плевая, в условиях Зоны, по правде говоря, вообще никакая. Но бандитам ведь не надо было ползать по заполненным радиоактивной жижей канавам! Один из этих даже для бандита был одет чересчур не для Зоны – в серый шерстяной свитер с закатанным водолазным воротом. Скорее всего, новичок – то ли зэк, недавно свинтивший из мест заключения, то ли приехавший из столицы кореш кого-то из банды. Не успели снарядить как следует.

Второй признак бандитов – сама машина. Точнее, отсутствие на ней тента. Любой сталкер привык имущество беречь, тем более автомобиль, попади он в его владение. А тут – под дождем без тента. Как сперли у кого-то в таком виде, скорее всего, у тех же ученых, так и катаются. Хотя сиденья через пару дней в негодность придут точно, да и кислотная болотина под ковриками действует на металл кузова не лучшим образом.

Машина остановилась в нескольких метрах от подстреленных и подраненных псевдособак. Бандиты, весело переругиваясь, вчетвером вылезли и принялись обрезать им хвосты. Трое были вооружены короткими милицейскими автоматами “АКСУ”, а один, наверняка главный, “АКМом” с подствольником. В машине остался только придурок в свитере. Я прислушался.

– Осторожно, блин, тут эта гадская аномалия! – предупредил подельников верзила, который, похоже, был в группе за главаря. – Не вляпайтесь.

– Блин, Аркан, мы че, слепые? – пробурчал в ответ рыжий жилистый крепыш.

Остальные молча занимались делом.

– Странно, что сталкеры хвосты не обрезают, – задумчиво произнес верзила.

– Какие сталкеры? Ты че?

– Ну кто-то же псов вальнул! И недавно! Вон, следы, блин, водой заполниться не успели.

– И че?

– Шарф через плечо! – сплюнул под ноги Аркан. – Патроны потратили, а хвосты не взяли?

– Че непонятного? Нас увидели и слиняли.

– Думаешь, их было несколько?

– Да хрен знает, Аркан. Я ваще не думаю про этих придурков. Сдались они мне?

– Блин, сейчас тебе втаранят в башку маслину из снайперки, будут тогда придурки!

– Да хрен, они нищие все. Какая снайперка? На автомат пока накопят, и то облысеют от радиации.

Бандитам шутка понравилась, и они дружно заржали. Но подозрительный Аркан так и зыркал глазами по сторонам.

– Почему-то мне кажется, что тут поработал один.

– Ну, может, – Рыжий почесал макушку и пнул тушу псевдособаки, – с пистолета мочил. Значит, автомата у него нема. Может, реально поискать петушка?

– Зачем?

– А хабар?

– Если сталкер мочит собак из такой волыны, значит, на лучшее не заработал. Откуда у него нормальный хабар? Живет наверняка на “Медузах” и хвостах собачьих. К тому же где его, блин, искать тут по темноте? Лупанет из засады с того же пистоля... Оно надо? Или сами на что-нибудь тут напоремся. Все же Зона, а не Кипр. Нам бы очкарика довести к боссу, а там водочки бахнуть и спать. Задостало все за день.

“Ого! – подумал я. – Никак научника взяли! Не повезло парню. Мало того что в багажнике ехать еще черт знает сколько, так еще с непредсказуемыми последствиями”.

Вообще, бандиты, ради выкупа, разумеется, похищали ученых не так уж редко. Проблема в том, что выкуп за них давали не всегда, разве что если иностранец или наша, но особо светлая голова. Это в Европе ученых ценят, их там раз, два и обчелся. А у нас один на другом сидит да третьим погоняет. Чего их беречь? Вон, за рубеж мозги продают которое уж десятилетие, а меньше у нас не становится.

– Водочки да... – мечтательно прикинул рыжий.

– За этого петушка босс нам нормально отвалит, – пообещал Аркан. – Не только на водочку хватит.

– А что тут еще толкового есть? – невесело усмехнулся рыжий. – Бабу тут и за зеленый шукарь не купить.

– Это да. А ведь среди сталкеров встречаются. Редко, правда.

– Мне бы встретилась...

– Помечтай.

Я неотрывно смотрел за ними, а когда снова бросил взгляд на машину, оказалось, что куда-то делся бандит в городском сером свитере. Это мне совсем не понравилось. В первую очередь потому, что багажника в “УАЗе” как такового нет. Есть задний багажный отсек за сиденьями. В принципе связанный пленник мог там валяться, подобно стреноженному барану, но я вдруг подумал, что придурок в свитере запросто мог оказаться тем самым очкариком, о котором говорили бандиты. А раз так, то его исчезновение ничего хорошего мне не сулило – начнут придурка искать, напорются на меня и кокнут точно. Спрятаться-то я не могу в отличие от него, уroda. Оставалось только надеяться, что он рванул в другую сторону и оставил достаточно следов.

Я не сомневался, что бандиты вели речь об ученом с периферии Зоны, потому что очкариками звали именно их. Не из-за реальных очков, разумеется. Хотя научник мог запросто припереться в очках. У них крыша от рождения конструктивно выполнена на подшипниках скольжения, так что съезжает на раз. Видя хабар, особенно уникальный, они начинали трястись и пускать слюни от вожделения. И еще у них имеется чувство долга перед человечеством, которое, по всей видимости, около Зоны их и держит. Но лучше бы оно их удерживало от создания всяких там ядерных бомб, честное слово. Лично я бы больше их тогда уважал, не знаю, как другие.

В Зоне же от них одна маята. Лучше бы покупали хабар за нормальную цену и исследовали, сколько влезет, чем самим без мало-мальского представления лезть в пекло. Но нет же, находились любители. Перлись, сами искали какие-то артефакты особые, словно им мало того, что мы им через торговцев притаскиваем. Гибли, пропадали без вести... А все не впрок. Хотят, видишь ли, ухватить кусок нашего сталкерского хлеба и сэкономить на бюджете какого-нибудь занюханного института. Ну и поделом им тогда. Сами нарываются. Сидели бы в лагере под защитой вояк, ждали бы, когда им торговцы хабар принесут, тогда и не попадали бы в руки бандитов. Из лагеря поди похитить еще! Бандюки хоть и тупы до предела, но не настолько, чтобы лезть на армейские стволы. Но нет же, находятся научники, которые правдами и неправдами выбивают пропуска в Зону, прутся туда, попадают к бандитам в плен,

а потом, сидя в вонючей яме на какой-нибудь заброшенной автобазе, стонут, что выкуп за них не дают.

В общем, я об ученых был мнения не очень высокого, а уж если из-за их дурацкой тяги к знаниям могла пострадать моя шкура, то и вовсе.

Обрезав псевдособакам хвосты, бандиты направились обратно к машине, и тут оправдались мои самые наихудшие опасения.

– Твою мать! – выкрикнул рыжий. – Аркан! Очкарик слинял! Говорил же, вязать надо было!

– Закройся! – психанул главарь. – Я еще очкариков не вязал! Кореша, блин, засмеют!

– Да по мне лучше бы засмеяли, чем от босса теперь вздрюк получать. И баблос накрылся... Вот гад!

– Ты, блин, сопли сначала подотри, потом мне советуй. Тихо!

Все умолкли и прислушались, но никаких шорохов слышно не было. Я висел на проволоке и молча проклинал все на свете, в особенности науку, начиная от древнеегипетской и заканчивая современной, а также всех придурков, которых она породила. Заодно, особенно когда бандиты принялись прочесывать окружающий подстанцию пустырь, я начал проклинать сначала высшие, а затем и среднетехнические учебные заведения. С выпускниками, преподавателями, всем инвентарем и всем оборудованием. Я уже готов был перебросить свой гнев на международные общественные организации, работающие в поддержку науки, но в этот момент Рыжий выкрикнул:

– Вон он! Вот козел! Смотри, Аркан, он на крыше подстанции!

Воздух тут же содрогнулся от грохота автоматной очереди, а темнота запульсировала от пламени выстрелов. Через миг противно взвизгнули рикошеты отлетевших от бетонного здания пуль. Очередь грянула снова, но я-то знал, как трудно попасть в темноте по бегущей на расстоянии восьмидесяти метров цели. Особенно если стрелять приходится под углом вверх. Не знал я только, каким образом научнику удалось попасть во двор подстанции и какого лешего его понесло на крышу. Ну, бежал бы себе прямиком да подальше! Может, куда добежал бы, если бы в аномалию не попал. Ну и если бы на машине не догнали.

Аркан, скорее всего, чтобы не тратить патроны попусту, зарядил подствольный гранатомет и саданул из него аккуратно в мою сторону. Точнее, снять он хотел научника, меня в полумраке и за уплотнившейся аномалией он видеть не мог. Граната пролетела над моей головой и шарахнула на крыше подстанции, раскидав темноту яркой вспышкой.

– Заговоренный он, что ли? – психанул рыжий.

У него подствольника не было, поэтому, обозлившись, он достал из кармана ручную гранату и в сердцах тоже швырнул ее в мою сторону. У меня екнуло сердце. Ведь не докинёт же до подстанции, идиот! Какого хрена они вообще взялись мочить ученого, если собирались взять за него выкуп? Ну и ловили бы! Но я понимал, что пальбу и метание гранат они устроили просто от злости за побег и в нравоучение – чтобы другим неповадно было, если узнают. На выкуп, в таком состоянии, им было уже, судя по всему, наплевать.

В темноте брошенную гранату почти не было видно, но я все равно различил крутую параболу, по которой она летела. В какое место перед забором она ни упадет, мне бы все равно крышка. Но рыжий, кажется, был зол не на шутку, если запулил лимонку так, что она перелетела через забор и шлепнулась у меня за спиной. Через секунду шарахнул взрыв, да так, что у меня в голове помутилось, а уши заложило, словно их залили быстро застывшей монтажной пеной. В голове остался только свист. Вестибулярный аппарат тоже дал сбой, поскольку у меня возникло полное ощущение, что я заваливаюсь куда-то спиной вперед.

И лишь чуть оклемавшись, я сообразил, что с вестибулярным аппаратом-то как раз все нормально, просто рванувшая граната сорвала ударной волной пару арматурин, на которых держалась моя секция забора, и она провисла назад под своим и моим дополнительным весом.

Несмотря на одурение от контузии, я не стал мешкать, а решительно воспользовался тем, что мое повисшее на проволоке тело сама судьба отдала от аномалии. Теперь расстояния до нее вполне хватало, чтобы выскользнуть из расстегнутой куртки. Что я и сделал. После чего у меня осталось два варианта: драпать, бросив все, или вступить в перестрелку с бандитами. На

самом деле драпать всегда опаснее, особенно в Зоне, особенно без оружия, особенно после захода солнца. А если достать автомат, то на кой фиг тогда драпать? Если можно дать достойный отпор, пользуясь фактором неожиданности, а в награду получить то, о чем тщетно мечтают многие сталкеры – автомобиль. Замануха была редкостная, так что я не смог удержаться.

Бросив куртку, я распластался на покосившейся бетонной плите и схватил автомат. Стрелять из такого положения было неудобно до ужаса, так что я и пробовать не стал, а перевалился через гребень стены и занял позицию у образовавшейся между секциями щели в заборе.

Между тем бандиты понятия не имели о том, что противник, то есть я, может находиться чуть ли не перед самым их носом. Да еще под защитой стены. Они, раззадорившись, принялись гонять по крыше перепуганного ученого.

Аркан, дав еще одну очередь, крикнул:

– Эй, чучело! Давай назад! А то поймаю, кастрирую!

– Или пристрелю, как куропатку! – добавил рыжий. – Козлина! Патроны только на уroda тратить! Давай назад! Побегал, и хватит!

Я взял на прицел Аркана и аккуратненько, плавно выдавил спуск. Короткая очередь из четырех пуль, прошивших туловище по ходу отдачи снизу доверху, сразила главаря наповал. Он свалился набок, а его наплечный фонарь осветил всю группу.

– Пацаны, шухер! – выкрикнул один из бандитов. – У него волына!

Абсурдность данного заявления была понятна даже тупоголовым бандитам, ведь не мог же научник спрятать автомат под свитером! Но факт ответной пальбы имел место быть, и на него надо было реагировать быстро, а потом уже разбираться, что к чему. Рефлексы, кстати, у бандюков работали намного лучше мозгов, так что вступать с ними в перестрелку – довольно рискованное занятие. Хотя любая перестрелка рискованна, чего уж тут говорить. Но все же, по статистике, средний бандит имел некоторое преимущество перед средним сталкером. И лично я был уверен, что как раз из-за тупости. Должна же она иметь хоть какой-то положительный аспект!

Как бы там ни было, но рыжий среагировал моментально. Поскольку неизвестно было, куда стрелять, а вспышки короткой очереди, да еще сквозь преломляющее пространство аномалии, никто локализовать не успел, он выхватил еще одну гранату и сорвал кольцо. Я же, понимая, чем это грозит, полоснул его длинной очередью, уже не сильно маскируясь и не экономя патроны.

– Да это сталкер, гад! – выкрикнул кто-то из бандитов.

А рыжий выкрикнуть уже ничего не мог – пара пуль прошла его насквозь, он выронил лимонку и шлепнулся спиной в грязь. Его фонарь, ударив лучом в зенит, образовал тусклое световое пятно на низких дождевых тучах.

– Граната, пацаны! – раздался предупреждающий окрик.

Оставшиеся двое бандитов бросились на землю, но это их не спасло. Граната “Ф-1” имеет поражающий радиус действия до двухсот метров, тут и мне еще могло прилететь, если бы не забор, а уж в двух метрах, когда она взрывается, капец обеспечен почти наверняка, даже если осколками не достанет.

Воздух рвануло, после чего один бандит остался неподвижно лежать, а другой, я заметил, катался в грязи и что-то мычал под нос. В любом случае его боеспособность снизилась до нуля, это уже ишаку понятно. Однако секунд через десять и он затих. Хотя мог прикинуться, отойдя от контузии, я про такие фокусы слышал. Поэтому, чтобы не нарваться на неожиданность, я добавил по лежащему телу двумя короткими очередями, удостоверившись по грязевым фонтанчикам, что пули точно попали в цель.

Трудно представить что-то более ласкающее слух, чем тишина после перестрелки. Ее не мог испортить даже далекий лай псевдособак и храпение кабана-мутанта в дебрях свалки за рухнувшей высоковольтной опорой.

– Эй, ботаник! – позвал я. – Ты живой?

- Я не ботаник, я геолог, – раздалось с крыши подстанции.
- Кто? – Я чуть не расхохотался. – У тебя с головой все в порядке?
- Гудит. Первым взрывом контузило малость.
- Я не в том плане. Ты не псих?
- А ты что, доктор? – насмешливо раздалось в ответ.

Честно говоря, я не нашелся с ответом. Пришлось врубить наплечный фонарь и обозначить свое местоположение.

- Иди сюда, геолог!

Наконец я его увидел. Он на удивление ловко перебрался через парапет крыши и спустился по металлической лестнице.

– Хоть увижу, как выглядит живой сталкер, – сказал он вместо приветствия, подходя поближе.

- Рогов и хвоста нет, – пробурчал я в ответ.

– Это ты еще просто в Зоне не очень долго пробыл, – усмехнулся он. – Мутации еще впереди.

- Иди ты! – Я махнул рукой и повесил автомат на плечо.

Научник был примерно моего роста, на нем штаны от старинного камуфляжа, какой был у погранцов в конце восьмидесятых годов, и дурацкий серый свитер крупной вязки, сильно скрывавший телосложение. Теперь очкарик показался мне крепче, чем когда сидел в машине.

- Артем, – сказал он и протянул руку.

Я ответил рукопожатием и тоже представился:

- Лемур. По именам у нас не очень-то принято.
- Странная кличка.
- Какая есть, – пожал я плечами.

У него были черные, накоротко стриженные волосы, но прическу все равно трудно было назвать аккуратной, потому что даже то, что осталось на голове, все равно торчало во все стороны. Очков на нем не было.

- Где тебя взяли? – спросил я.

- Недалеко от лагеря группировки “Долг”.

– В Темной Долине? – удивился я. – На кой черт тебя туда понесло? Или ты с должовцами работал?

– С должовцами у меня не сложилось. Ребята хорошие, но борются за свои идеи, на чужие им наплевать.

- Выходит, у тебя есть идея?

- А у кого их нет? – рассмеялся Артем.

- Ладно. Меня больше интересует, куда тебя подкинуть. Как ни крути, а ты меня выручил.

- В плане? – настороженно спросил он.

Я на секунду задумался, стоит ли озвучивать щекотливую ситуацию с проволокой, но почему-то мне вдруг захотелось с кем-то поделиться эмоцией. Известное дело, что наиболее подходящие уши для этого – уши случайного попутчика. Эдакая взаимная психотерапия. Русская народная медицина, псевдособака ее раздери.

– Поехали отсюда, – поторопил я. – Ночь в Зоне – не лучшее время суток. У меня тут шхера неподалеку. Можно переночевать, а там разберемся.

- Не вижу препятствий, – улыбнулся Артем.

Я отцепил куртку от проволоки, осторожно подобрал рюкзак и нож, после чего поспешил убраться подальше от аномалии и первым сел в машину, за руль. Мокрое сиденье чавкало под задницей, как пропитанная водой губка. Мой новый знакомый, не открывая дверцы, перевалился через борт и вольготно устроился на правом сиденье.

- Хороший трофей, – подмигнул он мне.

- Вообще удачно все получилось, – сдержанно ответил я.

А по дороге не выдержал и выложил ему историю с аномалией, проволокой и чудесным спасением. Но, честно говоря, его реакция меня озадачила. Причем озадачила сильно.

Нормальный человек бы поржал. Он же выслушал с неослабевающим интересом и очень тактично попросил повторить тот момент, где у меня выпал нож из кармана. Эпизод же со взрывом гранаты, благодаря которому я получил возможность высвободиться, не произвел, казалось, на него вообще никакого впечатления. Он воспринял его как само собой разумеющееся. Финальная же его фраза меня и вовсе поставила в тупик.

– Н-да... – протянул Артем. – А я-то думал, зачем же бандитам понадобилось меня заполучить в плен? Понятно, понятно... Миленко даже.

Честно говоря, я вообще не врубился, что он хотел этим сказать. Но разговаривать после этого у меня охота пропала. Вот вам и взаимная психотерапия! Я перед ним все кишки наружу вывернул, а он... Будто человек каждый день в такую круговерть попадает!

С километр мы ехали молча. Лицо Артема выражало глубокую задумчивость. Хотя что удивительного? Ученый как-никак. А потом он ляпнул такое, что я чуть в дерево не въехал от неожиданности:

– Наверное, нам придется какое-то время поработать вместе...

– Что? – Я надавил на тормоз и вытаращился на него. – С какого перепуга? И что значит “придется”?

– То и значит. Знаешь, среди моих мечтаний не было ни одного о работе со сталкером. Ни в последнее время, ни ранее. Тем более со сталкером по кличке Лемур.

– Боюсь тебя удивить, но со мной та же фигня. Я терпеть не могу вашего брата и плевать хотел на любую ученую плешь с самой высокой точки четвертого реакторного блока здешней АЭС.

– Ты туда заберись еще, – с серьезным видом ответил Артем.

Я умолк и снова тронул машину с места. До моего убежища оставалось с полкилометра, не больше, когда он выдал очередную фразочку.

– Хорош дуться, сталкер. – На его губах снова заиграла улыбка. – Сейчас осядем в тепле и уют, я тебя сразу введу в курс дела.

И тут меня проняло. Я вдруг понял, чем меня напрягала создавшаяся атмосфера. Противоестественностью! Не загадочными фразами очкарика, а тем, что он, пережив автоматный обстрел с применением подствольного гранатомета и лимонки, вольготно вытянул ноги в кресле и рассуждал о каких-то высоких материях, вместо того чтобы сначала обгадиться с перепугу, а потом биться в долгой истерике.

Я и сам-то только начал выходить из неадекват, иначе сразу бы заметил такое разительное несоответствие. А уж мне тут пришлось всякого насмотреться! И то сегодняшнее приключение оставило след на психике. А этому – хоть бы хны! Словно в него каждое утро, вместо умывания, из подствольника лупят.

Мое убежище представляло собой заброшенный овощной склад. Ну, это громко сказано... На самом деле это был бетонный бункер, общей внутренней площадью метров двести квадратных. Когда-то, еще до аварии, тут хранили лук, о чем свидетельствовали таблички на боксах: “Цибуля Червоный Жовтень”, “Цибуля ялтинська”, “Цибуля з господарства Проминь” и “Цибуля звичайна”. Но лук давно высох и сгнил без остатка, а я получил, волею случая, прекрасный дом, в котором можно было жить одному. Причем вполне безопасно. Снаружи крытый толстым слоем почвы и дерна бункер ничем не отличался от раскиданных в округе небольших холмов. Когда-то из земли торчали три вентиляционные трубы, по которым я и нашел это место, но они были мною удалены и засыпаны за ненадобностью. Я не лук, мне особый микроклимат не нужен. А воздуха в бункере и так хватало. Зато маскировка получилась идеальная, особенно когда я заделал дерном единственную металлическую дверь, ведущую под землю. Наступишь, фиг поймешь, что под ногами подземное убежище. Холм и холм.

Кроме того, даже если кому стукнуло бы в голову сюда сунуться, ему пришлось бы преодолеть пятнадцатиметровый коридор, разделяющий бункер надвое. Я в этом коридоре, при достаточном боезапасе, мог бы полк положить, честное слово. Хотя, чего душой кривить,

кое-кого я там и положил. В следующей реинкарнации будут знать, как соваться в чужое жилище.

Всяких же местных тварей я не боялся вовсе, поскольку дверь была толстой, из хорошего проклепанного металла. Такая и через сто лет насквозь не проржавеет. Засов тоже был тот еще, будто в подводной лодке времен Второй мировой войны. Безмозглым тварям это творение инженерной мысли было точно не по зубам. А с замочком, который я вешал изнутри на запорный механизм, и подавно. Если же кто попробует землю над головой рыть, так там бетон под грунтом. Его взрывать надо, а не когтями или копытами царапать. В общем, домом я был доволен. И меня не очень волновало, что научник о нем узнает. Захочет кто-нибудь нанести неожиданный визит, так я побеседую с ним в узком бетонном коридорчике. За мной не заржавеет. Машину, правда, я у самого входа оставлять не стал, загнал в заросшую кустарником ложбину, а сверху накрыл старым, оставшимся еще от бывших хозяев бункера, брезентом. Даже если кто из сталкеров на нее там наткнется, то на жилище по этой примете никак не выйдет. Что спасет меня от лишнего душегубства.

Надо отдать Артему должное – он помог мне и брезент дотащить до машины от дома, и маскировку устроить, не боясь ободрать руки о колючие кусты. Двигался он ловко, без суеты, словно их там, в институтах, только и учат, что резать кустарник армейским ножом. В общем, чем больше я на него смотрел, тем меньше он соответствовал создававшемуся у меня образу ученого.

Закончив с маскировкой машины, мы вернулись в бункер, заперли дверь, добрались до одного из боксов, выполнявшего у меня функции кухни, и я поставил чайник на спиртовку.

– Хорошо устроился, – огляделся Артем.

– Не жалуюсь, – пробурчал я в ответ.

Когда вода вскипела, мы расположились на свернутых в несколько раз брезентовых полотнищах, как шахи на подушках, и начали чаевничать. После дождика и беготни – самое то. Две керосинки давали вдоволь света, так что мы оба чувствовали себя вполне комфортно.

– Ты меня прости, что так бесцеремонно вторгся в твою жизнь, – сказал Артем после долгой паузы.

– Да ладно, – миролюбиво ответил я, прихлебывая из побитой армейской кружки.

Раздражение, подпитанное падающим с небес кислотным дождем, тут, под надежной крышей, стремительно улетучилось. Ну, попал в беду человек, выручил я его... Может, зачтется. Я не был суеверен, но верил, что добро рано или поздно вознаграждается. Так же, собственно, как и зло. Только с обратным, разумеется, знаком. Поэтому старался не упускать возможности помочь кому-то из сталкеров. К тому же обычно это почти ничего не стоило. Ну, аптечкой там поделишься или поможешь отбиться от стаи псевдособак. Или подаришь брату-сталкеру банку тушенки. И что с того, что на этот раз это оказался не сталкер, а ученый-геолог? Понятно ведь, что моя нелюбовь к ученым была скорее выпендрежем, чем зиждилась на чем-то серьезном.

Кстати, если подойти к вопросу дотошно, то не просто я его выручил, а и он меня тоже. Пусть и неосознанно. Ведь не заберись он сдуру на крышу подстанции, вместо того чтобы драпать быстро и далеко, в него бы не швырнули гранатой, она бы не свернула секцию забора, и я бы не выбрался из куртки. А не выбрался бы, так не достал бы до автомата, тогда и судьба Артема решилась бы просто и быстро. Как, впрочем, и моя. Жаль, осколка от той гранаты не осталось, а то бы впору было сделать из него талисман на цепочке. Хотя сама по себе граната – вещь пустая. Важен тот, кто ее кидает, и тот, в кого ею метят. А последним оказался как раз Артем. И, как ни крути, можно его было хотя бы поблагодарить за этот вклад в мое спасение, пусть и скромный и неосознанный.

– Спасибо, – сказал я, не уточняя, за что.

– Всегда пожалуйста, – спокойно ответил мой новый знакомый, словно понял, о чем идет речь.

Это меня немного напрягло, но следующий глоток чая смыл возникшее напряжение без остатка. И тут он выдал такое, от чего меня натурально сняло с катушек.

– Как-нибудь сочтемся, – с улыбкой добавил Артем. – Думаю, у тебя будет случай отблагодарить меня за помощь.

Такой наглости я, честное слово, не ожидал. Мне на миг показалось, что я ослышался, но все же понятно было, что это не так.

– За какую помощь? – оторопело спросил я.

– А за что ты меня поблагодарил? Мне показалось, ты понял суть ситуации.

– Суть ситуации? Суть в том, что я спас от бандитов твою ученую задницу!

– Так за что тогда благодарил?

– Ну... За то, что ты стал частью ситуации, которая помогла мне высвободиться из западни.

– Странно... – Артем почесал переносицу. – Вообще-то я об этом и говорю. Но в то же время чувствую между нами какое-то непонимание.

– Непонимание? – не скрывая издевки, переспросил я. – Могу объяснить его суть. Ты относишься к факту счастливой случайности очень серьезно, словно в этом есть твоя заслуга.

– Ах, вот ты о чем, – широко улыбнулся Артем. – Ну да, ты же не знаешь... Извини. Я так ко всему этому уже привык, что мне показалось, будто и ты сразу въехал.

– Во что?! – мое терпение подошло к критической точке кипения.

– Стоп! – Он добродушно выставил вперед ладони, словно пытался от меня защититься. – Я сейчас объясню.

– Весь внимание, – насупился я, понемногу остывая.

– Ты слышал про Монолит? – в лоб спросил он.

Конечно, я слышал! Еще бы! Это главная сталкерская байка со времен первых неучтенцев Зоны! Это главная легенда ее возникновения. Про нее слышит каждый сталкер, впервые усевшись покурить у общего костра в лагере для новичков.

– Ты правда ученый? – с сомнением спросил я.

– А что? – улыбка не сходила с лица Артема.

– Да так... Странно слышать от ученого про Монолит. Разве что в качестве сказочки на ночь.

– Ученый, ученый, – успокоил он меня. – Говорю же – геолог. Породы изучаю разные, камни...

– Камни? – Я напрягся.

– Ага. Камни. Маленькие и большие, драгоценные и не очень.

– Геолог, значит... Забавно. Изучаешь, значит? В таком свитере? Без спецкостюма, без снаряжения...

– Да обхожусь как-то. – В глазах Артема так и запрыгали веселые чертики.

А меня вдруг проняло. Я вдруг подумал, что так не бывает. Сколько совпадений в куче! Никогда не приходилось слышать о геологах в Зоне. Биологи есть, физики, химики – навалом. Но что тут делать геологу? Мало, что ли, камней за пределами Зоны? А тут еще эта граната и мое чудесное освобождение. И Монолит до кучи. Самое удивительное, что все эти совпадения объединял некий общий стержень, суть которого пока от меня ускользала. Ну ладно... Монолит – камень. Геологи изучают камни. Уже смешно. Но кому может прийти в голову послать ученого в Зону проверять правдивость самой невероятной легенды? Легенды о камне, якобы исполняющем любые желания. Легенды, в которую сталкеры упорно заставляли себя не верить, чтобы не двинуться крышей. Потому что в Зоне возможно всякое. В принципе никто не знает пределов, что тут возможно, а что нет. А тут еще эти братья-писатели... У них в Зоне тоже был артефакт, исполняющий любые желания. Не Монолит, а шар. Но, наверное, не я один в детстве мечтал найти волшебную палочку. А Зона – единственное место, где она могла оказаться хотя бы с минимальной долей вероятности.

– Так ты собрался отыскать Монолит? – чуть не рассмеялся я. – Мне кажется, что все истории про него – выдумка. Точнее, общая мечта всех, кто попадает в Зону. Мечта найти нечто особенное, нечто невероятно ценное. Воплощение мечты о волшебной палочке.

– Это ты на основании чего решил? – заинтересованно спросил Артем.

– В смысле?

– У тебя есть доказательства?

– Доказательства чего? – удивился я.

– Доказательства отсутствия в Зоне подобного артефакта.

– А для этого нужны доказательства?

– Понимаешь, сталкер, я – ученый. А наш брат привык оперировать фактами, гипотезами и доказательствами. Насколько я понимаю, у тебя есть гипотеза, что никакого Монолита тут нет и никогда не было. Так?

– Если тебе так нравится, пусть будет гипотеза, – пожал я плечами.

– Тогда выдвини доказательства этой гипотезы.

– Дурацкий разговор, – отмахнулся я. – У любого артефакта в Зоне есть обоснованный физикой или химией принцип действия. И ты, ученый, хочешь мне навешать лапши, будто наука знает некое обоснование волшебства?

– Почему волшебства? – глянул он на меня.

– А как еще назвать исполнение любого желания?

– Знаешь... Лет пятьсот назад самолет показался бы колдовским артефактом. Нет? Наука не стоит на месте. Открываются новые законы...

– Хватит мне мозги полоскать, – поморщился я. – Кажется, я воткнулся, куда ты клонишь. Хочешь нанять сталкера для своих поисков? Ищи в другом месте. Я не работаю на ученых. Тем более на ученых-сумасбродов, ищущих тут элементы антигравитационных двигателей, неисчерпаемые источники энергии и волшебные палочки. Я сюда приехал зарабатывать деньги.

– И много уже заработал? – усмехнулся Артем.

– Нормально.

– Везет, значит, на хабар?

Я заппнулся. Многие сталкеры знали, что мне действительно везет на хабар. Неужели кто-то навел на меня этого ученого перца? Хотя нет, отпадает. Его бандюганы привезли. Отпадает... Но я все равно решил держать ухо востро.

– Не жалуюсь, – скупо ответил я.

– Интересно. – Артем задумался. – Все одно к одному.

– Может, хватит говорить загадками? – снова вспылал я. – Половины не понимаю из того, что ты говоришь!

– Экий ты вспыльчивый! – Он покачал головой и отхлебнул остывающий чай из кружки. – Ладно, попробую прояснить ситуацию. Скажем так... У тебя есть гипотеза, но нет доказательств. А у меня есть доказательства. Но гипотеза у меня входит с твоей в прямое противоречие.

– Хочешь сказать, что у тебя есть доказательства существования камня, который исполняет любые желания?

– Насчет любых врать не буду. Но некоторые точно.

– Ты о Монолите?

– Не совсем. Но мне довелось вступить в контакт с артефактом, который косвенно подтверждает возможность существования Монолита со всеми приписываемыми ему свойствами.

Я умолк. Не то что я ему сразу поверил, но в принципе, раз человек чешет языком с такой уверенностью, значит, не исключено, что у него за душой действительно есть нечто весьма интересное. И это нечто может стоить... Фиг знает, сколько оно может стоить, даже если только намекает на реальность чего-то подобного Монолиту.

– Косвенно?

– Именно так. Так же косвенно, как попавшая под ноги пуля косвенно указывает на наличие стрелка, целившего в тебя.

Информация в Зоне стоила денег. Ею отдавали долги, ею расплачивались за услугу, ею могли выразить благодарность или за что-нибудь наградить. Ее достоверность, правда, можно было оценивать по десятибальной шкале, разделяя на три большие группы – одна с понятными и прямыми доказательствами, другая с косвенными или сомнительными, третья

без доказательств вообще. Но даже такая стоила денег. А тут мне лили в уши информацию о главной байке сталкеров. Уже не плохая расплата за чай и возможность безопасной ночевки. А от платы я старался никогда не отказываться. Поэтому я решил засунуть свое недоверие и язвительный тон подальше, раскрыть уши и запоминать все сказанное. Авось пригодится. На крайняк, если самому не понадобится, можно ею с кем-нибудь за что-нибудь расплатиться.

– Ладно. Сказал “а”, говори и “б”, – кивнул я.

– Ага, зацепило? – довольно сощурился Артем.

– Заинтересовало, какие могут быть тому доказательства.

– Это хорошо. Заинтересованность снимает стену лишнего недоверия. А то ты оуклился, оброс шипами, и фиг до тебя доберешься.

– А я не девка, чтоб до меня добираться.

– Ладно, сталкер. Тебе сегодняшнее происшествие странным не показалось?

– Ты о бандюках?

Он кивнул.

– Хочешь честно? – глянул я на него.

– Валяй, валяй.

– Самым странным мне показалось, что какой-то ученый расхаживает по Зоне в свитере.

– Это один из аспектов. Тоже косвенный. Потом объясню. А еще что?

– Я не на исповеди. Взялся говорить, говори.

– Да хватит крыситься! – улыбнулся он. – Мне просто интересно, как это смотрится со стороны. Взглядом человека, который не знает, в чем дело.

– Что смотрится?

– Мое патологическое везение, – спокойно ответил Артем.

Я чуть чаем не подавился, честное слово! Везение! Кто бы уж говорил!

– Ты издеваешься? – напрямую спросил я.

– Хочешь сказать, что не веришь в везение? – Он поднял брови от удивления.

– Нет, почему же. Верю. Меня самого в некотором роде считают везунчиком. Но к тебе-то это каким местом? Или у тебя сегодня самый удачный день твоей жизни?

– Нет, за последнее время обычный. В общем-то.

– Ну и где тут везение? Тем более патологическое? Сильно повезло, что бандюки похитили? Или везение, когда по тебе из гранатомета палят? Честно скажу, я без этого как-нибудь обойдусь. Без твоего патологического. Мне и моего, нормального, хватает.

– Неужели со стороны правда незаметно? – В глазах Артема загорелся огонек исследователя.

– Правда, – честно ответил я.

– Понятно... – протянул он и долил из чайника кипяток в кружку. – Видимо, мы смотрим с тобой в разных информационных плоскостях. Давай я тебе покажу, как смотрится с моей точки зрения.

– Валяй, – ответил я, уже не рассчитывая, что его слова меня чем-нибудь удивят.

– Вот утром я отправился из лагеря в Зону.

– В свитере, – уточнил я.

– Да, в свитере. Мне он нравится. Мне его любимая женщина связала.

– Он тут раскиснет к псевдособакам. Дожди кислотные.

– Пока выдерживает, – осадил меня Артем. – У меня была задача. Отыскать доказательства моей гипотезы, точнее, место, которое, по моим расчетам, должно хранить отпечаток произошедшего какое-то время назад события.

– И как?

– Ну, я прогулялся немного... По моим расчетам, это место располагалось недалеко от лагеря. Но я его не нашел. И тут ко мне подкатили бандиты, допросили, поняли, что я ученый, и взяли с собой. Скорее всего, ради выкупа.

– Сплошная везуха, – кивнул я.

– Смейся, смейся. Они меня не связали... Как тебе?

– Они ученых не вяжут. Их кореша засмеют за излишнюю осторожность, – просветил его я.
– Это все равно что лабораторную крысу держать в наморднике и строгом ошейнике.

– Отлично. Пусть так. Неважно. Ты слушай, слушай. Я проехал с ними километров пятнадцать и вдруг заметил на местности те самые следы, которые искал. В пятнадцати километрах! Пешком бы замучился топать!

– Ты бы еще в плавках пошел прогуляться... Тогда и три километра по Зоне было бы много.

– Скепсис – признак научного подхода к познанию мира, – сказал Артем.

– Это плохо?

– Нет, это абстрактное замечание. Заметка для меня, произнесенная вслух. Слушай дальше. Потом мне удастся бежать. Случайно они так занялись псевдособаками, что я выпал из их сферы внимания.

– Ну... Занялись.

На самом деле мой скепсис начал вянуть. Я уже сообразил, какую нить Артем плетет из этой истории. Но я не стал перебивать.

– Да. – Он сощурился. – Занялись псами, когда уже согласовали с главарем по рации, что получают за меня деньги. Нормально? Сравни сумму выкупа и стоимость десятка собачьих хвостов? Адекватно?

Я не нашел что ответить. Только спросил:

– Какого лешего тебя понесло на крышу подстанции? Можно же было просто сбежать!

– Я похож на идиота? – спросил он.

– Честно? – сощурился я.

– Иди в задницу, – обрезал он продолжение. – Я не стал бежать полем, поскольку в поле они меня догнали бы на машине. Это как раз любому идиоту понятно. На крышу же на “УАЗе” не въехать.

– А вдруг бы там, в каком-нибудь помещении, кровосос сидел? – спокойно спросил я.

– Не сидел бы! Точно так же я отвечу на вопрос, что было бы, если бы меня загасили очередями или гранатой из подствольника. Не загасили бы.

– Почему? – спросил я.

– Ты еще не врубился? Потому что я напоролся на артефакт, обеспечивающий мне патологическое везение. Судя по всему, не очень надолго, я уже ощущаю ослабление эффекта, но зато очень надежно. Все случайности, которые могли бы сложиться против меня, складываются в мою пользу.

– Особенно похищение, – не сдержал я сарказма.

– И похищение тоже. Иначе как бы я добрался до места, подтверждающего верность моей гипотезы? Да и как бы мы с тобой встретились? Мне что, пешком пришлось бы до подстанции топтать?

Я вспомнил анекдот про молодого и бывалого сталкера, как пошли они добывать кабана-мутанта для бармена. Бывалый, мол, говорит молодому, чтобы тот не стрелял без команды, а то в рог получит. Подкрались они к мутанту, молодой только ружье вскинул, прицелился, но тут бывалый ему как шарахнет по уху! А сам взял и пальнул кабану под ноги. Молодой подумал, что бывалый промазал, ну и давай драпать от кабана. Бегут они вместе с бывалым, бегут, кабан за ними чешет во всю прыть. Молодой выдохся, думает, что лучше уж по уху опять получить, чем жизни лишиться. Развернулся и всадил с двух стволов кабану в башку. Тот рухнул, как подкошенный. Бывалый подсакивает и снова молодому по ушам надавал.

– Ты что? – психанул молодой.

– Я же говорил не стрелять без команды!

– Так я же попал!

– И что? А кто теперь эту тушу будет до бара тащить?

С Артемом, по его словам, вышло что-то вроде этого анекдота. Типа бандюки его похитили только для того, чтобы подбросить сначала до нужного ему места, а потом до подстанции, где я болтался на проволоке. И лишь выполнив миссию, все откинули копыта за ненужностью.

– А зачем тебе со мной встречаться, везунчик? – устало спросил я. – Есть варианты?
– Не знаю. Но раз так сложилось, значит, в чем-то это для меня удача.
– Может, твоя удача ждала тебя на подстанции? Да так там и осталась?
– Эта версия не выдерживает критики, – покачал он головой. – Поскольку граната, брошенная бандитом, не убила тебя, как должна была сделать по всем правилам теории вероятностей, а, наоборот, спасла от гибели в “Трамплине” или от голодной смерти. Если бы ты сам отцепился, нам было бы труднее встретиться, а может, на твоём месте тогда оказался другой. Не знаю. А так тебя держали ровно до моего приезда, потом познакомили нас и отпустили.

– Кто держал? Проволока?

– Нет. Некие силы, природу которых я понимаю лишь отчасти. Они являются проявлениями действия артефакта, с которым мне довелось столкнуться пять дней назад. И все эти пять дней были для меня сплошным, медленно убывающим везением.

Признаться, он меня не очень убедил. Выстроенная им линия не была лишена логики, но так можно притянуть за уши что угодно к чему угодно. В принципе никаких особых чудес не произошло, все как раз вполне вписывалось в теорию вероятностей. События в отдельности. Но вот все вместе... Я снова прокрутил в памяти всю цепочку. Что-то в этом было, но как-то не очень ярко.

– Чего молчишь? – спросил Артем.

– Не знаю. Таких случайностей до фига в жизни бывает.

– В первый день действия артефакта я тоже так подумал. Но потом логика подобных цепочек случайностей стала видна невооруженным глазом. Я чего-то хотел, и некая сила, путем стечения вполне вероятных и зачастую обыденных обстоятельств, приводила меня точнехонько к нужному результату. Все пять дней, включая сегодняшний. Я уже и защитную одежду таскать перестал. Из принципа. Все равно ни пули, ни мутанты меня за это время не беспокоили.

– Забавно. – Я поставил кружку на низкий столик перед собой. – Но если принять на веру твою теорию, то я каким-то образом отвечаю какому-то из твоих желаний. Так?

– Конечно, – спокойно ответил Артем. – Ты поможешь мне снова добраться до того артефакта, а потом мы найдем еще несколько, потому что, согласно моим расчетам, он не может быть один. Или, возможно, наткнемся на сам Монолит.

Конечно, я ждал чего-то подобного. Конечно, я уже заранее придумал предлог отказаться. Конечно... Но.

– Думаешь, их несколько? – осторожно спросил я.

– У меня есть на то косвенные доказательства.

– Ладно. Я в них сейчас не буду вдаваться, ладно?

– Ну.

– Допустим, мы найдем эту штуку. И что? Тебе-то потеха, я понимаю. Тема для исследования. А мне какая радость? Поднять удачливость на пять дней? Что-то не горю желанием ради этого ползать на брюхе по Зоне. Я за это время хабара наберу и продам...

Конечно, я лукавил, конечно, играл дурачка. Но я не хотел первым заводить денежную тему. Клиент должен сам предложить деньги. Первым. Иначе их потом всю дорогу придется у него вымогать и кланчить.

– Похоже, ты немного переутомился, – негромко произнес Артем. – Попробуй представить, в какую сумму могут оценить камушек с подобными свойствами.

– Камушек?

– Да. Это небольшой черный камень. Чуть больше человеческой головы. А форма его такова, словно он отвалился от большого черного отполированного параллелепипеда. И чтобы активировать свойства камушка, надо проделать с ним одну несложную операцию.

– Какую? – сразу спросил я.

– Можно, я пока тебе не скажу? – усмехнулся он.

И я заткнулся. Потому что он был прав. Незачем мне пока это знать. Точно, незачем. А вот цену я прикинул. И она могла полностью соответствовать моим чаяниям. Вот только получить миллион за раз – для сталкера дело рискованное. Но об этом я решил подумать позже. Прежде чем торговаться, надо иметь на руках товар.

– Ты хочешь найти два камня? – уточнил я. – Один себе, другой мне?

– Если моя теория верна, то их еще осталось не два, а куда больше.

– Насколько?

– Штук пять или шесть.

– С чего ты взял? – удивился я.

– Ученый я или нет? – рассмеялся он. – Знаешь, есть такая наука – геометрия.

– Слышал, – вяло огрызнулся я.

– Так вот если взять один кусок и предположить, что он отвалился от предмета определенной формы, то по форме куска можно примерно прикинуть, какой величины был весь скол.

– Логично, – заметил я.

– Дай бумагу и карандаш. Есть?

– У меня тут не научная лаборатория, – ответил я.

– Тогда нож.

Я дал ему нож, и Артем начертил им на пыльном полу параллелепипед в изометрической проекции. А рядом нарисовал форму найденного им камня.

– Такой кусок мог отколоться только от ребра, – пояснил он. – Допустим, отсюда. – Он ткнул в чертеж. – Тогда, судя по углу скола, если продолжить линию, получается приличная каменная колбаса, отколовшаяся по значительной длине грани. Примерно в шесть раз большая, чем мой кусок. Скорее всего, она раскололась на более мелкие фрагменты. Их и стоит искать.

– Большой черный полированный кирпич... – задумчиво произнес я.

– Ну да, – кивнул Артем. – Скорее всего, этот кусок откололся от Монолита.

– Тогда Монолит должен находиться рядом с твоим местом.

– Вовсе не обязательно. Ты же слышал сталкерские сказки о Монолите. Бытуют варианты, что эта штукавина рухнула с неба, пробила Саркофаг и покоится в четвертом энергоблоке. Допуская жизнеспособность данной гипотезы и случайно напоровшись на свой фрагмент, я прикинул траекторию, по которой артефакт мог лететь, перед тем как попал в АЭС.

Он набросал весьма приблизительный план Зоны с корпусами АЭС в центре.

– Осколок я нашел тут, – он поставил крестик на самом юге Темной Долины. – Можно принять это место за центр поисков. Но вообще я, на основании баллистических расчетов, прикинул примерную траекторию движения гипотетического тела на скорости, равной скорости падения метеорита. Получилось, что Монолит, если он оставил скол тут, а сам рухнул на Саркофаг, должен был двигаться по очень пологой, относительно Земли, траектории. А это непременно должно было привести к рикошетированию объекта, то есть он должен был время от времени отскакивать от воздуха, как брошенный голыш несколько раз отскакивает от поверхности гладкой воды. На таких скоростях воздух становится не менее плотным, чем вода. Соображаешь?

– Ну, да.

– Так вот, в местах рикошетирования энергии выделяется больше, чем на других участках траектории, поэтому, возможно, на линии падения могли остаться характерные ожоги. Такой ожог, хотя тогда я не понял, что стало его причиной, был на месте, где пять дней назад я нашел и, к сожалению, по незнанию оставил черный осколок. Потом, сообразив, что к чему, я начал искать и другие ожоги в возможных точках рикошетирования. И сегодня нашел еще один. Это плюс найденный камень является довольно весомым доказательством в пользу существования Монолита. Ну что, возьмешься?

– Не знаю, – со вздохом ответил я. – Недоброе место. И бандюков там полно. По слухам, там база Борова, а он отморозок редчайший. Как ты вообще туда попал? В свитере...

– Тогда я был не в свитере, – довольно жестко и уже вполне серьезно ответил Артем. – Я был в противорадиационном скафандре.

– Но добраться туда...

– Мы добрались на двух военных вертолетах, с поддержкой десанта, в полной защитной экипировке.

– Ни фиги себе.

– Там упал самолет, – выдал мне Артем. – Слышал?

– Слухи ходили. Но место очень уж гиблое, никто не сунулся. Но ты там что делал?

– На самолете везли груз с Тибета. Ценные геологические образцы. Я в Зоне никогда не работал, у меня другая специализация. Но в данном случае без меня не могли обойтись, я должен был отыскать образцы среди обломков, идентифицировать их, по возможности собрать, упаковать и отправить в Москву. Это было специальное задание Академии наук именно для меня. И я с ним справился. Но в процессе его выполнения наткнулся на образец, который не смог идентифицировать и которого не было в реестре груза.

– Понятно. То есть ты сразу не воткнулся в тему и бросил его там?

– Да. Предварительно и совершенно случайно инициировав артефакт. Когда же до меня дошло, я взял отпуск и остался в Зоне. Не совсем легально.

– Ну ты и фрукт... – У меня возникло нечто похожее на уважение к этому сумасшедшему геологу. – Но дело тухлое. У нас нет вертолетов, нет поддержки десантников и противорадиационных скафандров тоже нет. Да и вообще у меня фобия. Я боюсь радиации. Там сильно фонит?

– Сильно. А тебе что, каждый день предлагают дело на миллион? – пристально глянул Артем на меня.

Цифра была озвучена. И этот звук откликнулся внутри меня резонансом. Я даже решил временно не думать о радиации.

– Не ты же мне его дашь! – Я все-таки решил выяснить как можно больше об этом деле.

– У меня таких денег нет, – улыбнулся он. – Да и у нашей науки тоже. Но вот на Западе...

– Идея понятна. Ты берешь камушек, валишь за рубеж, а потом ищи тебя, свищи...

– Нет. Никто никуда валить не будет. Но я ученый. И коллеги за границей у меня есть. Им надо, пусть они и думают, как расплатиться. Но сделку лучше провернуть прямо в Зоне, чтобы не тащить артефакты за военные кордоны. Все же иностранным ученым гораздо проще сюда войти, чем тебе отсюда выйти.

– А ты непрост. – Я наконец тоже позволил себе улыбнуться. – Геолог. Камушки, грит, изучаем... Зараза.

– У тебя выпить что-нибудь есть? Типа за предварительную договоренность.

– Водка. Местная.

– Не пробовал. Но слышал, что пьется она хорошо. И от радиации спасает.

– Слегка.

Я встал, достал из тайника в стене начатую бутылку, наплескал беленькой в кружки и произнес:

– За миллион.

– Каждому, – кивнул Артем.

Мы чокнулись кружками, выпили и сразу легли спать, чтобы попусту не палить керосин. Темнота в бункере была полной. Когда-то это меня пугало, заставляло спать с пригашенной, чуть тлеющей лампой. Но потом я привык. Мне на это потребовалось не меньше месяца – керосин таскать устал, а Артем перевернулся на бок и сразу засопел на брезенте. Я впервые видел человека с такими крепкими нервами. Был бы тупым, еще ладно. Тупые часто отличаются повышенным бесстрашием. Но этот ведь с фантазией! И ничего! Словно не в темном бункере в Зоне – на территории, полной всяческих тварей, в том числе не совсем живых и зачастую совсем не понятных, а в подмосковном доме отдыха. Геолог... Интересно, где он такого опыта поднабрался?

Я начал думать над этим и незаметно уснул.

Глава 2

В которой Лемур с Артемом отправляются в бар, спускают весь хабар, а потом напиваются в стельку

На следующий день я проснулся раньше Артема и на ощупь, как привык, запалил керосинку. Он дрых на брезенте, как малый ребенок в кроватке, даже улыбался во сне, зараза. Так спать можно, наверное, только с абсолютно чистой совестью. Хотя, с другой стороны, оно и понятно. Где научнику ее замарать?

Я умылся и сел пришивать к рюкзаку обрезанные лямки. У меня был еще один, но я старался резервы зря не использовать. Когда работа была закончена, я открыл тушенку, поставил чайник, а потом растолкал нового знакомого.

– Ты чего? – сощурился он.

– Петушки уже пропели, вставать пора, – ответил я.

Он поднялся, пригладил растрепавшиеся волосы и нехотя направился к рукомойнику.

– У тебя план действий есть? – спросил я.

– Вообще-то я думал, что ты его будешь составлять, – ответил Артем.

– Почему?

– Потому что ты спец.

Это было приятно слышать, но все же я рассчитывал и на его помощь.

– У меня мало данных для этого, – ответил я.

– Но ты же сталкер. Зона – дом родной, и все такое...

– Это у бандюков зона – дом родной. Только другая. А мне нужно знать, что нас ждет на месте и по пути. Я в Темной Долине был всего пару раз. Хотя там аномалий до фигища разных, а потому и хабара, когда рассосутся, достаточно. Но бандючья полно. Ненавижу связываться.

– Обойти нельзя?

– Понятия не имею. Зона ведь тоже живет, меняется. Что было месяц назад, того сейчас нет, а новые гадости наверняка появились. Хотя ты прав, можно попробовать.

– Хорошо. Ты командуй, командуй, – улыбнулся он. – Передаю тебе все оперативные бразды правления, а себе оставляю только руководство научной частью экспедиции.

– Спасибо. Но у меня, понимаешь ли, другая специализация. Я не боевик. Я охотник за артефактами. Тихий, мирный. Я даже псевдособак ваю преимущественно из пистолета. В этой же миссии, если все так, как ты говоришь, нам придется проходить сквозь боевые порядки живого противника. И бить будем не мутантов там всяких, не безмозглых тварей непонятного происхождения, а бандитов, может быть, даже вояк. Да и сталкеры, поверь мне, бывают разными. И с некоторыми тоже беседовать получится только посредством ствола. Я всегда старался этого избегать. А потому ко всяческому штурмам, перестрелкам, оборонам и прочим огневым контактам я готов слабо.

– Плохо стреляешь?

– Как я стреляю, ты видел. Никто не жаловался. А не готов я в плане экипировки. Ты вообще голый, а у меня из бронезащиты только жилет, какой таскают в группировке “Наемники”. Он не многим лучше армейского, а по меркам Зоны – это хрень псевдособачья.

– А есть лучше? – заинтересовался Артем.

– Есть. Например, костюм сталкера, какие бармен толкает. Он не только от пуль надежнее, но и радиацию гасит не в пример лучше, и от химических ожогов спасает всерьез. И мазать маслом его не надо. Потому что он прорезинен как следует и усилен кевларовыми вставками. Вот только стоит... Больше девяти штук. А нам их два надо, иначе в Темную Долину соваться бессмысленно. Только собакам на корм.

– Таких денег у меня нет. – С лица Артема сползла привычная улыбка. – Вообще-то у меня почти никаких денег нет.

Он чуть помолчал, а потом спросил напрямую:

– А у тебя?

– Вот те нате хрен в томате... – Я вздохнул и уселся у столика. – Хотя когда это у ученых деньги водились? Песня старая и до боли знакомая. Хреновая какая-то арифметика. Выходит, что финансирование экспедиции ты хочешь целиком взвалить на меня, а сливки делить поровну?

– Нет. Финансирование тоже поровну. Только у меня сейчас нет. Продадим артефакты, я верну.

– Офигительно, – невесело усмехнулся я. – Вкладывайся, прись черт знает куда, неизвестно зачем... И может быть, если получится, если по дороге не сдохнешь... Слушай... А ты меня часом не разводишь вообще? Может, там нет никаких камней? Может, там что-то другое, что представляет чисто научную ценность? А?

– Успокойся! – Голос Артема сделался твердым, как сердечник бронебойной пули. – Я сказал, как есть. Не веришь, черт с тобой! Надоело упрашивать, как маленького. Доберусь до бара, только свистну, там столько ветеранов подрядится работать за такую сумму...

– Во-первых, ты туда доберись сначала, – усмехнулся я. – Пуп развяжется. Это тебе не город. Тут, знаешь ли, даже в бар можно так сходить, что костей не соберешь. Во-вторых, эти ветераны, как ты их называешь, тоже разные. И у большей части уже столько трупов за спиной, что одним больше, одним меньше – священник все равно исповедь до конца не дослушает. Как только точно поймут, где артефакт, тут тебе и крышка.

– Они без меня его не продадут.

– Это тебе так кажется, – с нажимом произнес я. – Наш бармен дюжину собак сожрал в этом деле. Или ты думаешь, у тебя одного контакты за границей? Не обольщайся. К тому же у тебя там в дружках такие же сопливые ученые, как и ты, а у бармена – ушлые сволочуги, дельцы и мафиози. Так что расслабься, цену он за артефакт предложит не меньше твоей. Да еще принесет деньги на блюдечке в обмен на камень. В-третьих, я не отказываюсь от миссии. Мы уже ударили по рукам и выпили за успех.

– К чему тогда это нытье?

– Это не нытье. Это констатация фактов. Мы не готовы, нам надо подготовиться, а на это нужны средства. Денег у меня тоже нет. Но есть хабар.

– А Лемуру на хабар везет, – с усмешкой продолжил Артем.

– И не только на хабар, – подтвердил я. – Но и на всяких придурков. В том числе и на таких, которые не могут врубиться, что для меня каждый найденный и проданный артефакт – еще один шаг к исполнению мечты, еще один шаг к приобретению путевки из Зоны. Мне везет на таких придурков, которые не понимают, что я вчера набрал хабара тысяч на двадцать. И это вклад в мое светлое будущее. Это синица в руках. А ты мне предлагаешь ее выпустить, спустить весь хабар в обмен на снарягу, чтобы ловить парящего в небе журавля. Для меня неделя такой работы, как вчера, – это сотня тысяч. То есть я должен не только хабар слить бармену, но еще потратить уйму времени, за которое тот хабар, который я мог бы поднять, будут брать другие. Весело?

– Я не придурок, – спокойно ответил Артем. – Я все понимаю. И я просто предложил тебе дело. Дело на миллион. Ты можешь согласиться, тогда пойдем вместе, можешь отказаться, тогда я буду искать другого. И тогда ты упустишь самый крутой хабар в своей жизни.

– Искуситель чертов! – выругался я.

Вскипел чайник. Я и сам был готов вскипеть, так меня разрывали на части сомнения. Но в то же время я тоже понимал, что второго такого шанса, скорее всего, не будет. И ладно бы просто его упустить, так нет же! Эта ученая задница ведь действительно не отступится, пойдет, найдет другого...

Я мысленно запнулся. Меня вдруг осенило, что Артем ведь тоже собирается лезть в пекло вместе со мной. А значит, ни о каком обмане речи быть не может. Если человек так рьяно рвется к какому-то объекту в Зоне, значит, объект, скорее всего, того стоит. К тому же он действительно не идиот и прекрасно понимает, что в случае обмана я его просто пристрелю и пущу псевдособакам на корм.

– Ладно! – Я погасил спиртовку и налил кипятка в кружки. – Для меня это действительно шанс. Я готов слить хабар бармену и приобрести на вырученную сумму что-то из снаряжения. Да и вооружение надо улучшить. Решено.

– Вот это мне уже нравится, – снова улыбнулся Артем. – Значит, ты готов разработать примерный план миссии?

– Полностью пока нет. Но я точно знаю, что первым пунктом этого плана будет поход в бар “100 рентген”. И состоится он сегодня. Нечего тянуть псевдособаку за хвост. Надо резать этот хвост и сдавать торговцу.

В принципе можно было податься в бар должговцев одному, так хлопот было бы меньше, чем таскать с собой научника. Но была одна проблема: хабар имел вес. И дотащить в одиночку столько, сколько надо было для приобретения снаряжения, не представлялось возможным. Пришлось бы ходить дважды, а это лишний риск, которого я старался по возможности избегать.

– Пойдешь со мной, – заявил я после недолгих раздумий.

– Конечно, – кивнул Артем.

– Я бы без тебя обошелся, но одному столько хабара, сколько надо, не дотащить. Ладно. Придется тебя чуток снарядить. А то в свитере от тебя одни шкварки останутся. Везение-то твое патологическое небось заканчивается.

Я выдал ему старую бандитскую куртку со вшитыми броневыми пластинами и вручил обрез двустволки с двумя десятками картечных патронов.

– А автомата у тебя нет? – спросил он, глядя на допотопное оружие.

– Ничего, я с таким начинал. От собак отбиться хватит, если что. Из нарезного держи “ПММ”. Ходовая машинка.

– Неточная!

– На “кольт” ты пока не заработал.

– Не верю, что у тебя нет запасного автомата.

– Сейчас нет, – честно ответил я. – Позавчера сдал торговцу три “АКСУ”. Но ничего, может, по дороге найдем что-нибудь. Хотя для тебя автомат – лишняя тяжесть. Его мало иметь, им надо уметь пользоваться. А такая тяжесть нам ни к чему, нам хабар тащить надо. Сегодня назначаю тебя главным по переноске.

– Спасибо! – пробурчал он, но спорить не стал.

Можно было бы, конечно, поехать на трофейной машине, но я не знал, как отреагируют на ее появление ребята из группировки “Долг”. Они хоть и правильные со всех сторон, но ради “уазика” могут и вальнуть. Транспорт в Зоне был уделом военных, не для нашего брата, да и бандитам доставался не часто. Лучше приберечь машину для самой операции. Была и еще одна неувязочка – дорогу на базу “Долга”, где находился бар, я знал отлично. Хорошая дорога, асфальтированная. Да вот только проходик между холмами за устьем Темной Долины так утыкан аномалиями “Воронка”, что проехать не представлялось возможным. Все равно оттуда придется переть хабар на себе. А место людное – все же путь в бар, где до фига народу тусуется. Оставить там “УАЗ” – это все равно что подарить его неизвестно кому.

Мы собрали хабар в два мешка, забив их под завязку, выбрались из бункера, я замаскировал вход и спокойно направился в сторону базы должговцев.

– Мы не поедem? – удивился Артем.

– Топай ножками, любитель комфорта. Матчасть надо использовать с умом. Ты же отдал мне оперативные бразды правления? Отлично! Вкушай плоды.

Ответить на это ему было нечего. Он закинул обрез на плечо и поспешил вдогонку.

Когда впервые попадаешь в Зону, начинаешь ее чувствовать. Сразу за периметром. Сама атмосфера этого места чуждая, враждебная, злая. И дело не только и не столько в унылых ландшафтах, не только в развалинах и свалках, не только в брошенной, поржавевшей технике. Есть что-то большее, и это – влияние Зоны. Она действует своей энергией, потихоньку изменяет тебя, с каждой секундой, поначалу совсем незаметно, совсем чуть-чуть, но если глянуть на тварей, в которых переродились тут обычные животные или люди, то становится

страшно. Лично у меня в Зоне перестала расти щетина. Бреюсь раз в две недели – и ничего. А у некоторых наоборот. Или чего-то другого изменения касаются. И все мы понимаем, что бесследно это не пройдет, что это рано или поздно обязательно вылезет или в потомстве, или как-то иначе. Но у каждого сталкера есть причины тут находиться.

А потом привыкаешь. И если поначалу ходить по Зоне страшно, даже метров на пятьсот удалиться от лагеря новичков – та еще психологическая задача, то потом адаптируешься и многое пропускаешь мимо себя. Как я впервые увидел псевдособаку! Чуть не обгадился с перепугу и высадил в нее всю обойму. А теперь для меня эти твари так – помеха на пути, не больше.

Бар располагался на базе группировки “Долг”. В принципе можно было сделать двухкилометровый бросок до дороги, а там топтать по асфальту мимо долговского кордона на краю Темной Долины, а можно было рвануть напрямик. Экономия – километра в три. Так что я достал свой КПК, сверился с картой и начал карабкаться на холм. Артем за мной.

– Пойдем напрямик, – объяснил я ему. – Так что ухо держи востро, гляди на меня, вперед не суйся. И еще... Ты со сталкерами вообще встречался?

– В поле? Нет, – честно ответил Артем. – Видел одного, он к нам в лагерь притопа, артефакты загнать подороже, чем берут торговцы.

– Понятно... Сколько ты всего в Зоне?

– Шестой день, – не моргнув глазом, ответил геолог.

– Вот черт... – обреченно выдохнул я, но от дальнейших комментариев воздержался. – И уже сунулся в самостоятельную прогулку? В свитере... Немудрено, что сразу попал к бандюкам. Как вообще жив остался?..

– Патологическое везение, – спокойно напомнил Артем. – Я же вчера рассказывал.

– Прикуси язык, – посоветовал я. – Это был риторический вопрос.

Противоположный склон холма сильно зарос кустами.

– Стой! – приказал я Артему.

Я присел, жестом велел ему сделать то же самое, а сам стянул с плеча автомат и клацнул затвором.

– Что такое? – негромко и встревоженно спросил он.

Вместо ответа я прижал палец к губам и на корточках, гусиным шагом, двинулся в сторону зарослей.

Зона – не то место, где можно гулять, как по бульвару, или бегать сломя голову. Тут каждое ограничение видимости может таить смертельную опасность.

Осторожно отведя ветку, я увидел метрах в двадцати по ходу движения большой валун. Судя по отсветам на камне, за ним горел костер, но огня видно не было. Я прополз еще немного и поманил за собой Артема, чтобы не плелся в хвосте.

– Нет у меня с собой ни хабара, ни денег! – раздался из-за валуна жалобный голос.

– Ты чё, козлина, не врубаешься? – прозвучало в ответ. – Меня не колышет, что у тебя с собой! Говори, где нычка!

Я дождался, когда Артем подползет вплотную, и сказал:

– Твой обрез страшен на короткой дистанции. Метров с десяти максимум, а лучше ближе. Издалека даже не пробуй, только демаскируешь себя и заряды потратишь. А перезаряжать его долго – надо переломить стволы, выкинуть стреляные гильзы, засунуть новые патроны, защелкнуть стволы обратно и взвести оба курка. Доступно?

– Да. А что там?

– Бандиты, скорее всего. Или, может, придурки из группировки “Свобода”. Анархисты хреновы.

– Может, вернуться и обойти?

– Это в тебе говорит новичок, – усмехнулся я. – В Зоне все, что может принести доход, одновременно может лишить тебя жизни. Поэтому обходить опасности – это все равно что перешагивать через валяющиеся на дороге деньги. И каждый сталкер устанавливает себе разумный предел риска.

– Ты же говорил, что не боевик... – напомнил Артем. – Что не любишь с бандитами связываться.

– Одно дело лезть в их логово или туда, где они бродят бандами, другое – щелкнуть парочку-тройку, пользуясь фактором неожиданности. Особенно если они гнобят брата-сталкера.

Я снова прислушался и добавил:

– Все, хорош полемику разводить. Будь начеку. И если увидишь бандита на дистанции в десять метров, лупи из ствола. Вопросы есть?

– Нет.

Я велел ему залечь за кустом и не отсвечивать без надобности, а сам ползком обогнул заросли так, чтобы разглядеть, что творится за валуном. Там горел небольшой костер, у которого валялся связанный сталкер. Рядом на корточках сидел бандит, держа в углях уже накалившийся металлический стержень. Еще двое бандитов стояли поодаль, один с автоматом, другой с обрезом на изготовку – прикрывали стоянку со стороны Темной Долины.

Я прикинул, что лучше сначала снять дальнего автоматчика. Потому что оружие сидящего у костра лежало в траве, он был занят куда более приятным занятием – готовил раскаленный металл для пытки. Увлёкся. Так что до оружия ему надо было еще дотянуться, а это секунды две-три, не меньше. Его лучше оставить на десерт. Третий же был вооружен обрезом, а гладкий короткий ствол на дистанции в пятьдесят метров, нас разделявших, угрозы не представлял никакой.

– Сейчас я тебе этот прутик аккуратно введу в задницу, – пообещал бандит у костра дергающемуся сталкеру. – И ты все расскажешь про свою нычку.

– Я и так расскажу! Не надо!

Я решил не спешить с атакой, а сначала выслушать сталкера. Мало ли что может случиться в бою?

– Я хабар заныкал в Темной Долине! – торопливо выложил пленный. – Недалеко от базы Борова. Знаете, где бензоколонка? Вот напротив нее через дорогу на пустыре за “Колючкой” старый “Запор” валяется. Только там...

– Что? – напрягся бандит.

Это было самое время для атаки. Потому что если сталкер выложит всю информацию, его тут же пристрелят за ненадобностью. Бандюки – не те ребята, чтобы с пленными нянчиться. Тем более со сталкерами.

Присев пониже, чтобы повысить точность стрельбы, я установил ползунок автоматного прицела на нужную дистанцию, хорошенько прицелился в дальнего автоматчика и очень коротко выжал спуск. Автомат с грохотом плюнул короткой очередью в три пули, противника крутануло на месте, но он выстоял – отработали бронеовые пластины, вшитые в его куртку. Я тут же снова прицелился и добавил еще. Бандит шлепнулся на спину и уронил автомат. Сразу грохнуло ружье второго урота, но картечь полсотни метров летела больше секунды, я успел пригнуться, и свинцовые подарки зашелестели по листьям кустарника. Зато бандит, сидящий у костра, схватил автомат куда бодрее, чем я ожидал. Как раз я собрался лупануть того, что с обрезом, но меня накрыло длинной очередью. Рикошеты завизжали вокруг, а одна пуля чиркнула мне по руке, разорвав кожу и повредив мышцу. Кровища полилась, будь здоров. Я колбаской перекатился правее, сорвал с пояса бинт и несколькими движениями замотал рану. Только закончил, сразу схватил автомат и ответил парой очередей не глядя, просто в сторону костра. Оттуда снова шарахнула очередь – на этот раз не так прицельно. Бандюк целил туда, где я находился полминуты назад. Тогда я поднялся на корточки, поймал его в прицел и дал сразу серию из трех коротких очередей. Обычно этого хватало, но у бандюка был отличный броник, так что попадания пришлись только ему по ногам. Он вскрикнул, свалился, перекатился за валун и начал отстреливаться.

Дело было плохо, потому что валун оказался ему хорошим укрытием – я едва видел бандита, а мои пули щелкали больше по камню, чем попадали куда-то еще. Он же вел прицельный огонь и не давал мне, зараза, от земли оторваться, чтобы нормально прицелиться. Так что

остатки магазина я добил совершенно впустую. Пока перезаряжался, бандюку с обрезом удалось не слабо сорвать дистанцию, он подбежал уже так близко, что начинал представлять реальную угрозу. Я понял, что надо переводить огонь на него, что его, бегущего через поле, я быстрее уложу. Перекатившись еще чуть вправо и укрывшись от огня автоматчика в небольшой рытвине за камнем, я лупанул по бегущему двумя короткими. И вроде попал, но он продолжал бежать, как заговоренный, как бегают иногда противники в кошмарных снах, когда ты молотишь по ним, высаживая прямо в грудь одну за другой все пули, а ему хоть бы что. Я снова прицелился и снова выстрелил, но результат оказался не лучше. Никакой бронежилет так себя не ведет. Человек в бронежилете, если не получает ранение, то хотя бы падает от удара, или, если устоит, его хоть бросает как следует, что мешает вести ответный огонь. Этот же рвался вперед так, словно пули его огибали. И я испугался. Я понял, чем он мог быть защищен.

Страх так сковал меня, что мне пришлось приложить немалое усилие воли для дальнейшего ведения боя. Но автоматчик не давал мне подняться из рытвины, а заговоренный с обрезом лупанул сначала из одного ствола метров с двадцати, а потом еще раз, уже с пятнадцати. Я буквально насадил его на длинную очередь, с такой дистанции из автомата невозможно промахнуться, но он только отскочил в сторону и перезарядил обрез.

В этот момент автоматчик обнаглел, вылез из-за валуна, встал на одно колено и очередью так прижал меня к земле, что я распластался, подобно камбале на дне. Пули рыли землю вокруг меня и жестоко били по ребрам через пластины бронежилета. И тут, совершенно неожиданно, слева у валуна ухнул ружейный выстрел и тут же еще один. Автомат стих. Я услышал звук магазинной защелки, а потом лязг затвора перезаряженного автомата. Рискнул высунуться и увидел Артема. Он перескочил через труп бандита, и уже держал его автомат в руке. Обрез он швырнул под ноги связанному сталкеру, вывернул перед ним из кармана патроны, а раскаленным прутом пережег путы. Мне же пришлось их прикрывать, добивая магазин в заговоренного бандюка. Наконец мой противник не выдержал, бросился на землю, перекатился под прикрытие кустов и саданул из-за них картечью. Я пригнулся, но по бронике мне все равно прилетело. Второй заряд он пальнул в сторону Артема. Но мой геолог так резво отскочил в сторону, что картечь подняла лишь восемь пыльных фонтанчиков на том месте, где он стоял.

Освобожденный сталкер с обрезом залег за костром, и это было весьма не дурное прикрытие от картечи, Артем перебрался за валун, где раньше прятался вооруженный автоматом бандит. Один я остался без нормального укрытия, каждый миг рискуя получить картечину в голову. Поэтому я решил временно не привлекать к себе внимание. Между костром и оставшимся бандитом было метров двадцать, поэтому освобожденный сталкер принялся методично и равномерно садить заряды хотя бы приблизительно в цель, чтобы наносить хоть минимальный урон противнику и по возможности ограничивать ему пространство для маневра. Артем же, к моему величайшему изумлению, начал прицельно бить бандита очень короткими очередями. Если кто думает, что это просто – отправлять по две-три пули из “калаша” в режиме автоматической стрельбы, так пусть сам попробует. Для научника же, на мой взгляд, это была вообще задача нетривиальная. Но между тем Артем прекрасно с ней справлялся, вынудив бандита переместиться так, чтобы показать мне бок. Я вжался в грунт и тоже начал поливать его очередями. Наконец, когда мой магазин почти опустел, мы в три ствола его все-таки уложили.

– Эй! – крикнул Артем. – Ты живой там? Лемур!

– Живой... – ответил я, поднимаясь. – Ты что, родной брат Рэмбо?

– Ты о чем?

– О твоей стрелковой подготовке.

– Об этом не сейчас. – Он покосился на сталкера.

Я добрался до костра, морщась от боли в руке, уселся у огня, достал аптечку и принялся оказывать себе более серьезную помощь. Вколол противомикробную сыворотку, регенерат и

обезболивающее. Стало значительно лучше. Потом наложил пенный заживляющий слой, а поверх новый бинт.

– Ну, рассказывай, – обратился я к сталкеру.

– Блин. Что тут рассказывать? – вздохнул он. – Хотел пересечь пустырь, чтобы выбраться на дорогу, а тут бандюки. А у меня только “ПММ”. В таких случаях живее будешь, если сдашься. Спасибо вам, выручили. Только расплатиться нечем.

– Звать как?

– Веником.

– Чего так?

– Потому что Вениамин.

– Понятно. Далеко собрался?

– Хотел в НИИ “Агропром”. Там, говорят, в подвале кровосос завелся. Хочу щупальце добыть. Есть мужик, который возьмет по хорошей цене.

– С “ПММ” на кровососа? – скривился я. – Ты давно в зоне?

– Нормально. Почти месяц уже.

– Понятно. Ружьишко возьми.

– Да у меня денег почти нет, – смутился Веник.

– Даром, – отмахнулся я. – С ним есть шанс. Только лупи в упор. Если с двух выстрелов его не загасишь, можешь писать завещание – перезарядиться не успеешь.

– Все так плохо?

– Тут Зона. Я бы на твоём месте лучше пока “Медуз” искал. Толку, если на поясе таскать, от них чуть, потому что малость радиоактивные. А тут и так... Неблагополучно в этом плане, если заметил. Зато хоть и не дорогие, но часто можно встретить. И берут их стабильно.

– А где их искать-то?

– Везде. Аномалию “Трамплин” видел?

– Чуть не нарвался. Хорошо псевдособака в нее попала, разлетелась у меня на глазах.

– Вот когда такая аномалия рассасывается, на ее месте остается “Медуза”. Не пропустишь. Ее издали видать, потому что воздух вокруг нее светится.

– Ладно. Пойду я, ребята.

– Может, тебя проводить? – беззаботно спросил я.

– А вам куда?

– Мы в бар.

– Нет, мне как раз в обратную сторону.

– Ну, бывай.

Сталкер собрал патроны в рюкзак и направился напрямик к тому месту, где валялся последний поверженный нами бандит с обрезом.

– Артем... – шепнул я. – Возьми паренька на прицел.

– Ты больной? – удивился ученый.

– Возьми, говорю! И если он подойдет к трупку ближе, чем на три шага, бей на поражение. И попробуй промахнись!

Напарник мой побледнел, но отшагнул к валуну и вскинул к плечу автомат.

– Эй, Веник! – окликнул я сталкера. – Я вспомнил, где “Медузу” видал.

Он остановился и нетерпеливо посмотрел на меня.

– За холмом тут. – Я показал пальцем в сторону, откуда мы пришли. – Только осторожно, там “Воронка” дня три назад образовалась неподалеку. Не влипни.

– Спасибо, – кивнул он и продолжил двигаться в выбранном направлении.

Парня мне было жаль. Я понимал, что им движет, но бандитов все же расстреляли мы с Артемом. Так что он нацелился не на свое.

– Стой! – сказал я резче.

Веник остановился.

– Посмотри сюда! – попросил его Артем.

Вместо ответа сталкер вскинул подаренный мною обрез, шарахнул в нашу сторону по очереди из обоих стволов и со всех ног рванул к труп.

– Стой, дурак! – крикнул я. – Там их несколько! Один тебе, остальные нам!

Перезарядив обрез на бегу, он, не оборачиваясь, пальнул еще раз. Одна картечина вцепилась мне в броник, остальные с противным шмелиным жужжанием отколоштели от валуна.

– Огонь! – приказал я Артему.

Он коротко нажал на спуск, у ног Веника взвились фонтанчики рикошетов, и сталкер с криком повалился в траву шагах в пяти от трупа. Но не замер, а медленно пополз дальше.

– Чертов придурок! – психанул я. – Артем, за мной! Прицел с него не спускать. Не дай ему добраться до цели!

Мы рванули туда, что было сил. Веник перевернулся на спину и шандарахнул в нас картечью. Дистанция была маленькой, так что напором свинца, попавшего в броник, меня сшибло с ног. Артем тоже бросился на землю. Тут же грохнул второй выстрел из обреза. Картечь прошелестела очень низко над нашими головами.

– Вот недоумок! – ругнулся я.

Для перезарядки обреза нужно время, а дистанция уже была такой, что я мог успеть обезвредить Веника, не убивая его. Но, вскочив на ноги, я получил сильнейший удар в правую часть груди, раскрутивший меня волчком. Через миг раздался хлопок пистолетного выстрела, а затем еще два.

Я понял, что живым нам его не взять. Пришлось вскинуть автомат и ответить всерьез.

После двух моих очередей все затихло. Мы с Артемом осторожно поднялись и подошли к распластавшемуся в траве Венику. Он почти добрался до трупа, на поясе которого висели пять одинаковых артефактов. Но снять ни один не успел.

– Что это? – спросил Артем. – И ради этих хреновин бедняга так всерьез решил рискнуть жизнью?

– У него были все шансы, – объяснил я. – Это “Мамины бусы”. Очень редкий и очень ценный артефакт. Единственный, который обладает только положительным действием. Если его повесить на пояс, он создаст вокруг тебя довольно сильное защитное поле, отводящее от тела большую часть попаданий. Если же их повесить четыре или пять, то ты по неуязвимости становишься близок к терминатору.

– Ты серьезно? – поразился Артем.

– Конечно. Это Зона. – Я снял с трупа все пять артефактов, один сунул в рюкзак, два нацепил на пояс, где уже висел “Огненный шар”, здорово уменьшающий воздействие радиации, а два отдал Артему. – Держи. Это отличное дополнение к бронежилету. Два редко кому достаются. Этот бандит, похоже, потратил много сил и чужих жизней на столь внушительную коллекцию.

Затем мы обыскали трупы бандитов. У сталкера в мешке действительно не оказалось ничего, кроме патронов к “ПММ”. Зато от бандитов нам достались два автомата и по три магазина патронов к каждому. У одного обнаружилась аптечка, я ее тоже прихватил с собой.

– Странный сталкер... – задумчиво произнес Артем, когда мы продолжили путь. – Ты же предложил поделиться с ним. Зачем он так?

– На удачу. Кстати, он врал нам все, с самого начала.

– С чего ты взял?

– У сталкера, который тут всего месяц, не будет нычки в Темной Долине под самым носом у шайки Борова. Просто хитрюга он был до ужаса, хабар и деньги таскал с собой только на сделки. Хотя теперь это уже не имеет никакого значения.

Я терпеть не мог убивать сталкеров, только когда совсем уж напрашивались, как этот. И дело, конечно, было не только в репутации, но и в моральной стороне вопроса. Однако даже из моральных соображений я не был готов рисковать собственной шкурой. Подумав об этом, я решил задать Артему мучивший меня вопрос.

– Слушай... Не слишком ли ловко для ученого ты со стволом обращаешься? Где ты так научился короткими очередями садить? Да еще с такой меткостью?

– Я тебе такие вопросы задаю? – неожиданно окрысился мой новый знакомый.

– Но я сталкер! А ты научник. Очкарик. Геолог, блин! Или ты мне лапшу на уши вешаешь, как этот Веник? А?

– Иди ты к чертям псевдособачьим! – психанул Артем. – Я тебе поручил командовать оперативной частью миссии, а не промывать мне мозги и вычесывать мое прошлое.

– Хрен там! Твое поведение выходит за рамки моего представления об ученых. И тебе придется это несоответствие объяснить. Доступно?

– С какой стати?

– Ради моего доверия. Это необходимо, раз мы в команде!

Он надулся, и мы какое-то время перли рюкзаки молча. Но я не собирался давать ему спуску, и он это понял.

– Я тебе ничего не соврал, – сказал он наконец. – Я правда геолог. Причем высокой квалификации. Иначе меня бы не пригласили сюда идентифицировать образцы груза с аварийного самолета.

– Допустим, – кивнул я.

– Но я три года провел в Афгане.

– Где? – Я остановился и вытаращился на него.

– В горном Афганистане. Я получил задание исследовать местность на юго-востоке страны на предмет наличия месторождений изумрудов.

– Что за чушь! Там же американцы рулят.

– Где они только не рулят, – отмахнулся Артем. – Но это не значит, что столь близкая к России страна находится за пределами наших государственных интересов. Естественно, моя группа работала под прикрытием. Но ситуации бывали такие, что врагу не пожелаешь. В общем, были поводы научиться владению автоматом.

Признаться, я обалдел. Самое смешное, что я поверил – это было слишком невероятно, чтобы оказаться враньем. Легенду-то можно было выдумать и попроще. К тому же версия Артема сразу сводила некоторые концы с концами. Например, почему из всех геологов в Зону отправили именно его. Из-за подготовки, понятное дело. И еще одно: груз на самолете везли с Тибета, а он бывал там поблизости, значит, лучше других разбирался в тамошней геологии.

– Ладно, отмазка прокатывается, – пробурчал я.

– Удивлен?

– Есть малость...

У меня пропало желание развивать эту тему. Все было до предела понятно. И это хорошо, потому что в Зоне опасен напарник, которому каждую минуту сопли приходится утирать. Тут же еще неизвестно, кто кому утрет...

Ближе к дороге стали чаще попадаться аномалии типа “Воронка”. Днем их заметить несложно, да к тому же детектор попискивал, так что я не особенно беспокоился. Ветер иногда поднимал пыль и гнал над травой листья.

– Когда увидишь должовцев, сразу убирай оружие, – предупредил я. – Особенно если это будет патруль. Они вообще не церемонятся.

– А зачем сталкеры собираются в подобные группировки? – поинтересовался Артем.

– Для меня самого это загадка. Времени на исполнение обязанностей уходит масса, а отдачи почти никакой. Да к тому же стоит вступить в одну группировку, как для сталкеров из другой ты сразу становишься врагом. Например, должовцы с ребятами из “Свободы” воюют нещадно. А я не боевик, я этого не люблю. Но смысл всех группировок, по сути, в общности идеологии.

– Понятно.

Мы двигались довольно медленно, потому что приходилось огибать аномалии. К тому же вдалеке потягивала стая слепых псов, а это хоть и не псевдособаки, но твари тоже небезопасные. Иногда пара-тройка собак направлялась в нашу сторону, тогда я вытаскивал пистолет и бил по ним. Не чтобы попасть – для пистолета почти сто метров нереальная дистанция, а чтобы спугнуть. Дело в том, что слепые псы обладают совершенно феноменальным чутьем на опасность. Не нюхом, а именно чутьем. Они и в аномалии никогда

не попадали, поскольку определяли их наличие с высочайшей точностью без всякой помощи зрения. Зрение у них как раз отсутствовало, причем полностью – от глаз остались лишь рудименты. Я думаю, в условиях Зоны чаще выживали именно слепые щенки, потому что без глаз у них возникала необходимость чувствовать, а без необходимости в природе редко что развивается. И вот через пару десятков поколений, да еще с учетом мутаций, нужные признаки закрепились, а ненужные упразднились. Теперь сверхчувствительные твари, сбиваясь в стаи, представляли дополнительную угрозу для сталкеров. Если зазеваешься и подпустишь близко сразу несколько слепых псов, можешь неслабо пострадать. Но большой живучестью они не отличались, поэтому поодиночке особой опасности не представляли. К тому же боялись выстрелов и, в отличие от тупых псевдособак, на рожон почти никогда не лезли.

Часа через полтора мы миновали лощину, вскарабкались на гряде холмов и увидели дорогу. Она шла параллельно холмам, аномалий на ней было как грибов после дождя, а за ней, я знал, начинается то, что сталкеры обозначали на своих картах как Темную Долину. Примерно в километре левее располагался блокпост “должников”, так сталкеры-одиночки за глаза называли должовцев. Нам надо было туда, но пропустят нас или нет, зависело от того, какая пятка у их командира зачесется. Если бы не это, я бы в бар наведывался не в пример чаще. И хотя на моем счету не было ни одного убитого “должника”, особым доверием в рядах этой группировки я не пользовался. Как и другие одиночки, надо сказать. Своими эти парни были только для своих, ну и могли выказать расположение тому, кто вытащит их из полной задницы. Как Витьку Барыге, к примеру, когда он отбил у бандюков трех взятых в плен должовцев. После этого он мог проходить на их базу совершенно беспрепятственно. Ему даже предложили вступить в группировку, да только он отказался. И правильно, на мой взгляд, сделал.

Мне же надо было не только пройти блокпост, но и чем-то впечатлить охрану у укрепленных ворот базы. Иначе они могли запросто дать от этих самых ворот поворот – в прямом смысле слова.

Однако судьба в этот день нам благоприятствовала, а может быть, еще сказывалось действие патологического везения Артема. Как бы там ни было, мой радиосканер неожиданно выловил из эфира призыв:

– Всем, кто меня слышит! Требуется помощь на блокпосту “Долга”! Эти чертовы мутанты достали – волнами прут! Ни один ствол лишним не будет! А в “Долге” принято долги отдавать.

– Быстро туда! – подогнал я Артема. – Бегом, бегом!

Его не надо было упрашивать. Такое ощущение, словно он всю жизнь скакал, как сайгак, с пятидесятикилограммовым рюкзаком за плечами. А мне надо было, во-первых, показывать дорогу, а во-вторых, соответствовать имиджу прожженного сталкера. Так что мне, хоть жилы и трещали от нагрузки, пришлось ломиться вперед. Благо еще вниз по склону холма. При этом детектор аномалий пищал тише, чем молотила в ушах кровь, так что с разбегу немудрено было и в “Воронку” попасть. Что никак не входило в мои сегодняшние планы. Поэтому я на бегу закинул автомат на плечо, достал мешочек с болтами и принялся швырять их перед собой через примерно равные промежутки времени. Один раз это меня спасло – болт попал в едва заметно искаженное пространство, а затем его с огромной силой рвануло к центру аномалии и там закрутило с такой скоростью, что он в глазах размазлся. Я едва успел обогнуть опасное место. Артем неотступно следовал за мной по пятам, но в отличие от моего его дыхание не было тяжелым.

“Тренированный, зараза”, – подумал я.

Мы выскочили на дорогу и рванули по ней. Спуск кончился, бежать пришлось по ровному, что удовольствия никак не добавило. Были уже видны мешки с песком, окружавшие блокпост, но я понял, что мы не успеваем. Потому что справа послышался рев мутантов. И если должовцы отобьются без нас, а они отобьются, сомнений в этом не было, то настроение у них будет не ахти какое. В основном по отношению к нам. И, скорее всего, в пропуске нам

будет отказано с большей вероятностью, чем если бы мы прибыли через часик, когда все остынут, или, еще лучше, часик назад.

Ситуация складывалась сильно не в нашу пользу. К тому же Артем, услышав рев, вдвое сбавил скорость.

– Кто это? – окончательно остановившись, спросил он.

– Мутанты! – ответил я. – Не дрейфь, геолог! Они только режут страшно. Вперед! А то успеем лишь к шапочному разбору.

Мы снова рванули. На бегу я смекнул, что если не переть на блокпост, а свернуть направо, в Темную Долину, то можно будет встретить мутантов раньше, чем они доберутся до долговцев. Не имея времени взвешивать разумность этого хода, я резко изменил траекторию и прибавил ходу, хотя силы были уже на исходе.

Через несколько секунд я увидел группу кабанов-мутантов, сбившихся в стаю и скачущих прямо на укрепленный мешками пост. Но дистанция от них до оборонявшихся долговцев была еще чересчур велика, поэтому никто не хотел даром тратить патроны. У нас же с Артемом была возможность эту дистанцию сократить, бросившись мутантам навстречу. Что я и сделал во главе нашего маленького отряда.

– Ты сдурел? – выкрикнул за спиной геолог. – Стой!

Сам он, правда, останавливаться не решился. Все же опыт работы в горячей точке приучил его к уважению единоначалия. И хорошо, а то бы мы точно влипли.

Понятно было, что нам не успеть занять верную огневую позицию, сгибаясь под тяжестью всего хабара, поэтому я решил освободиться от лишнего груза. Стоило мне выскользнуть из лямок моего многострадального рюкзака, как Артем тут же последовал моему примеру. Вот тут мы дали жару! Иногда лучший отдых это не полежать на травке, а освободиться от серьезной помехи. О том, что нашему грузу кто-то может приделать ноги, я не подумал совершенно. Да и кто мог тут оказаться в пылу схватки с мутантами, когда они уже вот, под носом?!

Приняв еще правее, мы на полном ходу ринулись под небольшой уклон, секунд за тридцать преодолели добрую сотню метров и готовы были выскочить на выбранную мною огневую позицию между скачущими мутантами и постом, но Артем ухватил меня за рукав.

– Стой же, блин! Сдурел? Нас же накроют твои друзья-сталкеры! Или думаешь, они стрелять не будут?

Я так торопился, что этот скользкий момент как-то упустил из виду. А ведь правда, делать того, что я задумал, не стоило совершенно. Это могло весьма дурно кончиться. Вообще бежать дальше было опасно, поэтому я притормозил и поискал более или менее удобное место для огневой точки.

Дело в том, что в отличие от стычек с людьми бой с мутантами не требует серьезных укрытий, поскольку мутанты не стреляют из автоматов и ружей. Они вообще мало соображают и руководствуются слепым агрессивным инстинктом. А поскольку не надо укрываться от пуль за бетонными плитами или камнями, не надо прятаться за кустами, то выходит, наоборот – наиболее выгодно занять позицию попросторнее, где меньше препятствий. Хотя бы из соображений обзора. Кабаны-мутанты – это не псевдособаки и не слепые псы, они не обладают особой маневренностью и проворством, потому моментально окружить со всех сторон не могут в принципе. Да и подпускать их так близко, как псевдособак, нельзя, потому что кабаны куда живучей и обладают во много раз большей силой и массой.

Но в том месте, где мы остановились, не только росли несколько кустов, способных оказать нам в бою медвежью услугу, но и переливался воздух над двумя “Воронками”. С одной стороны, они могли прихватить кабанов, хотя бы парочку, с другой – мы сами, маневрируя, могли в них запросто влипнуть. Бежать вперед было некуда и некогда – нельзя подставляться под огонь с блокпоста, а пересечь неглубокую ложину мы уже точно не успевали. Оставалось только отступление метров на двадцать, но тогда растущие впереди кусты частично скрыли

бы от нас цели и исключили приличный сектор обстрела. Ведь стрелять по мутантам, не видя их, – только впустую тратить патроны.

Но я нашел решение. Недолго думая, я снял с предохранителя автомат и дал короткую очередь по приближающимся мутантам. Они всегда реагируют на это одинаково – меняют направление и начинают бежать на стрелка всем стадом. Это мне и было нужно, поскольку они свернули раньше, чем начались кусты. Теперь, по сравнению со стрелками на блокпосту, мы получили серьезное преимущество в дистанции – метров в шестьдесят, не меньше. И с каждой секундой эта дистанция сокращалась.

– Огонь! – крикнул я, беря на прицел ближайшего к нам кабана.

Как только позволило расстояние, я дал очередь, причем половина пуль попала в цель, и мутант рухнул в траву, подняв клубы пыли. Тут же отозвался автомат Артема. Он стрелял точно не хуже меня, я в этом убедился сразу. Чертов геолог снял зверя очередью вдвое короче моей.

Ну и началось! Топот копыт, грохот выстрелов, рев... Стадо оказалось больше, чем я ожидал, поэтому магазин я отстрелял очень быстро, пришлось перезаряжаться. И как назло у Артема патроны кончились к тому же моменту. Правда, он умудрился поразить на трех кабанов больше, чем я. Но все равно возникла пауза, которой мутанты тут же воспользовались и, перепрыгивая через валявшиеся туши, ринулись на нас.

Чем быстрее хочешь что-нибудь сделать, тем медленнее получается. Я так спешил, что, когда вытаскивал новый магазин из подсумка, выпустил его из руки. Пришлось нагибаться за ним. К счастью, Артем справился с перезарядкой намного быстрее меня и срезал очередью слишком близко подскочившего кабана. Но все равно мы утратили над стадом контроль – несколько мутантов обошли нас с флангов. Те, что рвались вперед слева от нас, попали под огонь с блокпоста, который открыли долговцы. Но им работы было немного – три кабана на десять стволов. Это так, скорее развлекуха, чем бой.

Нам же пришлось принять весь удар на себя. Причем, наблюдая за Артемом, я понял и подхватил его тактику разделения секторов обстрела. Он бил мутантов, рвущихся нам во фронт, а я перевел огонь правее и косил тех, которые обходили нас с правого фланга. Хотя “косил” громко сказано. Масса у них такая, что до пяти пуль в каждого надо всадить, чтобы он скопытился. Такой перерасход боеприпасов меня не слабо бесил, я бы предпочел гасить зверье из обреза. Двух патронов с картечью на малой дистанции обычно хватает. Автомат же хорош другим, а именно дальностью поражения и бронебойностью. Против вооруженного и защищенного бронежилетом противника – самое то. На диких свиней, пусть и видоизмененных Зоной, тратить начиненные сердечником пули жаль. Но не было времени лезть в рюкзак за обрезом. Словно у меня от каждой очереди сердце кровью обливалось, хотя у мутантов сердца тоже лопались.

Вообще в бою с массивными тварями главное – не подпускать их близко. Иначе просто сомнут. Их приходится держать максимально далеко, насколько позволяет оружие и ситуация. Но мы с Артемом недурно эту задачу решили. Когда закончился второй магазин, перед нами полукругом поднялась баррикада из поверженных туш. Воцарилась тишина, только усиленная свистом в оглушенных стрельбой ушах.

– Эй, сталкер! – раздалось из динамиков моего радиосканера.

Я обернулся в сторону поста и увидел, как нам активно машут трое долговцев. Заметить нас было с их стороны очень мило, но такое внимание, к сожалению, еще не являлось гарантией того, что нас пропустят. К тому же я не собирался спешить. В Зоне любая спешка – лишнее. Тут, если ты сам свою цену не знаешь, то и другим ее узнать попросту неоткуда, так что волей-неволей приходится блюсти некоторые условности и понятия. Но еще важнее было вернуться за рюкзаками. Поэтому я махнул в ответ, чтобы не выглядеть полным невежей, а потом развернулся и поманил за собой Артема.

– А в бар мы уже не идем? – вздернул он брови от удивления.

– Сильно ты нужен там кому-то без хабара, – иронично ответил я на ходу. – Мы туда направляемся, чтобы затариться, а не просто водки попить. Водкой я тебя дома могу напоить. Если захочешь.

– Это как день пойдет, – усмехнулся ученый. – Может, и захочу.

У меня от его шутки возникло нехорошее предчувствие. Даже мелькнула мысль, что, поднявшись из ложины, мы не обнаружим оставленных рюкзаков, а это было бы просто катастрофой – спустить в никуда нажитый больше чем за месяц хабар. И хотя спереть их было вроде бы некому, но у меня сердце заколотилось чаще, а шаг сделался вдвое шире прежнего. Я так разнервничался, что решил даже не срезать с кабанов копыта, которые можно было тоже загнать бармену.

Вообще хабар без присмотра в Зоне лучше не оставлять. Но иногда бывает так нагрузишься, что сил не остается тащить. И тогда сталкеры делают нычки. Ну, в смысле тайники. Чтобы потом вернуться и забрать, когда сложатся благоприятные обстоятельства. Вот только обстоятельства в Зоне меняются самым непредсказуемым образом. Рассказывали всякое, да я и сам нарывался, правда, не очень по-крупному. Один раз, я в то время еще был совсем зеленым сталкером, нашел жмурика в сталкерской куртке местного производства. Вещь обалденная и дорогостоящая, поскольку пули отлично держит, даже автоматные, химию всякую отторгает и на разрыв крепка. У меня к тому времени своя такая была, но не бросать же! За нее в баре можно не малый ломоть рубануть в любое время года и суток. А я уже груженный был до треска жил. Поташил я ее, поташил, да и скис. Ну нет никакой возможности! Уже для бодрости две банки энергетического напитка влил, но на нем тоже долго не прочапаешь. В общем, решил я курточку припрятать до следующего своего прибытия в эти места. А припрятать – это тоже искусство. Не положишь ведь посреди дороги! Да и на обочине лучше не класть.

Вообще наиболее популярные пути сталкеров известны. От них народ отклоняется в основном, чтобы пройти по нехоженному и найти свой собственный, персональный клондайк артефактов. Отклонится, порыскает, а потом опять на проторенное. Потому что так безопаснее. Намного. Но вот именно эти отклонения как раз и представляют опасность, поскольку, где бы ты хабар ни притырил, есть шанс, что какой-нибудь везунчик приберет его к рукам через пару дней. Поэтому каждый сталкер, при необходимости устроить тайник, выбирал место не просто безлюдное, а труднодоступное. А если говорить точнее – опасное. Но опасное для других, а не для себя. Некоторые обладатели противорадиационных скафандров любили прятать вещички в зоне повышенной радиации. Хорошие стрелки и задиры делали тайники у самых бандитских логовищ. А я, в отличие от многих, совсем не боялся местных зверей-мутантов, вроде слепых псов. Да и псевдособакой меня сложно напугать. Поэтому курточку я припрятал в тоннеле канализационного коллектора, облюбованного в качестве жилья крупным кобелем псевдособаки. Подождал с биноклем, когда тварь выберется на охоту, пробрался в полузаваленное помещение и скинул свою курточку. Меня не особо парило, что кобель, скорее всего, будет использовать ее вместо подстилки. Цена от этого намного не упадет. В общем, провернул я это дельце без проблем.

Проблемы же возникли, когда через недельку я нашел на курточку покупателя, и товару пришел черед обрести своего нового владельца. Нехорошие подозрения возникли еще на подходе к тайнику – вход в тоннель подзарос травой, а тропки никакой видно не было. Да и псиной не воняло так гадостно, как в прошлый раз. Это могло говорить о том, что собачку кто-то угостил свинцовой пилюлей, да так, что переварить она ее не смогла. А значит, курточки наверняка уже след простыл, потому что уж что-что, а пули ветром точно занести не могло, пулями можно стрелять, выходит, и стрелок имел место быть. А я не видал в Зоне настолько тупых, чтобы не осмотрели логово твари после ее уничтожения.

С такими невеселыми мыслями я подкрался ко входу в тоннель, включил фонарь и заглянул внутрь. Каково же было мое удивление, когда курточка обнаружилась на том самом месте, где была мною оставлена. И собака на ней какое-то время спала, потому что вокруг валялись обглоданные человеческие кости, а на ткани местами виднелись вычесанные лапами клочья

шерсти. Я уж было, на радостях, бросился за своим припрятанным имуществом, но меня остановил писк детектора аномалий. На самом деле я так был поражен неразграбленностью тайника, что отреагировал далеко не на первый сигнал, а когда отреагировал, то остановился, как вкопанный, ибо аномалия была совсем рядом – рукой подать.

Рукой, конечно, доставать я ее не стал. Дураков нема, как говорили когда-то местные жители, еще до взрыва энергоблока. Пришлось отойти на несколько шагов и приглядеться. Да, аномалия определенно была – воздух едва ощутимо подрагивал. Но не так ощутимо, как над “Трамплином”, а именно едва-едва – в темноте без детектора нарвешься, так и пукнуть с перепугу не успеешь. В общем, это был не “Трамплин”, да и не “Воронка”, потому что “Воронка” заставляет воздух не трепетать, а переливаться радужными пятнами, как на мыльном пузыре. Достав болт, я швырнул его вперед, а когда он попал в цветное марево, я едва успел прикрыть лицо руками, потому что прямо передо мной, в воздухе, из ниоткуда, образовался столб жарко гудящего пламени – от грунта до свода тоннеля. Такую аномалию сталкеры прозвали “Жаркой”. А как ее могли еще прозвать? Попадешь в такое пространство, и мутанты получают возможность сожрать тебя не сырым и вонючим, а запеченным и чуть подкопченным, потому что температура в “Жарке” в момент активации достигает полутора тысяч градусов.

И тут хоть локти кусай – курточку видно, а достать ее ну никак нельзя. Разве что в костюме, в каких геологи в жерла вулканов спускаются. Но у меня такого костюма не было, и ушел я ни с чем. И с тех пор я старался ни хабар, ни вещички свои не прятать. Зона – тетка суровая, а закон подлости тут работает в три раза сильнее, чем за ее пределами. И это приходится учитывать, хочешь ты того или нет. Так что мое волнение при выходе из ложины возникло не на пустом месте. От сердца отлегло только, когда оставленные рюкзаки попали в поле зрения. Оба. И детектор аномалий помалкивал, и кабаны по вещичкам не потоптались.

– Не знаю, как ты, а я вот нажрусь сегодня в обязательном порядке. – Я выдохнул и позволил себе улыбнуться.

Артем не ответил. Откуда ему было знать, что творится у меня в душе? Да и бессмысленно такое знать, такое можно только почувствовать.

Мы влезли в лямки рюкзаков, поднатужились и поперли в сторону долговского поста. Он располагался у самой дороги, на краю Темной Долины. Встретили нас трое долговцев, один очень неплохо экипирован, даже снайперка при нем была, а остальные двое так себе. Кроме них, на посту, чуть поодаль, маячили еще пятеро. Сам пост представлял собой ровное место, огороженное мешками с песком. Не ахти какое укрепление, но все же не в голой степи задницей сверкать. Чуть дальше дорога упиралась в проржавленные ворота, служившие въездом за кирпичное ограждение. Правда, от самой стены мало что осталось – почти ничего, кроме ворот. Они вот сохранились, а ограда уцелела лишь фрагментами. Дальше, до самой долговской базы, на которой и располагался бар, местность простиралась еще более холмистая, так что видимости по прямой не было никакой.

– Привет, сталкеры, – поздоровался с нами тот, кто был экипирован лучше других. – Меня зовут Рома Самурай. Я тут старший на посту. Спасибо за помощь.

– Пожалуйста, – ответил я. – Меня все Лемуром кличут.

– Наслышан, – кивнул Самурай и косо глянул на Артема.

– А это Артем, – ответил я на вопрос, который не успел прозвучать. – Необстрелянный, даже прозвища еще не получил.

– По одежке заметно, – фыркнул другой долговец.

– В бар намылились? – напрямую спросил Самурай.

– Хотелось бы, – напряженно ответил я.

– Хабар тащите, судя по рюкзакам?

– Именно.

– Ладно, дуйте, ребята. Долговцы в долгу не остаются. И спасибо еще раз, а то эти мутанты озверели совсем. Гонит их что-то из Темной Долины. Порой волнами прут. Достали уже.

– Будут трудности, обращайтесь, – улыбнулся я. – У меня радиосканер все время включен.

– Вояк пасешь? – с пониманием кивнул Самурай.

– Именно. Да и бандючье иногда в эфир выходит.

Командир провел нас до ворот и предостерег:

– Там, на дороге, “Воронка” полно. Так что осторожнее. Их там понатыкано, как грибов после дождя.

Мы с Артемом протиснулись через приоткрытые створки и направились в сторону долговской базы. Я тут бывал не раз, для меня дорога была в какой-то мере знакомой. В той, в какой вообще может быть знаком любой путь в Зоне. Потому что меняется тут все стремительно и зачастую не в лучшую сторону, и уж точно неведомо, по каким законам. Когда я в прошлый раз тут ходил, то аномалий встретил не так уж и много, а теперь воздух над дорогой переливался так густо, что мне стало не по себе. И над самой дорогой, и по сторонам, на склонах холмов. В общем, зевать тут на этот раз было опасно для жизни. “Воронка” – штука жесткая. Так может затянуть, что костей не соберешь. Но наибольшая ирония Зоны заключалась в том, что аномалии не только убивали сталкеров, но и кормили их, потому что все артефакты оставались на месте рассосавшихся аномалий. Если же учесть, что некоторые артефакты при ношении на поясе могли спасти жизнь благодаря своим удивительным свойствам, то получалось совсем смешно. Но мало кто покатывался от хохота по этому поводу.

Метрах в ста пятидесяти от ворот рядом с дорогой стоял проржавевший “УАЗ” со сдутыми, потрепавшимися от времени колесами. Дальше надо было осторожность удвоить, поскольку в этих местах, ближе к базе, водилось полным-полно слепых псов. Почему именно тут и почему так много – не знал никто. Но факт оставался фактом, так что каждый сталкер при каждом посещении бара подвергался немалой опасности от нападения этих тварей. Только мы миновали “УАЗ”, я заметил слева на склоне холма одну стаю из пяти особей, а справа еще трех псов. Пришлось вытащить пистолет и пальнуть для острастки. Не попал, понятное дело, но левая стая бросилась врассыпную и отдалилась от дороги на безопасное расстояние.

– Присматривай за ними, – рекомендовал я Артему. – Главное, чтобы со спины не заходили.

Дорога попетляла между холмами и минут через пять распрямилась. Отсюда уже было видно саму базу – скопище промышленных строений, обнесенных бетонной стеной, а заодно и не очень глубоким рвом, через который можно было перебраться по мостику. У распахнутых ворот за мешками с песком маячил долговский патруль, в задачу которого входила охрана входа. У обочины, не доходя до моста, валялось тело сталкера, рядом с которым крутились два слепых пса. Твари осторожничали – подбегали к трупам, что-то откусывали и тут же шарахались в ров, боясь получить очередь от кого-нибудь из патрульных. Однако долговцы на псов, как мне показалось, обращали мало внимания, просто следили, чтобы те не подходили близко к воротам.

Чтобы не тратить боеприпас к автомату, я достал ружье и пальнул в одну из тварей, когда она попыталась отхватить очередной кусок от погибшего сталкера. Собака с визгом шарахнулась в сторону и скрылась во рву. Тогда телом занялся я, обшарил карманы куртки и рюкзака. Артем брезгливо морщился рядом и опасно водил из стороны в сторону стволом автомата, наблюдая за стаей слепых псов, кружащей вокруг нас, как ждущее падали воронье. Я, не оборачиваясь, пальнул еще из второго ствола и закончил осмотр тела. Наградой за грязную работу стали две армейские аптечки, ручная граната и банка тушенки с разграбленного армейского склада. Пистолет и патроны к нему я брать не стал – лишний вес, а ценности никакой.

Несмотря на кажущуюся дикость разграбления трупов, мародерство в Зоне не считалось пороком. Напротив, еще пальцем у виска покрутят, если пройдешь мимо покойника, оставив кому-то другому ценные вещи и артефакты, которые если брать у торговцев – без штанов останешься. Потому что накрутка в десять раз, на мой взгляд, была явным перебором. Сидорович, зараза, банку тушенки, которой красная цена в базарный день двадцать, предлагал купить за двести. Фиг ему. Я лучше так разживусь.

– Долго ты там будешь копать? – нетерпеливо спросил Артем.

– Все. Пойдем, – ответил я, перезаряжая ружье.

Мы почти добрались до мостика через ров, когда на нас бросилась псевдособака. Откуда взялась, я даже не понял, только увидел сверкнувшие хищные глаза и прыгнувшую серую тень. Артем отреагировал моментально, встретив тварь автоматной очередью, но даже с разорванным животом псевдособака сохранила боеспособность и впиалась ему в руку. Я в упор шарахнул ее картечью, перебив позвоночник и почти отстрелив голову. Все же убойность у ружья на близкой дистанции чудовищная.

– Вот гадство! – выкрикнул напарник, сжимая ладонью рану, чтобы кровь из разорванной вены не хлестала во все стороны. Я живо достал бинт и наложил повязку, затем снарядил инъектор антибиотиком и вколол его неподалеку от раны. А то эти твари падалью не брезгуют, так что от них любой заразы можно ожидать.

– Вы че, сдурели, палить в нашу сторону? – выкрикнул кто-то из должовцев из-за мешков с песком. – А ну опустите оружие! Живо!

Я спрятал обрез, а Артем, морщась от боли, повесил на плечо автомат.

– Сами виноваты, – спокойно ответил я. – Расплодили тварей под боком, а еще возмущаетесь.

– Ты проходи, проходи, не задерживайся, – посоветовал мне командир патрульных. – А то умный больно.

Мы с Артемом миновали ворота и оказались в самом безопасном, на мой взгляд, месте Зоны – на базе сталкерской группировки “Долг”. Когда-то это была промзона со складами и производственными помещениями. Теперь, как и всё в Зоне, здания пришли в запустение, но минимальный порядок все же поддерживался. Народу на асфальтовых дорожках было довольно много, и когда я попал сюда впервые, то не мог отделаться от желания поболтать с теми, кто тут дольше меня. Однако ничего хорошего из этого не вышло – все были заняты и отправляли меня прямиком в бар. На этот раз я туда и направился без задержки, поскольку делать тут больше было решительно нечего.

Из репродукторов, установленных по всей территории, доносился голос, вещающий информацию пропагандистского содержания:

“Ни мутанты, ни анархисты не остановят „Долг“! Вступай в группировку „Долг“, чтобы защитить мир от опасностей Зоны!..” Ну и подобную белибердень. Сам я не был анархистом, но вступать в какую-либо группировку не имел никакого желания.

“Внимание! – снова прокряхтел старый изношенный репродуктор. – Нужны добровольцы для выполнения опасных, но хорошо оплачиваемых заданий. Желающим обращаться в бар”.

Над входом в один из ангаров красовалась надпись: “Использование оружия категорически запрещено! За нарушение расстрел”.

Долговцы всегда веселили меня своей серьезностью подхода. Да и ладно. Каждый сходит с ума по-своему.

Когда мы оказались у ворот Арены, Артем потянул меня за рукав.

– Что это? – подозрительно спросил он, указывая на надпись над воротами.

– Арена, – неохотно ответил я.

– Надпись я и без тебя вижу прекрасно, – пробурчал он. – И грамоте обучен, уверяю, намного лучше тебя.

– Не сомневаюсь, пойдем.

– Это цирк тут у вас в Зоне, что ли?

– Еще какой. Обхохочешься, какие клоуны там иногда выступают. Пойдем, пойдем. Подрастешь, сам многое узнаешь.

– А ты почему не хочешь сказать?

– По кочану. И так тут впечатлений достаточно.

Он не стал настаивать, но любопытство, я заметил, осталось. Мы свернули на бетонированную дорожку и вошли в неказистое, но освещенное изнутри здание, над которым висела вывеска: “Бар 100 рентген”. Вниз, в подвал, вела бетонная лестница, она привела нас к решетке, за которой дежурил патрульный с автоматом.

– Проходи, не задерживайся! – рявкнул он на чуть приостановившегося Артема.

Пройдя по коридору и спустившись еще по одной лестнице, мы наконец оказались в баре. Днем тут было не очень много народу – человек пять выпивающих и несколько профи, продающих и покупающих информацию. Но меня сейчас больше интересовал бармен. Он стоял за стойкой и меланхолично протирал стаканы. Не бокалы, а именно граненые стаканы, в каких раньше подавали чай в советских столовых. Только без подстаканников.

– Привет, Лемур, – покосился он на меня. – С чем пожаловал?

– С хабаром, – скупо ответил я.

– Можно было не спрашивать, – усмехнулся бармен. – Лемуру на хабар везет. А что это за хлыщ с тобой?

– Сталкер, – ответил я еще более скупо.

– А... Понятно...

Тон его мне не понравился совершенно. Понятно, что новичков в Зоне не жаловали, ведь чем меньше людей, тем больше выйдет хабара на каждого. Это понятно. Но в данном случае это касалось больше меня, чем Артема. Я очень сильно это почувствовал.

– Ну, выкладывай, – проговорил бармен тем же тоном.

Я расстегнул рюкзак и выложил пару “Медуз”, которыми сам никогда не пользовался и три артефакта под названием “Кровь камня”.

– Хороший товар, – кивнул бармен. За каждую “Медузу” дам по пятьсот, остальное возьму по шестьсот за штуку.

– Что? – вытаращился я. – Это же грабеж! Я на пузе ползал...

– Никто не заставлял. Больше не дам. Этого барахла в Зоне навалом, и оно постоянно падает в цене.

Но я понимал – дело не в этом.

– Мне что, назад все тащить? – психанул я.

– Хочешь, тащи.

Я глянул на Артема и жестом велел ему занять место за угловым столиком. Напарник с каменным лицом подхватил рюкзак и удалился.

– В чем дело? – с нажимом спросил я бармена. – Ты раньше даже сраных “Медуз” брал по семьсот!

– Первые “Медузы” стоили далеко за тысячу, – спокойно ответил он. – Все меняется...

– А серьезно? Из-за новичка?

– Сам все понимаешь, чего тогда спрашиваешь? И так тут народу столько, что скоро на ноги друг другу будут наступать. А ты еще хлыща этого пригреб.

– Какое твое дело?

– Прямое. Кто еще порядок в Зоне будет поддерживать?

– Ладно, погоди, не спеши... – Я начал судорожно искать выход из создавшегося положения.

– Информация в Зоне денег стоит. Так? Это закон. А ты ведь, насколько я понял, на стороне закона?

– Ну?

– Давай ты перестанешь дуться, а я тебе расскажу, что это за тип и почему я с ним таскаюсь. Идет?

– Я и не дуюсь.

– Хабар возьмешь по нормальной цене?

– Нет.

– Тьфу на тебя!

Я сгреб артефакты обратно в рюкзак и встал за столик рядом с Артемом.

– Проблемы? – спросил он.

– Есть немного. Водки выпить, что ли? – вслух прикинул я. – Хотя она тут втридорога.

– Что случилось?

– А, ничего... Просто мы зря все это тащили. Придется искать другого торговца. По предложенным ценам я хабар не отдам.

- Нам ведь не только продать надо, – напомнил Артем. – Мы за снаряжением пришли.
- Наверняка этот боров мне и цены на оружие задерет выше ушей, – вздохнул я.
- А где еще взять?
- Негде.

Ситуация сложилась – хуже некуда. Стоило ли переться в такую даль, тащить на себе рюкзаки, так что спины трещали, чтобы отдать все это за копейки? На вырученную сумму еще и хрен чего стоящего возьмешь!

- Какие потери, по твоим прикидкам? – серьезно спросил Артем.

– Тысяч двадцать с каждого рюкзака. Может, чуть меньше. Винтовка со снайперским прицелом десятку тянет. А без нее я бы в глубокий рейд соваться не стал. Кроме того, надо аптечек каждому до фига, бинтов, жранины, питья, водки той же, но она дома у меня есть. Костюмчик бы противорадиационный... Тоже не помешает. Патронов, опять же. Костюмчик вообще до фига стоит. Куртку сталкерскую тебе обязательно, а она тридцать косарей потянет, как с куста. Я как раз столько хабару и брал, чтобы на все хватило. А тут потери в сорок косарей! Мыслимо ли? Считай, куртка и винтовка накрылись тазом.

- Это из-за меня? – напрямую спросил Артем.

– В какой-то мере. Но вообще этот боров и без того сука порядочная. Не грузись. Надо думать, как выкрутиться. Давай договоримся так. Ты тут побудь. Никуда не высывайся. Можешь выпить немного, я тебе денег оставляю. А сам пойду поищу, может, найдется богатенький, кто возьмет наше добро дороже. Да и оружие подержанное тоже тут есть возможность найти. Или хотя бы оптический прицел к автомату, тогда можно будет без винтовки обойтись. Лады?

Артем молча кивнул. Я хлопнул его по спине и направился прочь из бара. Я знал, куда идти. Жил тут на базе один тип по прозвищу Самоделкин. Зарабатывал на ремонте оружия, потому что в условиях Зоны изнашивалось оно довольно быстро и начинало клинить в самый неподходящий момент. Но еще он устанавливал оптику на автоматы, это я знал точно. Однако дверь в его мастерскую оказалась запертой.

- Самоделкина ищешь? – раздался сзади незнакомый голос.

- Ага, – ответил я, оборачиваясь.

Передо мной стоял сталкер, явно из опытных, в черном плаще, с автоматом на ремне.

- Уехал он.

- Что значит уехал? – удивился я.

- А то и значит. В отпуск. Кроме Зоны, знаешь, чувак, есть и другие места на Земле.

- Наслышан, – упавшим голосом ответил я.

Не везло мне сегодня катастрофически.

- Слушай, а может, еще где можно оптику на автомат прикупить?

- В принципе можно, – ответил сталкер. – Но в Зоне информация денег стоит.

- Понятно, – ответил я. – Больше вопросов не имею.

На самом деле, покупать информацию в Зоне – последнее дело. Это все равно что покупать кота в мешке. Платишь цену, а информация чаще всего того не стоит. Так, например, заплатив этому сталкеру, я мог получить информацию о том, что надо обратиться к другому, и такие цепочки часто бывали настолько длинны, что результат терял всякий смысл. Так что сам я использовал закон “информация стоит денег”, только продавая ее.

Разумеется, можно было понадеяться на удачу. В глубоком рейде вероятность найти погибшего сталкера со снайперкой достаточно высока, но, во-первых, не было гарантий, что винтовка не понадобится раньше, а во-вторых, за неделю пребывания под кислотными дождями Зоны оружие приходило в такое состояние, что требовало если не ремонта, то долгой реанимации в керосиновых ваннах. В любом случае мне не оставалось ничего, кроме бесславного возвращения в бар. Однако, спустившись по лестнице обратно в подвал, я с удивлением увидел, что Артема на месте нет. Как и обоих рюкзаков.

Первой мыслью у меня было банальное кидалово. Ведь Артема я практически не знал. Что ему стоило, войдя ко мне в доверие, просто тиснуть весь хабар и счастливо смотать удочки.

Это запросто. Тем более что артефакты он мог продать напрямую ученым совсем за другие цены, чем установленные барменом для сталкеров. От этой мысли я закрипел зубами. Но из состояния близкого к кипению меня вывел бармен.

– Дружка ищешь? – с усмешкой спросил он.

– А что?

– Ничего. Если хочешь увидеть его живым, то советую поспешить. Он тут поболтал с ребятами, и они посоветовали ему заработать денег на Арене.

– Вот черт! – не удержавшись, воскликнул я.

Сталкеры за столиками, из тех, кто еще мог реагировать на окружающее, заржали. И было с чего. Как ни крути, а обгадиться я умудрился со всех сторон.

Стиснув зубы, я медленно, стараясь не делать лишних движений, чтобы не вызывать лишних взрывов хохота в и без того взрывоопасной обстановке, поднялся по лестнице и широким шагом направился к Арене. Соваться к заправилам уже не имело смысла, мне оставалось только занять место среди зрителей и увидеть развязку событий. Скорее всего, печальную, поскольку на арену выходят только полные отморозки. Или неудачники, которым терять нечего.

С грохотом взбежав на второй этаж по металлической лесенке, я влился в толпу, занявшую места на длинной галерее над старым складом, заваленным ящиками. Это, собственно, и была Арена – место, якобы созданное для зарабатывания денег, но на самом деле подавляющее большинство участников, скорее рано, чем поздно, теряло тут все, включая жизнь.

Голос комментатора, усиленный репродуктором, радостно гремел над Ареной:

– Сегодня вы увидите очередной бой между двумя неудачниками. Два свежайших куса мяса сразятся, имея только “ПМ” и две обоймы к нему. Посмотрим, кто из двух придурков получит смертельную дозу свинца, а кто отделается парой недель отлежки после ранения. Юрка Кирпич против Артема Ботаника. Делайте ставки!

Я глянул вниз и увидел у одной стены нечесаного, вконец озверевшего Юрку, а у другой Артема, стоящего с гордо поднятой головой и сжимающего рукоять пистолета. Их разделяло метров семьдесят загроможденного ящиками пространства. Юрка своей дурной репутацией славился давно. Для него почти ничего не стоило прикончить одинокого сталкера ради того, чтобы разжиться банкой тушенки. И вот он на Арене, поскольку с такой репутацией добра от барыг не жди. Они так завернули ему гайки оплаты, что сбор артефактов перестал приносить парню хоть сколько-нибудь адекватный доход. Зато, поднаторев в убийствах, тут он чувствовал себя как рыба в воде. И ставили все сейчас, естественно, на него, а не на новичка, припершегося на базу “Долга” в драной бандитской куртке. Да и вид у Артема был, правда, так себе. Боец в нем не просматривался нисколько. Да и что взять с научника? В сравнении с Юркой и впрямь смех на палочке.

Причем Юрка, чтобы позабавить публику, нарочно засунул пистолет за пояс штанов, демонстрируя пренебрежение к противнику.

– Ну что, ребята! – весело выкрикнул комментатор. – Можете выпускать друг другу кишки!

Только прозвучала команда, Кирпич бросился вперед, но на середину Арены выскакивать не стал, а прижался к ящику и прислушался. Опыта в подобных боях ему не занимать, так что у Артема шансов практически не было. А ставки еще принимали, поэтому я оказался в весьма щекотливой ситуации. Если моего непутевого напарничка грохнут, то вещичкам моим капец – таковы правила на Арене. Хоть бы дождался меня, придурок, оставил бы рюкзаки! Теперь хрен докажу, что это мое имущество. Поэтому рациональная часть моего мозга требовала справедливости в виде внесения ставки за Юрку Кирпича. Хоть выиграю, когда Артем накроется. С другой стороны, если научнику повезет, то мы могли навариться не слабо – и получить деньги за бой, и вернуть хабар, и еще на тотализаторе выиграть.

Времени на решение было мало, прием ставок заканчивался. И тут я подумал, что потерю двух рюкзаков компенсировать мне будет сложно. А раз так, либо уже терять сегодня все, либо выигрывать как следует.

– Ставлю на Артема! – выкрикнул я.

Все вокруг весело засмеялись, но я добавил:

– Десять тысяч на новичка!

Ставку у меня приняли. Внизу же события разворачивались драматично. Юрка Кирпич не сходил с места, а Артем, по всей видимости, принялся его искать. Ума-то нету. Юрка прислушивался и ждал, когда новичок сам подвернется под выстрел. Но время шло, Артема видно не было, и Юрка ждать устал. Он оглядел публику, виновато развел руками, мол, не дали показать красоту игры, и осторожно двинулся приставными шагами, принципиально не доставая ствол. Добравшись до середины Арены, он все же заподозрил, что противник не так прост, как ему хотелось бы – Артем словно провалился сквозь землю. Мало того что Юрка его точно не видел, так не видел его и никто из зрителей.

– Эй! – выкрикнул кто-то с галереи. – Хорош шхериться! Взялся биться, так не дрейфь!

Реплика, понятное дело, относилась к Артему.

У Юрки же нервы начали понемногу сдавать. Время шло, а он понятия не имел о позиции противника. Наконец он не выдержал, выхватил пистолет и дважды пальнул наугад, просто перед собой. Ответа не последовало.

– Может, Ботаник вообще свалил? – расхохотался другой зритель. – Нашел щель и слинял, как паршивый котенок!

Народ дружно подхватил шутку и принялся ржать. На какой-то момент всеобщее веселье так разгулялось, что я и Юрку потерял из виду. Но через несколько минут народ затих так резко, что тишина не хуже выстрела ударила по ушам. Но в том-то и дело, что выстрела никакого не было. Он так гулко отдается под сводами Арены, что прозевать его совершенно невозможно. Каково же было мое удивление, когда я увидел Артема. Он спокойно и деловито тащил Юрку Кирпича за ногу. Выволок на середину Арены, распрямился, достал пистолет, вынул из него обойму и вылушил на ладонь все восемь патронов.

– Он ему шею свернул! – пронеслось по толпе. – Даже стрелять не стал!

И тут зрители взревели. Взревели по большей части от проигрыша, потому что из всех присутствующих я был единственным, кто поставил на новичка. Но вторая волна рева была уже более осмысленной.

– Давай еще бой, если ты такой крутой! – выкрикнул кто-то.

Клич подхватили, и вскоре толпа дружно скандировала:

– На Арену. На Арену!

Внизу открылись ворота, Артем спокойно выкинул горсть патронов и вальяжной походкой направился к выходу. Я, толкаясь локтями и матерясь на недовольных, тоже пробился к краю галереи и едва не кубарем скатился с лестницы вниз.

В кассе мне выдали семьдесят тысяч – сумму более чем серьезную. Забрав деньги, я пулей вылетел на улицу и почти сразу наткнулся на Артема, ждавшего меня у стены с двумя рюкзаками.

– Надеюсь, у тебя хватило ума поставить на меня? – спросил он без предисловий.

– Ну ты даешь! – выпалил я.

– А чего ты ожидал?

– Чего угодно. Сколько тебе дали за бой?

– Три тысячи. А ты сколько сгрэб?

– Семьдесят. Но ты меня так больше не пугай.

– А что оставалось делать? Из-за меня тебе опустили цену, значит, мне и расхлебывать.

Мне на это нечего было сказать. Зато нас теперь мало волновало, за сколько бармен возьмет наш хабар. Потери мы в любом случае уже компенсировали. Подхватив рюкзаки, мы спустились в “100 рентген” и заняли место за угловым столиком. Через минуту бармен поманил меня рукой.

– Выступили вы, нечего сказать, – проворчал он, когда я неспешно подошел к стойке.

– Как умеем. Ты хоть и прибыл сюда с первой волной сталкеров, а в людях разбираться не научился.

– Ну и не тебе меня учить.

– Да пожалуйста, – усмехнулся я. – Просто ты получил доказательство, что Лемур абы с кем шататься по Зоне не станет.

– Ладно. Нос только сильно не задирай, а то потолок поцарапаешь. Возьму у тебя “Медуз” по шестьсот пятьдесят.

– Годится.

Я подтащил рюкзаки к стойке и минут через десять, поторговавшись на редких артефактах, спустил весь хабар. Но вот с покупкой снаряжения все оказалось не так гладко. Снайперки “СВД” у бармена в наличии не оказалось, пришлось брать автоматическую “германку” с интегрированной четырехкратной оптикой. Первый выстрел она делает очень точно, зато остальные пули летят как бог на душу положит. Да и надежность у нее не в пример ниже. К тому же патроны дороговатенькие. Но все же это лучше, чем переться в глубокий рейд вообще без снайперки. Бандючие там в такие шайки сбивается, что не дай бог нарваться. Да и военный патруль может встретиться, а это вообще труба.

Кроме того, мы взяли сталкерскую куртку Артему. Она обошлась в тридцать тысяч – дороже винтовки. Но она того стоила. Без нее в Зоне кирдык придет быстро и незаметно.

– А экзоскелет не хочешь купить? – хитро сощурился бармен.

– Издеваешься? – искоса глянул я на него.

Байки о сталкерах в экзоскелетах ходили по Зоне давно. Какой-то тип даже пытался нанять меня для убийства такого ходячего танка. Да только я послал его к псевдособакам. Во-первых, я не киллер, во-вторых, не верю в подобную чушь. Нет, конечно, в принципе никто не мешает навесить оружие на экзоскелет, какой применяют спасатели для разбора завалов, да только стоит он столько, что его даже армейцы не применяют. Куда уж сталкерам! Детей Рокфеллера я тут что-то не встречал. Хотя в фантазиях подобные рацпредложения, наверное, посещали каждого пятого сталкера. Не столько из соображений боевой мощи, хотя не без того, разумеется, сколько из соображений грузоподъемности. Это сколько же хабара можно навесить на такую штуковину! Килограммов двести, не меньше. А пешочком и полцентнера пока утянешь – скобыдохнешься ненароком.

– Тут столько бывает сталкеров, – спокойно ответил бармен, – что если я над каждым буду попусту издеваться, то мне придется заниматься этим круглые сутки.

– Хочешь сказать, что на местном черном рынке действительно числится экзоскелет? – спросил я.

– Да.

– И сколько стоит?

– Этого я не знаю. Ты слышал о баре для продвинутых сталкеров?

– Не понимаю, о чем ты, – признался я.

– О баре на Свалке.

– Что-то тебя сегодня на местную легендаристику перегнуло, – отмахнулся я. – Не может быть на Свалке никакого бара. Там фонит так, что шуба заворачивается.

– Вот именно. Поэтому там охрана, как здесь, без надобности. Новички и дегенераты туда сами собой не сунутся. А вот элита, имеющая противорадиационные скафандры, там завсегдатаи. Там и цены другие, и товар другой.

– Ладно баки мне забивать, – нахмурился я. – Но раз зашла речь о противорадиационном костюме, я хотел бы узнать...

– У меня его нет. Но могу подсказать, как его получить, раз вы к глубокому рейду готовитесь.

– С чего ты взял? – глянул я на него.

– Закупаешься ты всерьез. А я мозгами с измальства не был обижен. Могу сопоставить.

– Понятно. И как добыть костюм?

– Знаешь логово Борова в Темной Долине?

– Ну, слышал, – ответил я.

– Там, за стройкой, возле которой стоит башенный кран, есть насосная станция. Ее в свое время, еще до того, как бандюки на стройке себе базу устроили, облюбовали научники. И

устроили в подвалах лабораторию Х-18. Потом их накрыло. Всех или почти всех. Слухи разные ходят. Но лаборатория существует, в этом нет ни малейших сомнений.

– А с какой стати ты мне бесплатно все это выкладываешь? – подозрительно спросил я.

– Потому что новичок твой оказался непрост.

– Мог бы и сразу догадаться.

– А я заподозрил. Только проверка была нужна.

– И для этого ты сбил мне цены на артефакты? Ну и не сука ты после этого?

– Зря ругаешься. С торговцами выгоднее дружить.

Я взял себя в руки. Злость, правда, в Зоне ничему не помогает. Даже в бою.

– Ладно. Продолжай.

– В этой лаборатории должны храниться документы о проходе на север Зоны. А мы с другими торговцами давно ищем путь туда. Места там непуганые. Кому удавалось пройти, приносили такое, что у тебя глаза на задницу переползут от удивления.

Мне он мог этого не рассказывать. “Сверло” я по пути на север как раз и добыл. Да только путь это трудный, один раз пройдешь, второй не захочется. И далеко на север забраться почти ни у кого не получалось. Не пускало там что-то. Или кто-то. Погибали сталкеры на этом пути десятками. Все равно шли, и некоторые находили проход, но, разбогатевав сказочно, секретом не делились ни с кем. И каждый раз все повторялось заново. Так что север Зоны был чем-то вроде легендарного Клондайка. На местный манер, разумеется.

– И что мне с тех документов? Купишь?

– Отблагодарю, не волнуйся. Но главное, что в самой лаборатории добудешь то, что тебе надо. Совершенно бесплатно, если не считать затраченного времени и сил. Но сам понимаешь, противорадиационный костюм того стоит.

– Понимаю. А что мне помешает сейчас послать тебя в задницу, смотаться за костюмчиком, а с документами не париться?

– Ну, смотайся, – довольно показал зубы бармен. – В лабораторию-то ты как попадешь?

– С этим проблема?

– Ага. Ключик там нужен. У тебя его нет, а у меня имеется. Но дам я его тебе, только если подпишешься на задание.

– Не спеши, – остановил я его. – Мне с напарником посоветоваться надо.

– Он у тебя что, за начальника?

– За партнера. Хотя ты не знаешь, что это значит.

Бармен усмехнулся, а я вернулся за столик и выложил суть беседы Артему.

– Идея хорошая, – подумав, ответил он. – Если сталкерская куртка стоит тридцатку, то сколько может стоять скафандр? Сам понимаешь. Так что можно и смотаться в эту чертову лабораторию.

– В Темную Долину попадать не хотелось бы.

– А есть другой вариант?

– Нет, – признался я.

– Тогда не о чем думать. Пойдем.

Я вернулся к стойке и постучал по ней пальцем, привлекая внимание бармена. Он обернулся и заинтересованно уставился на меня.

– Мы посоветовались и решили притащить тебе документы, – сказал я.

– Твой новичок мне все больше нравится, – усмехнулся бармен. – Я сколько раз это задание давал – никто не вернулся. Но раз твой Ботаник Юрку Кирпича завалил, да еще голыми руками, без единой потраченной пули, то вместе вы, может, пройдете.

– Спасибо на добром слове. Водки дай.

– Бутылку?

– Давай сразу две. Чего печень зря портить? Если уж пить, так пить. И деньги мои возьми на хранение. Вместе с оружием и снаряжением. А то я, когда напьюсь, могу пошалить.

Я снял с себя все артефакты и сунул их в рюкзак. Бармен не украдет даже “Мамины бусы” – репутация дороже. А вот с меня, пьяного, могут их запросто снять. Положив рюкзак на

стойку, я вернулся к Артему и велел ему сделать то же самое. Только избавившись от всего ценного и опасного, мы разлили водку в стаканы и начали пить.

Глава 3

В которой Лемур попадает точно в цель, Артем – в руки бандитов, а потом они оба – в заброшенную подземную лабораторию

Утром мне было нехорошо. Хотя если выразаться точнее, совсем хреново. Так хреново, как давно уже не было. Нашел я себя на грязном матрасе в обшарпанной комнатенке, в компании еще троих спящих сталкеров. Затхлый воздух вонял гадостно, во рту – будто кошки нагадили. Я поискал глазами Артема, но его рядом не было, так же как не было ничего, с чем мы пожаловали на базу группировки “Долг”. Правда, перевернув в голове камнеподобные мысли, я вспомнил, что хабар мы спустили, а деньги и оружие оставили бармену, на хранение. Это воспоминание прибавило оптимизма, точнее, хоть какой-то оптимизм возник под его влиянием, поскольку до того не было и намека на что-то хорошее в этой жизни.

Постепенно мозги включались, и я, хоть и с некоторым трудом, восстановил в памяти события вчерашнего дня. Когда дошел до необходимости путешествия в лабораторию X-18, зародившийся оптимизм развеялся без остатка – афера была на редкость опасной, но отказаться было еще более глупо, поскольку в другом месте добыть противорадиационный костюм не представлялось возможным, а без него рейд в центр Зоны заранее был обречен на провал. Самое мерзкое заключалось в том, что операция по добыче костюма и документов для бармена не могла обойтись без стычки с бандитами из шайки Борова. Уж слишком близко от их базы находилась лаборатория. Точнее, фактически на ней. А драться я не любил. Неоправданный риск. Навара никакого, только патроны тратить. Меня это бесило до зубовного скрежета, но в Зоне то и дело возникали ситуации, из которых не выкрутиться без пальбы. Не было бы тут бандитов и армейцев – не жизнь была бы, а рай. А не было бы других сталкеров, так и вовсе... Но это уже из разряда сладких эротических снов.

Поднявшись с матраса, я, кряхтя и тихо ругаясь, отправился в бар, чтобы забрать деньги, снаряжение и оружие. На улице моросил дождь и гулял ветер, грохоча листьями железа на крыше ближайшего ангара. Раннее утро. Никто по территории не шастал, только вдалеке, на посту у резиденции командира группировки, маячили пятеро патрульных должовцев. Иногда ветер доносил лай слепых псов из-за ограждения.

Посетителей в баре тоже было не густо, точнее, всего один. Это был Артем, с довольной миной уплетающий кусок батона и тушенку прямо из банки. Рядом стояла початая бутылка водки. У меня от одного вида этой дьявольской огненной воды ком подступил к горлу, но я сдержался и помахал напарнику вместо приветствия. Говорить не хотелось.

– Выпей, – предложил Артем. – Полегчает.

– Не говори мне этого слова... – скривился я.

– Ничего. Если вывернет, будет только лучше. – Тушенки хочешь?

Желудок тут же сжался, демонстрируя полную неготовность к принятию пищи. Вот оно – прямое воздействие слова на реальность, данную нам в ощущениях!

– Точно вывернет, – поделился я переживаниями.

Артем решительно плеснул в стакан водки и придвинул мне. Ненавижу, когда утро начинается с водки. Чего ждать от дня, если он начинается с водки? Ничего хорошего. Но от жуткого бодуна, сопровождаемого не менее жутким сушняком, ничего хорошего тоже ждать не приходится. Тут получается так, что из поговорки “из двух зол выбрать меньшее” следует за ненужностью выкинуть лицемерное слово “меньшее”. И жить, как получится. Потому что, если не спекусь в Зоне, когда-нибудь настанет новый день, который не начнется с водки и закончится не водкой, а чем-то хорошим и светлым. Это не было возведено у меня в статус веры, это была слепая жизненная статистика, гласившая, что хорошие дни тоже бывают.

На водку я смотреть не мог, поэтому зажмурился, сжал стакан и опрокинул его содержимое в рот. И даже проглотил, хотя глотательный рефлекс тут же переключился на реверс. Но он с

задержкой переключился, так что проклятая жидкость успела достигнуть желудка, потом парами шибанула в нос, вызвав ступенчатое усиление тошноты, потом начала всасываться в кровь и шибанула по мозгам. Но от этого стало немного легче. Как минимум головная боль уменьшилась вдвое.

– Еще? – Артем глянул на меня с интересом исследователя. Ну что взять с ученика?

Я понял, что могу еще, хотя озвучить это организм отказывался напрочь, речевая функция заблокировалась, но я перехитрил организм и лаконично кивнул. Уловив мое намерение, Артем подлил, а я вторым залпом осушил стакан. Стало еще лучше. Желудок дергался в судорогах, как попавший в капкан зверь, я закусил, но судороги от этого только усилились. Тогда я добил пищеварительный тракт контрольным куском тушенки, и он успокоился. Стало значительно легче. В голове потихоньку переставало шуметь, из черепа словно кто-то выдергивал гвозди и вкрученные шурупы. Когда же весь крепеж удалили, я почувствовал себя почти счастливым.

– Подействовало? – все тем же тоном поинтересовался Артем.

Я снова кивнул. Потом выпил еще, и стало совсем хорошо.

– Тебе бы еще лимончик скушать, – вздохнул напарник. – Для восстановления функции печени. Да только цитрусовые в Зоне не произрастают.

– Это я знаю. Ничего, пока так сойдет. Надо двигать отсюда, а то опять напьемся.

– Не напьемся, – улыбнулся Артем. – У меня все под контролем.

Все еще с трудом передвигая ноги, я доплелся до стойки бара и негромко шлепнул по ней ладонью, привлекая внимание задремавшего прямо на стуле бармена.

– А... – Он открыл глаза, и в них мелькнула эмоция узнавания. – Лемур...

– Именно так. Я за оружием и за деньгами.

Бармен скрылся в подсобке и в три приема вытащил из нее наше снаряжение. Когда я пересчитывал остатки денег, он спросил:

– У тебя блютус в наладоннике включен?

– Ага, – ответил я.

– Я тебе сейчас код от входа в лабораторию скину.

Я сунул деньги в потайной отдел рюкзака и услышал, как пискнул в кармане компьютер, закончив прием данных. Больше нас на долговской базе ничего не держало.

– В путь! – сказал я Артему, подавая его рюкзак.

– Куда? Сначала домой?

– Смысла нет, – пожал я плечами. – Туда пилить, потом обратно. А отсюда до Темной Долины рукой подать. К тому же на блокпосту нас помнят, а это тоже аргумент не последний.

– Ладно, тебе виднее. У тебя опыта больше.

– Смотря в чем, – усмехнулся я, вспомнив, как он свернул Кирпичу шею на Арене.

Артем переоделся в новую куртку. Надо было видеть, как он это делал. Во-первых, почти без лишних движений, словно всю жизнь облачался в тяжелый да еще покрытый резиной кевлар. Во-вторых, когда надел, попрыгал, проверяя, ладно ли на нем это сидит, не мешает ли где-то... В этот момент он, как никогда, был похож на боевого офицера во всей красе. Даже нечто похожее на выправку появилось. Но он это тут же смахнул, снова представ передо мной облаченным в сталкерскую куртку учеником. Но я это переодевание тоже взял на заметку. Рефлексы-то так запросто не скроешь. Особенно в той ситуации, для которой они вырабатывались. В любом случае не оставалось ни малейших сомнений в том, что Артему не раз, не два и не три приходилось вскакивать ночью и со всей возможной прытью надевать тяжелый бронежилет. Крутовато для геолога, пусть и работавшего в Афганистане. Говорить я по этому поводу ничего не стал и сделал вид, будто ничего не заметил.

Покинув бар, мы не спеша добрались до ворот, пожелали удачи патрульным и направились в сторону блокпоста по дороге. Операция еще толком не началась, но ухо надо было все равно держать остро. Как обычно в Зоне. Здешняя местность раззяв не любит. Отовсюду раздавался лай слепых псов, почему-то в этом месте их всегда было как муравьев в муравейнике. Вдалеке взрыкнула псевдособака. А так, в общем-то, все благоприятствовало

походу. Настроение начало потихоньку повышаться. Даже натыканные, как грибы, переливающиеся “Воронки” не казались такой уж досадной помехой. Дождь кончился, так что их без всякого детектора было хорошо видно. Ветер гнал над головой хмурые лохматые тучи, но они довольно быстро утончались, предвещая сухую, а значит, замечательную погоду.

Несмотря на мельтешивших повсюду слепых псов, мы добрались до блокпоста без дополнительных приключений.

– Привет! – поздоровался с нами командир. – Как отдохнули?

Не знаю, слышалось мне или нет, но кажется, в его тоне прозвучала некоторая издевка. Скорее всего, события прошедшего вечера были ярко написаны у меня на лице. Чего про Артема точно сказать было нельзя.

– Нормально, – ответил я. – Выпили, конечно. Теперь вот с утраца моцион решили устроить для восстановления тонуса.

Командир косо глянул на наши как следует укомплектованные рюкзаки.

– С нагрузочкой? – усмехнулся он.

– Ага, – беззаботно кивнул я. – По пересеченной местности. В Темную Долину и обратно. Не забудьте нас пропустить по старой памяти.

– Вы нормальные? – уже совсем серьезно спросил командир.

– На учете не состоим. Ладно, бывайте.

Я махнул им рукой и первым направился вниз по пологому склону, ведущему в Темную Долину. Артем быстро меня догнал, и вскоре, миновав заросли кустарника и несколько торчащих за ними скал, мы потеряли блокпост из виду.

– Пора расчехлять стволы, – сказал я. – Тут на бандюганов можно нарваться без особых трудностей. И вообще эти места не самые посещаемые нашим братом, так что можно ожидать от Зоны любых подлостей.

Артем молча снял автомат с предохранителя, а я, напротив, убрал свой в рюкзак, а взамен его достал новенькую снайперку. Немецкая винтовочка удобно лежала в руках, а прицельная сетка в оптике оказалась лаконичной, но удобной, без лишней навороченности с разными шкалами. Просто ниже центральной красной точки были елочкой нанесены треугольники, чтобы можно было бить на разные дистанции, не делая поправок на самом прицеле. Пока до логова бандитов оставалось приличное расстояние, я решил пристрелять машинку, чтобы не делать этого в боевой ситуации. Снарядив магазин и наметив камень метрах в двухстах от нас к северу, я прицелился и дал короткую очередь. От камня полетели искры и острые осколки. Я удовлетворенно опустил оружие и улыбнулся.

– Нормально бьет, – согласился Артем. – Жаль, что одна, а то бы мы наделали вдвоем шороху.

– Я бы предпочел без шороха. Пройти бы тихонько, взять, что надо, и смыться.

Артем лишь пожал плечами. Два понятия – научник и задира – в моем сознании совмещались плохо, а вот в самом Артеме, кажется, великолепно. По крайней мере, его выходка на Арене говорила за то, что задиры в нем никак не меньше, чем научника. И это меня настораживало. При всех его положительных качествах, с моей точки зрения, от него исходила опасность – опасность влипнуть в ситуацию, которой можно было бы избежать без излишней задиристости. Но... Деньги не достаются легко. По большому счету деньги получает только тот, кто рискует. А от честной работы бывают только мозоли. Возможно, это главная мировая несправедливость, но у меня не было идей по изменению всего Мироздания. Мне нужен был миллион. И судьба, как это бывает нередко, подкинула мне возможность его получить. Гипотетическую, рискованную, но все же возможность. И мне выбирать – воспользоваться ею или послать все к чертям псевдособачьим, умыться руки и вернуться в свой уютный бетонный бункер. А потом... Ну что потом? Искать артефакты, продавать их торговцам, защищаться от пытающихся ограбить бандитов... Или вообще уехать из Зоны, устроиться сторожем на автостоянку и всю оставшуюся жизнь выискивать средства на оплату съемного жилья. Когда-то давно я принял решение – чем так жить, так лучше никак. Поэтому сейчас отступать уже было глупо.

Я прицепил винтовку к рюкзаку, закинул автомат на плечо и молча шагнул вперед. А что еще оставалось делать? Артем, возможно, понимая, что творится у меня в голове, брел следом молча. Я был благодарен ему за это. Да и правда – наговоримся еще. К тому же дорога была не из приятных – аномалий натекано столько, что я иногда затруднялся с выбором обходных маршрутов. Выглядело это красиво – переливающиеся сполохи невысоко над землей. Но знание того, что произойдет, если в такой сполох попасть, сильно снижало эстетическое удовольствие от созерцания этого буйства красок.

– Крутовато тут... – все же подал голос Артем.

– А ты думал в сказку попал? – хмуро ответил я.

Метров через двести я заметил на склоне холма трех кабанов-мутантов. Вступать с ними в схватку не хотелось совершенно, поэтому мы приняли правее и вломились в заросли густого кустарника. Тут пришлось во все уши слушать детектор, иначе попасть в “Воронку”, почти ни черта не видя из-за ветвей и листьев, было проще простого. Если же учесть, что аномалий было столько, что детектор пищал непрерывно, приходилось улавливать оттенки этого писка, чтобы не влипнуть в историю на самом начальном этапе нашего сумасбродного похода. Так, обходя места наибольшего скопления “Воронок”, мы постепенно отклонялись от заранее выбранного маршрута. Я поглядывал на экран наладонника со встроенным спутниковым навигатором и картой Зоны, видел, что мы забираемся все дальше в болота, но скорректировать маршрут было невозможно – аномалии не позволяли двигаться хоть сколько-нибудь прямо. А когда нам все же удалось выбраться из зоны наибольшего сосредоточения “Воронок”, оказалось, что мы порядком отклонились на запад от базы бандитов и вдобавок уткнулись в заграждение из колючей проволоки. Лезть через него не было смысла, так что мы направились вдоль “колючки” вниз по склону. По мере спуска почва под ногами становилась все более сырой, потом под ботинками начало откровенно чавкать, и мы очутились между двух небольших заболоченных водоемов. Индикатор уровня радиации начал пощелкивать, что мне совсем не понравилось. Пришлось достать из рюкзака артефакт “Огненный шар”, нацепить его на пояс, а другой дать Артему.

– Знаешь, как это работает?

– Приблизительно, – ответил он.

– С утилитарной точки зрения эта штука как-то воздействует на организм, что повышает его сопротивляемость радиации. Но ничего не бывает даром. Взамен понижается сопротивляемость к ударам и разрывам.

– В таком случае надо будет не забыть снять эту штуковину перед боем, – усмехнулся он.

Дальше фонить начало сильнее. Вода, зараженная радиацией, стекалась в низину с окружающих пространств, к тому же тяжелые элементы оседали на дне вместе с илом, а распадалась не очень быстро. Каждый щелчок индикатора всерьез действовал мне на нервы, но мы уже влипли, а другого пути к стройке, где угнездились бандиты, не было. Прочапав по воде метров сто, мы выбрались на более или менее сухое пространство между двумя болотцами и взяли курс на восток. Впереди, если приглядеться, можно было заметить возвышающийся над ландшафтом старый башенный кран. Это и был наш ориентир.

Вскоре стал виден не только кран, но и сама стройка – бетонный каркас здания с кое-где возведенными стенами, и длинный деревянный тоннель, в котором когда-то предполагалось разместить транспортную ленту. Через дорогу виднелась старая автозаправочная станция. Достав бинокль, я внимательно осмотрел сооружения по обе стороны от дороги, но ничего успокоительного для себя не увидел.

– На третьем этаже два автоматчика у окна, – прокомментировал я результат наблюдений. – Смотрят в нашу сторону, псевдособака их задеря. На заправке возле операторской будки тоже тусовка. Но они вроде сваливают. В здании за заправкой на балконе стрелок.

– Это лишь те, кого видно, – улыбнулся Артем.

– Не вижу поводов для веселья, – пробурчал я в ответ. – Я назвал еще не всех.

– Больше травы, легче косить, как говаривал один весьма успешный полководец.

– Тебе бы все шуточки шутить...

– Знаешь, Лемур... Выдам тебе один страшный секрет про эту Вселенную.

– Ну? – заинтересовался я, несмотря на его шуточный тон.

– В этом мире нет ничего, из чего нельзя извлекать радость. Надо только правильно настроить сознание на нужную волну.

– Иди ты! Философ... – Я сразу потерял интерес к его выведенным у Вселенной секретам. – Какая радость в драке с бандитами? Или в радиации? Или на зомбаков наткнуться. – Ты видел хоть раз зомби?

– А они и на самом деле бывают? – искренне удивился Артем.

– По пути на север есть места, где их столько, что они на ноги друг другу наступают. Так далеко я не забирался, но заходил на север достаточно далеко, чтобы столкнуться с тремя зомби. Мне этого, знаешь, надолго хватило. И если ты мне докажешь, что от всей этой хрени, включая радиацию, можно получать радость, я подарю тебе эту снайперку.

– Годится, – ответил он, ничуть не смутившись. – Ты хочешь пробраться ко входу в лабораторию незамеченным?

– Фиг-с-два это выйдет, – помотал я головой. – Они так посты расставили, что мышь не проскочит. Драки не миновать.

– Вот и славно, – еще шире улыбнулся Артем. – Ненавижу бандитов. Со времен бурной молодости.

– Ты с ними встречался до Зоны? – удивился я.

– В Афганистане бандитов больше пятидесяти процентов от всего населения, – спокойно ответил он. – Пойдем, позабавимся.

Наладонники в Зоне есть почти у всех. Удобная штука, чего уж тут говорить. В нем тебе и хранилище данных, и возможность вести записи, и спутниковый навигатор с картами Зоны, и возможность связаться напрямую с торговцем, если удалось добыть нечто действительно стоящее. Но есть в нем и еще одна функция, не совсем явная, но все про нее знают и все ею пользуются. Глянув в список доступных блютус-устройств, можно без труда приблизительно узнать, сколько людей находится в радиусе пятидесяти метров от тебя. Потому что блютус редко кто выключает. А бандитам и вовсе невыгодно скрывать свое число – чем их больше, тем меньше шансов, что кто-то сунется. Поэтому бандюки на базе блютусы не выключали. А я заказал у местных программистов простенькую утилиту, которая сразу выкидывала мне на экран количество обнаруженных устройств и их имена, по которым можно было прикинуть, кто есть кто. По мере приближения к базе число обнаруженных устройств выросло сначала с одного до трех, потом сразу с трех до семи.

– Знать бы еще, где они конкретно сидят, – сощурился Артем, глядя на экран моего наладонника.

– Это никак, – разочаровал я его.

Я прекрасно понимал, что и мой компьютер так же виден в списке устройств на мониторах бандитов. Но выключать КПК было бессмысленно. Обнаружат нас все равно, а так хоть будем знать, сколько вокруг уродов и сколько еще надо держаться. К тому же лично я сомневался, что бандюки так же пристально, как я, смотрят на экраны своих КПК.

Судя по координатам, которые выдал мне бармен, вход в лабораторию находился за стройкой. Туда вели три пути – один справа, в обход заправки, другой слева, в обход стройки, а третий, самый короткий, напрямую, по асфальтовой дороге между заправкой и стройкой. Слева раскинулись радиоактивные болота, я определил, что они подбираются вплотную к бетонной ограде стройки, еще когда мы брели через них. Справа местность была сухой, но там вздымались метра на три-четыре кучи шлака и строительного мусора. И если нас накроют огнем, когда мы будем через них карабкаться, ничего хорошего из этого точно не получится, потому что возможность маневрирования будет сведена к нулю, а укрыться там решительно не за чем. Поэтому, несмотря на то что путь к лаборатории напрямую казался самым опасным, ведь мы окажемся между двух огней, подставившись и со стороны стройки, и со стороны заправки, но выбрать, похоже, следовало именно его. Артем согласился.

– Вообще я стараюсь живых врагов за спиной не оставлять, – добавил он. – А то появятся, когда меньше всего их ждешь.

Я отвечать не стал. Его настроение меня беспокоило. По мне бы, чем меньше драки, тем лучше, ведь задача у нас не наколотить побольше бандитов, а достать из лаборатории документы и противорадиационный костюм ученых.

Но как бы там ни было, мы продолжали продвигаться вперед и вскоре оказались точно между заправкой и стройкой. Ветер гнал пыль по асфальту, небо начало затягивать тонкой пеленой быстро сереющих облаков. Удивительно, но на нас никто не обратил никакого внимания. Мы проскользнули мимо вздымавшегося ввысь башенного крана, мимо бетонных плит, готовых к укладке, да так и не дождавшихся своей очереди, и в конце концов оказались возле чуть приоткрытых ворот. За ними ничего не было видно, программка на КПК показывала наличие девяти человек в пятидесятиметровом радиусе.

– Пойдем дальше, – предложил я тоном, не терпящим возражений.

– Ну, раз так все складывается... – с некоторым разочарованием согласился Артем.

И в этот момент раздался грохот ружейного выстрела со двора, а по воротам с обратной от нас стороны ударила картечь. Пробить не пробила, но в месте попадания осталось восемь внушительных вмятин.

– Вали их, пацаны! – раздался выкрик из-за ворот.

И тут же по нам ударило несколько пушечных пуль.

Я присел на одно колено и увидел троих бандитов, огибающих строительный вагончик. Драпать в сторону лаборатории было поздно, поэтому я вскинул автомат и встретил их тремя короткими очередями. Один бандюк рухнул в лебеду, двое других рассыпались в стороны и попрятались за бетонными плитами. Однако не меньшую, чем они, опасность представлял бандит с ружьем, выстреливший в нас первым. Он находился слева, ближе всех остальных, а ружье на коротких дистанциях представляло опасность даже для облаченного в сталкерскую куртку.

Через щель между стеной и воротами я увидел метнувшуюся к кустам тень и выкрикнул:

– Возьми на себя того, что с ружьем! И прикрывай меня очередями!

Сам же я закинул автомат за спину и отстегнул от рюкзака снайперку. Поняв мой замысел, Артем проскользнул за ворота и, прикрывшись огнем, занял удобную позицию в дверном проеме гаражного бокса. Но прятаться без толку он там не стал, а, улучив момент, высунулся и выпустил две короткие очереди вдоль ограждения. Завизжали рикошеты, но слева я услышал короткий вскрик, звук упавшего тела и невнятный хрип.

– Этот готов! – отрапортовал мне напарник.

Я же к тому времени уже ничего вокруг не видел, поскольку прильнул глазом к окуляру оптического прицела. В него хорошо вписалась макушка одного из бандитов, спрятавшегося за выложенными стопкой бетонными плитами. Я дал короткую очередь из трех выстрелов. Макушка пропала, но я заметил, что ни одна пуля в нее не попала – все они выбили рикошеты из стены за спиной бандита. Стало понятно, что на такой дистанции целиться надо чуть ниже. Я чуть перевел прицел влево и увидел ноги другого бандита, спрятавшегося за строительной бытовкой. Тут я уже не мог промахнуться. Коротко выжав спуск, я пробил противнику ногу, а когда он свалился, добил его короткой очередью. Первый бандит залег за плитами и принялся колотить в меня из “Гадюки”. Пули ударили по воротам, выбивая искры и проделывая аккуратные дыры. В таких случаях важно не терять самообладания. Несколько секунд решают все. Несмотря на обстрел, я аккуратно поймал бандита в прицел с учетом дальности и выжал спуск. Враг дернулся и затих, уронив трещотку в траву.

Я опустил винтовку и осмотрелся. И в этот момент по мне открыли огонь сзади, со стороны автозаправочной станции. Это было плохо, потому что для них я представлял удобную, ничем не защищенную мишень. В подтверждение этих слов одна из пуль шарахнула меня в спину через непробиваемый кевлар куртки. Этот пинок придал мне нужное направление – следом за напарником я устремился за ворота, во двор. Но, к моему удивлению, Артема в гаражном боксе, где я ожидал его увидеть, не оказалось. Видимо, он дернул куда-то, пока мой обзор был

ограничен прицелом снайперки. Пришлось прошмыгнуть в бокс, под защиту бетонных стен, и осмотреться. Передо мной раскинулось пространство двора, слева ограниченное забором и воротами, а впереди самым недостроенным зданием. Справа, рядом со стопками бетонных плит, притулилась бытовка на колесах. Вход в главное здание был широким, предназначенным, скорее всего, для въезда грузовиков. Приглядевшись, я заметил в полутьме внутреннего пространства старый бортовой “ЗИЛ”.

Через несколько секунд в проеме показались два силуэта, а затем вспышки пламени из автоматных стволов. По стенам бокса звонко защелкали пули. Но уже через миг так бодро показавшимся бандитам пришлось прятаться за углами – из-за бытовки по ним открыл огонь Артем.

– Надо отходить! – выкрикнул я. – Будем пробиваться к лаборатории!

Напарник не мог меня не услышать, но я понимал, что немедленно исполнить это он не в силах, иначе подставился бы под огонь из входа в главное здание. А огонь велся плотный, из двух “Гадюк” одновременно. Мешкать тоже было нельзя, поскольку к двоим бандитам мог присоединиться третий, а то и еще несколько, что значительно бы прибавило нам хлопот.

В подтверждение моих слов со второго этажа тоже раздались очереди. Но оттуда били не очень прицельно, не видя меня в глубине бокса.

Присев на одно колено, я вскинул винтовку, прильнул к прицелу и поймал в сетку одного из автоматчиков. Уже приноровившись к бою новой винтовки, я попал точно в грудь бандиту, его отшвырнуло назад, но он тут же вскочил и метнулся за стоящий в глубине грузовик. Похоже, облачен он был в нечто более прочное, чем обычная куртка со вшитыми броневыми пластинами – их немецкая снайперка со столь короткой дистанции прошивала без особого труда. Пришлось перевести огонь на другого. С ним я разделался тремя выстрелами. Но первый из-за грузовика давал нам жару.

– Придется лезть внутрь! – выкрикнул Артем. – Иначе этого красавца оттуда не выкурить!

– За каким рожном? – зло спросил я.

– Они не дадут нам добежать до ворот! Давай в обход с двух сторон.

Напарник был прав на все сто. Лучше прибить бандита из двух стволов с короткой дистанции, чем получить от него очередь в спину.

– Ты слева, я справа! – скомандовал Артем. – Вперед!

Мы одновременно рванули с места, рассыпавшись по обеим сторонам от проема, чтобы выйти из зоны поражения бандитских пуль. На бегу я закинул снайперку на плечо, а вместо нее в руки взял автомат – патроны к нему дешевле, да и поймать клина он мог с куда меньшей вероятностью, а на дистанции в двадцать метров, с которой я собирался стрелять, его точности и убойности хватит за глаза и за уши.

Едва добравшись до стены, я тут же рванул к проему и дал первую очередь наугад в сторону грузовика. При этом ответили мне не только оттуда, но и с металлической лестницы справа. Поскольку за грузовиком видно ничего не было, пришлось срезать противника на лестнице, что удалось без труда – тот был вооружен обрезом, а с тридцати метров это не представляло большой угрозы.

Я так увлекся этой короткой стычкой, что на несколько секунд потерял из вида Артема. Когда же начал искать его взглядом, оказалось, что он словно сквозь землю провалился. Поняв, что случилось нечто неладное, я прикрылся стеной и задумался. По большому счету у меня было два варианта. Первый состоял в том, чтобы рвануть к воротам, затем пробиться ко входу в лабораторию, взять документы и костюм, заглянуть к бармену, получить награду, а потом продолжить жить, как жил. Или вовсе рвануть домой, чтобы не рисковать попусту. Хотя соблазн завладеть костюмом ученых был очень велик. С ним по Зоне такого можно насобирать, что благосостояние улучшится просто стремительно. Второй вариант был безумно рискованным. Найти Артема, вытащить его с этой треклятой стройки, а затем сделать все остальное.

Преимущество у второго варианта имелось только одно: с научником можно будет продолжить экспедицию за осколком Монолита. И это важно. Потому что экспедиция для

меня прежде всего была делом на миллион. Глупо говорить, что шанс получить миллион выпадает раз в жизни. Иначе не было бы миллиардеров. Но мне почему-то казалось, что первый шанс обязательно необходимо реализовать, иначе других не будет. Да мне и одного бы хватило.

За первый вариант говорило все остальное. Но я решил идти ва-банк. Надо же, в конце концов, когда-нибудь кардинально менять свою жизнь! А то потом обернешься, но будет поздно. Правда, когда в голову попадет пуля, обернуться уже не успеешь, да оно, может, и к лучшему. Была у меня философия своего собственного личного бессмертия, основанная на том, что человек не может осознать, что уже умер. По крайней мере, на уровне тела. Как там все это расценит душа, если она есть, – дело другое. Но тело осознать свою смерть не может точно, это уж как выпить дать. Вот я себя этим и успокаивал.

Хотя успокаивай не успокаивай, но я склонен принимать взвешенные решения. Тут, конечно, было не до глубоких размышлений, но все же я прикинул свои шансы и счел их удовлетворительными. Можно рискнуть. Ну, я и рискнул.

Прикрывшись длинной очередью из автомата, я метнулся вдоль стены туда, где в последний раз видел Артема, проскочил мимо проема и снова прижался спиной к стене.

– Вали его! – раздалось со стороны ворот.

Я увидел, как во двор ворвались трое бандитов, но, увидев меня, рваться вперед не стали, а попрятались за металлическими створками и принялись поливать меня свинцом. Вокруг по бетону защелкали пули, а две на полной скорости влипли в бронежилет, отшвырнув меня на два шага назад. Чтобы сократить площадь поражения, я присел на корточки и ответил серией коротких очередей. Тоже, надо признать, без особого результата. Разнервничался. В Зоне все так защищены самой разной броней, что в грудь стрелять толку мало. Надо бить в голову, выше бронежилета, но для достижения столь высокой точности приходится иметь немалое самообладание. К тому же бандиты, ввиду численного превосходства, имели куда большую, чем моя, плотность огня. Отстреливаться в таких условиях показалось мне не самым умным занятием, поэтому я, не преставая бить короткими очередями в сторону противника, скосил взгляд в поисках укрытия. Но ничего лучшего, чем вход в какой-то подвал, найти не удалось. Однако годилось и это. Он представлял собой неглубокую прямоугольную бетонную яму, из которой, правда, только на карачках, можно было переползти через низкий лаз в подвал здания.

Прежде чем прыгать, было бы недурно кинуть туда гранату, но мне вовремя пришла в голову мысль, что этим же путем мог воспользоваться Артем. И кто знает, как далеко он сейчас от этого места? Вдруг рядом стоит, меня дожидается? Хотя мог бы и позвать, зараза такая.

Не мешкая, я соскочил в яму и пролез в лаз. Внутри было сумрачно, а судя по отсутствию какой-либо возни, пусто. Так что я решился включить фонарь. Кругом валялись деревянные ящики, газовые баллоны, металлические бочки. Бандитов действительно не было. Это давало возможность не только передохнуть от непрерывного огня из нескольких стволов, но и продвинуться в глубь здания. Правда, слишком много времени на отдых мне отпущено не было – бандиты, потеряв меня из виду, не станут стоять, разинув рты, а попытаются меня достать. Хорошо, если не гранатой. Поэтому я предпочел сразу углубиться подальше, а потом уже взвешивать, куда прорываться и что меня может там ожидать.

Я пересек подвал по диагонали, протиснулся в неширокий проем в кирпичной стене и увидел бетонную лестницу, ведущую на этаж выше. Перил у лестницы не было. Постепенно у меня в голове начал проявляться гипотетический ход событий, которые могли произойти с Артемом. Скорее всего, чтобы прикрыться от огня, он тоже спрыгнул в бетонную яму входа в подвал. Но не так удачно, как я. Возможно, он сразу нарвался на бандитов, причем те точно имели значительное численное превосходство. Я-то видел, как он на Арене придушил Кирпича голыми руками. Но тут, похоже, было не до драки. Стволов пять, наверное, оказалось со стороны противника. Может, больше. В этом случае бандюки могли Артема заломать, обезоружить и оттащить к главарю. Главarem же у них был Боров, это почти всем в

Зоне известно. Отморозок редкостный. Поэтому его действия в отношении Артема предсказать было сложно. Мог убить сразу, мог придержать ради выкупа, особенно если воткнулся, что Артем из научников.

Дело хреново, с какой стороны на него ни смотреть, поэтому единственным выходом было связаться в драку самому, вернуть напарника в боеспособное состояние, а потом уже вместе выбирать. Я вздохнул и направился в сторону лестницы. На экране КПК виднелись десять объектов в зоне обнаружения. Десять бандитов – многовато, но если учесть все факторы, то и у меня шансов было не так уж мало. Во-первых, они не смогут одновременно напасть на меня в узком бетонном коридоре. Сами себе будут мешать. А значит, мне при каждом огневом контакте придется сталкиваться с двумя, максимум с тремя противниками. Во-вторых, далеко не все бандиты были так же хорошо вооружены и экипированы, как мы с Артемом. И куртки их куда слабее броника, что на мне, и ружья не идут ни в какое сравнение с немецкой снайперкой или скорострельным “калашом”.

Несмотря на остатки бодуна, я вспомнил о недавно добытых в честном бою “Маминых бусах”, достал их из рюкзака и повесил на пояс. Источаемое этим артефактом защитное поле ощутимо замедляло и отклоняло пули, делая меня еще менее уязвимым. Особенно голову, не прикрытую броней.

Уверенность в своих силах – вещь отменная. Отчасти она заменяет собой даже броню. Когда я взбежал по первому пролету лестницы и нос к носу столкнулся с бандитом, у меня не возникло и тени страха – я просто нажал спуск и смел противника очередью. Забрав у него два полных магазина к автомату, я рванул дальше, уже мало о чем думая. Я не знал схемы расположения помещений в здании, не знал точного числа бандитов в нем, но у меня была цель – добраться до Артема и вызволить его. Мне этого хватало.

В длинном коридоре второго этажа меня встретили плотным огнем из двух стволов: “Гадюки” и обрез двустволки. Пришлось чуть задержаться, чтобы уложить бандитов одного за другим.

Так я пробирался этаж за этажом, стараясь не зевать, стараясь бить в голову. Уши оглохли от стрельбы, но они и не особо были нужны в этой схватке – тут все решал зоркий глаз, скорость реакции, скорострельность и мощность оружия, а также пулезащищенность брони. За пять минут я поймал в броник не менее пяти пуль и картечин, но он, усиленный “Мамиными бусами”, держался стойко.

Около десяти минут у меня ушло на зачистку трех этажей. Когда за спиной по коридорам осталось двенадцать трупов, я ворвался в небольшое помещение и тут же попал под шквальный огонь со всех сторон. Пришлось спешно делать ноги. Я рванул обратно, спиной вперед, по коридору, прикрывшись серией коротких очередей, спрятался за углом, перезарядил автомат и стал думать, что делать дальше.

Судя по количеству обороняющихся, я сунулся в логово самого Борова. С одной стороны, это было неплохо: Артем мог как раз тут и находиться. С другой стороны, положение сложилось щекотливое – прорваться напролом не стоило и думать, а сами бандиты ринуться в погоню за мной не спешили. Можно швырнуть гранату, но по опыту я знал, что это малоэффективно в таких ситуациях. Пока будет гореть замедлитель, а это секунды четыре, пацаны разбегутся и попрячутся за углами. Потом снова сгруппируются, и толку ноль.

После моего успешного отступления нас разделяло около тридцати метров кирпичного коридора. В одном конце – я, в другом они. Чем-то это мне напомнило классический вестерн, когда противники встречаются на длинной улице городка, положив руки на рукояти “кольтов”.

Время от времени, чтобы не дать мне расслабиться, бандиты отбивали две-три короткие очереди без прицела. Так что надолго высунуться из-за угла у меня не было возможности. К тому же стоило иметь в виду и то, что в округе бандиты есть еще как минимум на заправочной станции. Они могут зайти мне с тыла и как следует дать прикурить. Так что, с учетом заложенных от пальбы ушей, головой приходилось крутить на триста шестьдесят градусов, как летчику во время воздушного боя.

И я понял, что застрял. Что не могу идти ни вперед, на пять-шесть автоматных стволов, ни назад. Потому что позади не было Артема. Потому что за мной были только прожитые годы и никакой перспективы. Потому что Зона уже не та, и цены на артефакты не те, и интерес ко всему этому у мировой общественности многократно ослабел.

– Вот влип! – произнес я вслух.

Но мозги, несмотря на зарождающееся отчаяние, продолжали работать, и через десяток секунд меня осенило, что вперед можно пробраться при помощи с таким трудом добытой снайперки. Вообще-то использовать столь дальнобойное оружие в помещении – довольно глупо. Потому мало кому пришлось бы в голову. Но на самом деле смысл в этом был. Хотя бы тот, что на такой дистанции можно бить прямо в лоб, без промаха, точно в цель. И тогда – один выстрел, один труп. Без всяческих компромиссов. Надо только шевелиться проворнее, и все будет о'кей.

Закинув автомат за плечо, я поудобнее перехватил буржуйскую винтовку и сразу, еще перед тем как выскочить из-за угла, прильнул глазом к прицелу. Весь мир тут же сжался до круга, затянутого в разноцветную паутину прицельной сетки.

Сделав шаг влево, я оказался в коридоре. Бандиты тут же отреагировали – один тоже выскочил из-за угла, но нарвался лбом на мою пулю раньше, чем успел выжать спуск. Я же не стал зевать, а снова спрятался под прикрытие кирпичной стены.

“Минус один”, – довольно поставил я в уме галочку.

Но не успел я это подумать, как рядом в стену с визгом влетели несколько пуль. Стреляли из-за спины, это индюку понятно, поэтому пришлось развернуться. Но противника я не заметил ни в одном из дверных проемов. Он мог выскочить в следующий миг откуда угодно, а я понятия не имел откуда. В таких случаях надо спешно искать укрытие, но сейчас эта радость мне не светила, поскольку в коридор я сунуться не мог, а других укрытий не было и в помине.

Правда, противник, пальнув один раз, мог смотаться куда подальше, а я из-за него потрачу драгоценное время. Такое тоже бывало. В общем, с каждой минутой ситуация накалялась все больше. И мне это начинало всерьез действовать на нервы.

Наконец я решился забить на тыл и снова заняться охранниками Борова.

Выскочив из-за стены, я постоял, переводя прицел винтовки от одного угла коридора до другого, пока один из бандитов не высунулся. Я тут же всадил пулю ему в верхнюю челюсть. Он упал, нажал на спуск и уже лежа высадил в пол и по стенам весь магазин. И тут снова приложили сзади. Я резко обернулся, заметив, в какой проем шмыгнул противник, но этого мгновения хватило одному из охранников, чтобы попасть в меня из “Гадюки”. Меня развернуло и швырнуло на перила лестницы. Согнувшись от боли, я рухнул на пол и перекатился в укрытие. Броник выдержал скорее благодаря “Маминым бусам”, чем собственному кевлару, но синяков на спине точно не миновать. Да и броня от таких попаданий лучше не становится.

Вставать не хотелось. Соваться в коридор тем более, пока за спиной такой резвый противник. Но если долго тянуть резину, охранники Борова сунутся сами, и тогда я могу потерять всякое преимущество. А вместе с ним и жизнь. Или попаду в лапы бандитов, как Артем, и тогда оба сгнием в какой-нибудь вонючей яме, как это бывало с другими сталкерами.

Поэтому все силы следовало бросить на того, кто за спиной. Если он станет гвоздить меня каждый раз, когда я буду отстреливать охранников, меня надолго не хватит.

Пришлось залечь и взять дверной проем на прицел, рискуя как следует получить из коридора. Но другого выхода не было. Причем самое обидное заключалось в том, что от меня совершенно не зависело, когда этот гад высунется, чтобы всадить ему пулю промеж глаз. Хуже всего, если он мог каким-то образом меня видеть и выскакивал только тогда, когда я совался в коридор. Если это так, то мне ждать его придется до второго пришествия или до тех времен, пока слепые псы не обростут шерстью. А за это время охранники Борова меня точно разделают под орех.

Хоть беги, честное слово. Но бежать тоже некуда.

Прождав с минуту, я понял, что, если не сунусь в коридор, навалятся проблемы. Потому что этот гад наверняка меня видел. Наверняка, псевдособака его задержит. А я его нет. И он не высунется, пока я не повернусь к нему спиной.

Вот тут-то у меня и созрел в голове план, как можно убить двух зайцев. Не одним выстрелом, но по крайней мере с хорошим шансом самому остаться в живых. Достав гранату, я развернул усики, вырвал кольцо и швырнул ее в коридор, подальше от себя. Это на тот случай, если молодчики из охраны Борова уже на пути ко мне. Бахнуло сильно. Зацепило кого или нет, мне было без разницы, потому что план заключался в другом. Я вскочил на ноги и занял боевую позицию у входа в коридор, чтобы этим маневром выманить засевшего за спиной бандита. Надо сказать, что бросок гранаты я произвел очень вовремя – в коридоре лежал жмурик и вылетевшая из его рук “Гадюка”.

В такие моменты жалеешь, что нет глаз на затылке. Видеть бы, когда бандит высунется из дверного проема, было бы проще. Но я не видел, а потому оставалось только ждать. Две секунды, три...

И тут до меня дошло. Бандит не видел меня! Не мог видеть! У него же не рентген вместо глаз, чтобы зреть через кирпичные стены! Он выскакивал тогда, когда слышал мой выстрел! Сообразив это, я развернулся и пальнул вверх. Пуля ушла в небо между недостроенными перекрытиями, а я, вскинув винтовку и не отводя глаз от прицела, отшагнул влево, за угол, чтобы не попасть под огонь из коридора. И почти сразу в подмеченном мною проеме показался силуэт с автоматом. Я тут же поймал в прицел голову стрелка и выжал спуск. Тело незамедлительно рухнуло, чего еще ожидать от снайперки на такой дистанции при выстреле в голову?

Попадание точно в цель меня воодушевило настолько, что, несмотря на боль в спине, я тут же выскочил из-за угла и снова взял на прицел коридор. Оттуда никто не подавал признаков жизни. После прикидки, сколько бандитов я уже завалил, у меня возникло подозрение, что там могло никого и не остаться. Однако без твердой уверенности в этом не было большого желания соваться на середину коридора, где я буду, как резиновая уточка в тире. У меня оставалось еще пять гранат, так что я решил одной пожертвовать и метнул ее как можно дальше. Она отскочила от пола и скрылась за пределами коридора. Рвануло. И тут же рванул вперед я. Суть этого маневра заключалась в том, что, если кто там остался, от вида гранаты они шарахнутся в стороны и не смогут за короткий промежуток времени снова занять позиции. На бегу я перевел снайперку на автоматический огонь. Жаль было тратить дорогие патроны, но не было времени снимать с плеча автомат.

Проскочив коридор, я снова оказался в небольшом помещении, где меня недавно чуть не накрыли. В этот раз меня встретили шесть трупов. Но расслабляться было рано, поскольку из комнаты слева раздавалась длинная автоматная очередь. Хорошо, что мимо, с такой дистанции пулю из “калаша” броник бы точно не выдержал. Я развернулся и ответил из винтовки, держа ее у бедра. По комнате метнулась тень, я вскинул оружие к плечу, поймал бандита в прицел и выстрелил ему в затылок. Он мешком рухнул на пол. Я рванулся вперед и через десяток шагов оказался возле трупа. Вокруг больше никого не было, поэтому я бегло обыскал покойничка и, кроме трех полных магазинов к автомату и двух гранат, нашел КПК. Он принадлежал Борову, в этом не было ни малейшего сомнения. А это означало, что я умудрился завалить главаря, которого боялись все окрестные сталкеры. Затем я слил по блютусу координаты тайников, в которых бандит хранил награбленное, разбил машинку о стену и учинил в комнате подробный обыск. Нашлись две пачки патронов к снайперке, три гранаты к подствольнику, пара армейских аптечек и банка тушенки. Я прибрал все это в рюкзак, после чего отправился дальше.

Вскоре я оказался в северном крыле здания. Моим перемещениям никто не мешал, поэтому я довольно бодро спустился по широкой бетонной лестнице и оказался у выхода во двор. Там тоже никого не было. Только откуда-то из подвала раздавались гневные вопли. Я прислушался и, к немалой радости, различил голос Артема.

– Уроды! – кричал он. – Хотите, чтобы военные вертолеты тут все перепахали? Я сотрудник научной миссии...

Ну и дальше в том же духе. Странно было слышать от него подобное, честное слово. Хороший ведь боец, а разоряется, как базарная баба. Я направился на звук и нашел небольшое окошко, откуда и раздавался голос.

– Эй! – крикнул я. – Хорош орать.

– Лемур? Наконец-то. А то я уже горло сорвал, все ждал, когда же отреагируешь.

– Мог бы орать что-нибудь поумнее и не настолько унижительное для себя.

– А я в этом плане без комплексов, – весело ответил Артем. – Забирайся сюда, а то эти уроды посадили меня в клетку.

В крошечное подвальное окошко влезть было невозможно, поэтому я поискал, где можно забраться на первый этаж, а оттуда спуститься в подвал. Удалось мне это без труда – к одному из выбитых окон кто-то приставил секцию поваленного забора так, что по ней можно было забраться. Что я и сделал. Вход в подвал нашелся быстро, я сбегал по короткой лестнице и оказался среди толстых водопроводных труб, вентилей, насосов и прочего неработающего хлама. В углу действительно была сооружена самая настоящая клетка с прутьями из дюймовых труб.

– Тут кнопка есть на стене, – сказал Артем, увидев меня. – Открой эту гадскую решетку.

– Оставить бы тебя тут... – пробурчал я. – Чтобы не надо было больше никогда спасать, рискуя собственной шкурой. Знал бы ты...

– Открывай, открывай! – поторопил меня напарник. – Много бандитов наколотил?

– Нормально. Сам еле выжил.

На стене мигала красным светом квадратная кнопка на массивном металлическом пульте. Я ее нажал, клацнул магнитный замок, и решетка открылась. Артем выскочил и как ни в чем не бывало сообщил:

– Снаряжение, гады, забрали. Надо вернуть. Зря я, что ли, за него на Арене скакал, как дрессированная обезьяна?

– Хрен ты его теперь найдешь! – Я безнадежно махнул рукой.

– Искать его не надо. Тут на первом этаже у бандюков нечто вроде склада. Они меня там и обчистили.

– И что ты предлагаешь? Склад-то небось охраняют.

– Там всего четверо. Дай автомат, я долго возиться не буду.

– Ты бы лучше не попадал в клетку! – зло ответил я.

Но, подумав, автомат ему дал. Правда, свинством было бы отпустить его одного, без броника. Так что я перезарядил винтовку и решил от него не отставать. Мы выскочили из подвала наверх по короткой бетонной лестнице и оказались в коридоре первого этажа.

– Направо! – Артем ткнул стволом в нужном направлении. – Со спины меня прикрой. Там я сам справлюсь.

– Остынь! Ты мне живым нужен! – возразил я.

Но напарник в полемику вдаваться не стал, а рванул по коридору и скрылся в дверном проеме. Тут же воздух содрогнулся от автоматных очередей. Из-за угла, с противоположного конца коридора, выскочил бандит, но я его пригвоздил к стене из снайперки с короткой дистанции. Стало тихо. Секунд через десять из проема показался Артем с двумя автоматами и рюкзаком за плечами.

– Глянь, нам ничего там не нужно? – спросил он, мотнув подбородком в сторону бандитского склада.

– Пойдем, – отмахнулся я. – Все равно укладывать некуда. И так спина трещит от тяжести.

– Может, и верно, – согласился напарник. – От добра добра не ищут.

Мы хотели выбраться тем же путем, каким сюда попал я, но стоило высунуться во двор, как стало жарко. От заправки по нам открыли довольно прицельный огонь, так что пришлось отходить в сторону, противоположную той, куда нам было надо. Не знаю, чем бы для нас закончился такой теплый прием, но я вовремя прикинул, что можно покинуть стройку не по

дороге, а через длинный тоннель транспортера, ведущий в сторону болот от одного из недостроенных зданий. Это был неплохой маневр: под прикрытием стен мы бы удалились от заправки, а там бы уже сориентировались. По направлению моего взгляда Артем без слов понял мою задумку. Умел он быстро схватывать, заметил я у него такое достоинство.

Отстреливаясь скорее для проформы, чем в попытке кого-нибудь зацепить с двухсот метров, мы пересекли двор и скрылись в бетонном строении, из которого вел тоннель транспортера. Там никого, к счастью, не оказалось, и мы совершенно беспрепятственно начали продвигаться вперед. Стены тоннеля были из досок, обшитых снаружи металлом, через каждые пять метров зияли широкие окна без стекол. В этих местах приходилось пригибаться, чтобы не попасть под прицел снайпера. Но бандиты тоже оказались не идиотами – быстро сообразили, куда мы могли деться, и начали мочалить по стенам из всех стволов. Но, поскольку мы не высывались, они понятия не имели, где именно мы находимся, поэтому пули прошивали стены далеко от нас. И все равно это было до крайности неприятно.

Преодолев половину тоннеля, я чуть высунулся из окна и оглядел окрестности через прицел винтовки. Пятеро бандитов, расположившись под прикрытием бетонных плит между заправкой и стройкой, плевались в нашу сторону свинцом. При этом, с моей точки зрения, они представляли собой легкие мишени. Дистанция в двести метров для снайперки не запредельная. Чем я и воспользовался.

Переведя винтовку на одиночный огонь, я аккуратно выцеливал бандита, лупил ему в голову и тут же прятался, чтобы не дать им возможность скорректировать огонь. Потом высывался из другого окна и повторял этот трюк раз за разом, пока окончательно не зачистил территорию перед заправкой. Над местностью воцарилась тишина. Глянув на экран КПК, я не обнаружил ни одного активного объекта.

– Ни фига себе мы тут устроили, – произнес я. – Кому расскажи, фиг поверят, что вдвоем можно было вынести логово Борова. Уж сколько на него зуб точили...

– Это остатки моего везения, – усмехнулся Артем.

– Да уж, – скривился я. – Офигенное везение – к бандитам в клетку попасть.

– Зато благодаря этому никого из врагов за спиной не останется. А то я бы себя неудобно чувствовал.

– Еще скажи, что ты специально сдался, – съязвил я.

– А как мне было заставить тебя пройти по этажам?

– Но зачем?

– А сам не понимаешь, что теперь будет легче работать?

В чем-то он был прав. Спокойствие – дело хорошее. Но ведь не ценой таких усилий! Много людей я встречал на своем пути, но такого странного, как этот геолог, определенно среди них не было. Не был бы он ученым, я бы точно подумал – чокнутый. Но чокнутых в ученые не берут, это тоже факт. Хотя, на мой взгляд, все ученые чуточку трехнутые, но все же в другую сторону, чем этот. Как бы там ни было, расчистили мы территорию действительно хорошо, но мы ведь не ради этого сюда прибыли!

– Все, хватит прохлаждаться, – сказал я, пристегивая винтовку к рюкзаку. – Надо двигать в лабораторию.

Мы выбрались из тоннеля и осторожно направились в сторону заправки. В одной руке я держал автомат, в другой – КПК, чтобы вовремя засечь, если кто появится в зоне обнаружения. Но до угла бетонной стены вокруг стройки мы добрались беспрепятственно. И тут же на экране возникли две строки активных устройств.

– Двое! – предупредил я, показав напарнику экран.

– Скорее всего, на заправке, – кивнул он.

– Тогда лучше не высываться.

– А как тогда? Все равно нам придется прошмыгнуть между заправкой и стройкой, чтобы попасть к воротам насосной станции, где по координатам должен быть вход в лабораторию.

– А что предлагаешь ты? – спросил я.

Но на самом деле можно было и не спрашивать. У Артема мысли в этом плане все в одну сторону.

– Надо этих двоих пришить, – уверенно заявил он. – Мы уже столько пришили. Что нам двое? Да еще на двоих.

С ним трудно спорить. Его аргументы были дурацкими, предложения опасными, но крыть было нечем. Ну действительно, что нам двое, если мы уже с двумя десятками справились, а то и больше. Мы... На самом деле – я, пока эта зараза в клетке отсиживалась. Кто бы мне сказал неделю назад, что я в одиночку вынесу к псевдособакам базу Борова, я бы пальцем повертел у виска. Вот что с человеком делает стимул! Пообещай ему миллион, он и не на такое будет способен! Не то чтобы я был рад до щенячьего визга, но определенную уверенность в своих силах эта мысль вызвала.

– Черт с тобой, – сказал я. – Как намереваешься это сделать?

– Они наверняка в здании. Зачистим его, да и все.

Я глянул влево и мысленно с ним согласился. Наверняка уцелевшие бандиты отступили в здание, расположенное слева, за топливными колонками.

– Ладно, давай, – кивнул я.

Мы пересекли дорогу и проскочили в широкий проем в бетонном заборе, за которым располагались ржавые топливные колонки. Отпора нам никто не дал. Более того, если не считать гипотетически засевшего в здании противника, то место оказалось вполне безопасным. Со стороны насосной станции, из-за стройки, нас видно не было, и для огня оттуда, если там остались бандиты, мы тоже были недоступны. Тут же все отлично просматривалось, и враг не мог бы атаковать нас неожиданно.

Приободрившись, я рванул быстрее, и через десяток секунд мы с Артемом прижались к стене здания, которое намеревались взять штурмом. Кому-то из нас надо было переть туда первому. И вот тут я понял, что жизнь Артема мне дорога больше собственной. Потому что, если его убьют, я так и останусь тут куковать, накапливая свой капитал по копейке. А если убьют меня, то горевать уже будет не о чем. Поэтому я, не дав никакой команды, первым ринулся в дверной проем и взбежал по лестнице. И почти сразу наткнулся на труп. Не думаю, что бывают приятные трупы, но этот был особенно неприятным, словно пустая кожа, из которой высосали сердцевину.

– Осторожно! – успел выкрикнуть я.

Но откуда Артем мог знать, какая опасность ему угрожает. И тут же справа из коридора послышался негромкий утробный рев. Видно никого не было, лишь воздух чуть заметно искажился метрах в десяти от меня. Не медля ни секунды, я пустил в это марево длинную автоматную очередь. И как назло у меня кончился магазин. Пока я его менял, трепещущее марево в форме человеческого силуэта приблизилось вдвое и начало материализоваться. Тут его и Артем заметил. И челюсть у него чуть ли не до пола отвисла, и все его боевые качества мигом улетучились, потому что он глазам своим не поверил, а любой человек в таком состоянии мало способен на подвиги.

В отличие от него я прекрасно знал, с чем мы столкнулись. Он тоже об этом слышал, не мог не слышать, раз он ученый. Но одно дело слышать и даже верить в услышанное, а совсем другое – увидеть это воочию. Не для слабых нервов это зрелище.

Но через секунду Артем вышел из первоначального шока, вскинул автомат и дал две короткие очереди в то, что к нам приближалось. Напрасно короткие, напрасно... Эту тварь глушить надо непрерывно, пока она не окочурится. Хотя были умельцы, которые дуэтом из двухстволки ее укладывали. Но это очень уж с короткой дистанции.

Между тем тварь материализовалась окончательно, и перед нами предстал матерый кровосос во всей своей красе. Урод редкостный, но все же чем-то на человека похож – голова, две руки, две ноги, туловище. Глаза, опять же. Но вот все, что ниже глаз на морде – в дурном сне не каждый увидит. Вместо рыла у кровососа свисал из-под носа пучок шупалец, а между ними отменная чмокалка, которой он в течение десятка секунд умудрялся высосать из человека все шесть литров крови. Не всякий электрический насос с этим справится.

Но к этому моменту я все же перестегнул магазин, передернул затвор и метров с трех всадил в кровососа длинную очередь. А он, зараза, снова ушел в состояние частичной невидимости. Это состояние вводит ученых в глубокий ступор, потому что никто из них не может объяснить, на каких законах физики оно зиждется. Пропадает прямо на глазах наблюдаемый объект реальности, и хрен ты с этим что-то поделаешь. Остается только молотить из автомата в неопределенное воздушное марево, которое тоже не при всяком освещении видно.

Когда у меня вылетело полмагазина, тварь снова материализовалась. Тут уже и Артем понял, что шутить не стоит – начал молотить в цель как следует. Но кровососы живучие, заразы, на редкость. Этот шарахнулся к стене, снова материализовался и кинулся, почему-то мимо меня, на Артема. Хватанул его за руку, прокусил рукав куртки и хотел присосаться, но я с близкой дистанции вбил тварюге в голову остатки боеприпаса, и он наконец издох. Вот только праздновать победу было рано. Кровососа мало убить, надо еще умудриться выжить после его укуса. В одиночку это до крайности сложно, вдвоем легче, к тому же я точно знал, что надо делать.

Подскочив к напарнику, я бросил автомат под ноги, выхватил из кармана бинт, толчком прижал Артема к стене, заломал ему руку и принялся ее туго перебинтовывать прямо поверх куртки. Туго – не пустые слова, потому что просто бинтовать смысла нет. В слюне кровососа содержится вещество, не только полностью блокирующее свертываемость крови, но и значительно повышающее давление. Поэтому из небольшой ранки хлестало натурально фонтаном. Но я, используя бинт вместо жгута, фонтан этот значительно пригасил, затем достал еще одну упаковку и законопатил рану наглухо.

– Все, можешь расслабиться, – сказал я Артему и отступил на шаг.

Он сполз спиной по стене и уселся на корточки.

– Ни фиги себе... – пробормотал он. – И часто тут такое... бросается?

– В сырых подвалах часто. На заправке сам удивился, когда увидел. Больно?

– Нет. Вообще ничего не чувствую. Так, чешется...

– Минуты через три бинт можно снять. Яд действует совсем не долго. А потом свертываемость крови, наоборот, повышается. Заживет, как на собаке. Но в голове будет шуметь.

– И так шумит.

– Это от повышенного давления, – пояснил я. – Посиди, не дергайся.

Минуты через четыре я снял бинт, достал аптечку и обработал рану. Она представляла собой две маленькие, чуть припухшие дырочки. А умереть от нее можно в два счета.

– Руки трясутся... – Артем выставил ладонь вперед и усмехнулся. – Никогда не тряслись. А тут на тебе...

– Зато здание можно не зачищать, – вздохнул я. – Эта тварюга за нас сделала работу.

– Но благодарить ее почему-то не хочется.

– Да ей уже до лампочки твоя благодарность.

– Как же он пропадает? – Артем посмотрел на лежащее, полностью материализовавшееся тело. – Уму непостижимо.

– Может, гипноз... – предположил я.

– Ни хрена ты про гипноз не знаешь. Гипноз – это установление словесного раппорта напрямую с подсознанием, которое анализировать не умеет, а верит всему на слово и слепо подчиняется. Скажи ему – этого нет. Он и перестанет видеть. Но для этого надо сказать. Тут скорее может иметь место нечто похожее на телепатию или прямую суггестию.

– Ты слова выбирай попроще, – попросил я. – А то уши в трубочку заворачиваются. Пришел в себя?

– Вроде да. А там... В лаборатории...

– Ты о кровососах? – улыбнулся я.

– Ну да. Есть они там?

– Понятия не имею. Но должны быть. Однако могу тебя расстроить. Если верить хотя бы половине того, что рассказывают про лабораторию X-18, то рядом с ее сюрпризами кровососы

покажутся тебе милыми и привлекательными существами. Не очень полезными, правда, но в рамках приличия.

– Неужели есть что-то хуже? – помрачнел Артем.

– Конечно, есть, – ответил я. – Сама Зона.

Делать тут больше было решительно нечего, поэтому мы спустились и заняли позицию у бетонного забора напротив ворот заброшенной насосной станции, где должен находиться вход в лабораторию Х-18. Судя по показанию КПК, бандиты там были, как минимум четверо. Но иногда в зону обнаружения ненадолго входил пятый, поэтому их там могло оказаться намного больше, просто расстояние не позволяло отследить всех.

– Где вход, не знаешь? – спросил Артем.

– В подвале, я думаю. Судя по координатам.

Мы рискнули пересечь дорогу и спрятаться у самых ворот. Теперь мой компьютер показывал уже семь активных устройств. Я сверился с координатами, точнее определив точку, указанную барменом. Вход располагался в главном корпусе насосной станции. Я осторожно выглянул из-за угла и заметил дверной проем, через который нам, скорее всего, следовало проникнуть внутрь. И тут же слева раздался возглас:

– Доставай волыны, пацаны! Кипеш пошел!

Артем достал гранату наступательного действия, выдернул чеку, выждал секунду, чтобы не дать бандитам времени разбежаться, и метнул гранату на голос.

– Граната, пацаны! – раздался из-за угла истерический возглас.

И тут же грохнуло. У меня на экране КПК пропали два из семи обнаруженных объектов. Я вскинул автомат и, не видя цели, дал две короткие очереди по двору станции. Артем стремительно выскочил у меня из-за спины и шарахнул длинной очередью куда-то влево.

– Вот черт! – раздался хрип бандита, а потом шлепок рухнувшего на бетон тела.

Слева, из машинного отделения насосной станции, выскочили еще двое бандитов – один с обрезом двустволки, другой с пистолетом-пулеметом “Гадюка”. У того, что с ружьем, реакция оказалась вполне ничего, он успел выстрелить раньше, чем я прицелился. Заряд картечи пронзил воздух, несколько кусков свинца от ricochetили от стены, а один больно ударил меня в живот через кевлар стalkerской куртки. К счастью, Артем срезал бандита очередью раньше, чем тот послал заряд из второго ствола, а то так недолго картечиной и в голову получить. Второй бандит, сообразив, что пахло жареным, спрятался за угол, без прицела пустив короткую очередь. Я ответил, но мои пули лишь с визгом ricochetили от бетона.

– Не трать патроны! – посоветовал мне Артем и, не дожидаясь моей реакции, за шиворот втащил в дверной проем главного корпуса.

Внутри было темновато, но я не стал зажигать фонарь и не дал это сделать напарнику. Полутьма была не настолько плотной, чтобы не увидеть перед собой противника, а с другой стороны, если кто-то из бандитов бросится в бой с зажженным фонарем, он превратится в великолепную мишень для наших пуль.

Наверх вела бетонная лестница, но если лаборатория была где-то здесь, располагаться она могла только в подвале. Так что мы ринулись дальше, в пространство первого этажа. Тут же полутьму разрезали два луча бандитских фонарей, и мы с Артемом не сговариваясь ударили очередями на свет. Один из фонарей грохнулся на пол, другой вместе со своим владельцем метнулся за угол. Но я заметил там еще отблеск света, а это означало, что бандит не один. Выхватив гранату, я сорвал кольцо и швырнул ее так, чтобы она ударилась в стену и отскочила куда надо, в недоступное для прицела пространство.

– Черт! – воскликнул Артем, бросился на пол, широко открыл рот, выпустил из рук автомат и закрыл уши руками.

Когда до меня дошло, зачем он это сделал, было уже поздно – глушануло меня взрывом так, что мир поплыл перед глазами, как с доброго перепоя. Артем вскочил, что-то мне кричал, но слух отказал мне напрочь, я только тупо смотрел, как он, подобно рыбе, разевает рот. Но он не стал заниматься этой фигней слишком долго, а рванул меня за рукав, обогнал и первым

заскочил за угол. Я за ним. Под ногами валялись два тела, я присел и обыскал их, разжившись двумя магазинами патронов к автомату. Слух постепенно восстанавливался, так что я услышал сначала два ружейных выстрела, затем автоматную очередь. Бросившись вперед, я налетел на Артема и увидел, как из-за ящика вывалился и распростерся на полу бандит.

– Вход! – выкрикнул мне в ухо Артем, ткнув пальцем в металлическую дверь с кодовым замком.

Я достал КПК, вывел на экран цифры ключа, переданные мне барменом, и нажал нужные кнопки. Дверь распахнулась, и мы проскользнули в полутьму. Я тут же закрыл дверь снова, чтобы избавиться от возможной погони.

– Кажется, все. – Артем включил фонарь и широко улыбнулся.

У меня в ушах все еще порядком свистело, но слышал я уже не в пример лучше, чем пару минут назад. Куда-то глубоко вниз вела бетонная лестница с металлическими перилами.

– Бандитов там нет, – прикинул я. – Но особого воодушевления это не вызывает.

– Почему? – напрягся напарник. – Возьмем документы – и аля-улю...

– Помечтай... Про эту лабораторию такие слухи ходят, что волосы на заднице дыбом становятся.

Мы начали спускаться по лестнице. Темнота была полной, без фонаря хоть глаз выколи. Так что я свой тоже включил. Теперь два световых круга выхватывали из мрака сырые облезлые стены с белыми потеками селитры. В одном месте бетон раскрошился до арматуры, словно в него ударили исполинским кулаком.

– Каких только слухов не ходит по Зоне, – отмахнулся Артем. – Даже среди ученых. Вон, профессор Круглов, например, всерьез писал о зомби.

– Я их сам видел, зомбаков этих, говорил же тебе.

– Чушь. Существование ходячих мертвецов противоречит некоторым фундаментальным биологическим законам.

– Ага... Тут многое противоречит законам. И ничего, прекрасно существует. И чем дальше в глубь Зоны, тем меньше встречается человеческих или более или менее объяснимых опасностей, зато начинают преобладать совершенно бредовые. Я тебе серьезно говорю, видал я двух зомби собственными глазами. Но они не мертвые были, а вроде лунатиков. Ходят медленно, бубнят что-то себе под нос, воняют мочой, потому что не моются, обыскивать противно... И живучие до ненормальности. В одного половину магазина из “калаша” выпустил, а он прет и прет, как в дурном сне. И стреляют они не хуже любого нормального человека. Был бы их десяток, а не двое, у меня бы банально не хватило патронов, чтобы отбиться.

– Как лунатики, говоришь... – Он почесал макушку. – Ладно. Может, ты и прав. Слышал про выжигатель мозгов?

– Ну. Байки. Выжигатель – это жупел, которым опытные сталкеры пугают новичков.

– Не совсем. Ученые считают, что кто-то в Зоне проводит испытания психотропного оружия.

– Кто-то это кто? – усмехнулся я.

– На мой взгляд, это может быть секретным проектом украинских военных. Может, даже при поддержке Запада.

– Почему в Зоне?

– Место удобное. Официально запрещенное, все, кто здесь находится, кроме ученых-экологов, вне закона, а потому ползают тут на свой страх и риск. Сталкеры в данном случае сами предоставляют себя в качестве материала для подобных исследований.

– Тебе бы в желтой прессе подхалтуривать, – отмахнулся я. – Там такие жареные домыслы очень любят.

– Боюсь, что это не домыслы. Работает тут в Зоне, на территории предприятия “Янтарь”, этот самый профессор Круглов. Эколог. С точки зрения официальных взглядов Академии наук немного чокнутый. В Зоне по доброй воле уже второй год. Он утверждает, что по дороге на север установлен некий генератор пси-излучения, которое он, Круглов, научился

фиксировать и замерять. Однако до самого генератора добраться нет никакой возможности. И этот милейший генератор делает что-то нехорошее с мозгами.

– Спорить глупо, – заключил я. – В Зоне действительно может быть что угодно. Кровососа, вон, уже повстречали. Вот только если выжигатель и на самом деле существует, не думаю, что он искусственного происхождения. Тут естественных причин хватает, способных вырубить любые мозги.

– Естественных? – косо глянул на меня Артем.

– Если так можно выразиться, – поправился я. – Многое из того, что я видел в Зоне, не укладывается в рамки научного мировоззрения.

– Научное мировоззрение уже не такое узкое, как тебе кажется, – возразил Артем. – Зона его порядком расширила. Десять лет назад, расскажи любому ученому об аномалиях и артефактах, он бы и слушать не стал. А сейчас ничего, исследуют.

Снизу раздался грохот. Мы остановились.

– Ящик свалился, – подумав, сказал Артем.

– Может, тут работает кто?

– Сомнительно. Во-первых, бандиты мешают нормальной коммуникации с внешним миром. Если бы тут были ученые, вояки бы все зачистили. Во-вторых, я слышал, что в лаборатории Х-18 произошла то ли авария, то ли несчастный случай, после чего все работы тут прикрыли. По одной из версий вообще никто из ученых не выжил. А новых присылать не стали.

– Тогда не пойму, что тут может грохотать. Тревожно как-то...

– Может, аномалия какая успела образоваться, – предположил он.

Я не ответил. Лестница кончилась, и мы оказались в небольшом помещении. В три стороны убегали темные коридоры. Над входом в один из них красовалась на стене желтая надпись “Санитарная зона”. Но поразило меня другое – в воздухе, на высоте около полутора метров, мирно парили два ящика внушительного размера.

– Гравитационная аномалия, – произнес Артем.

Мне показалось, что таким образом он пытался себя успокоить. Назвать увиденное невероятное событие умным научным словом. Как будто от этого событие станет простым и понятным. Хотя вряд ли найдется в мире ученый, способный внятно объяснить, что такое гравитация, и еще меньше тех, кто способен объяснить, что такое аномалия. Ну и фиг с ними. Чем бы дитя ни тешилось, лишь бы не вешалось. Хотя толк от научного подхода к познанию мира все же есть. Суть гравитации ученым непонятна, но они дотошно исследовали, как эта суть проявляется, поэтому мы можем запускать космические аппараты черт-те куда с высокой точностью. И получать красивые фотки иных планет.

Только я успел об этом подумать, как ящики с грохотом рухнули на пол.

– Хорошо не на голову, – угрюмо заметил я. – Тут надо поглядывать вверх на каждом шагу.

– Интересная штука... – Артем сощурился. – Давай посмотрим, что будет дальше.

– Давай лучше документы поищем, а заодно и костюмчик, ради которого сюда приперлись.

– С чего предлагаешь начать?

– С правого коридора.

Ящики снова бесшумно поднялись в воздух, качнулись и замерли неподвижно. Мы двинулись направо. Фонари хорошо освещали коридор, но спешить все равно не стоило – не ровен час, можно нарваться на какую-нибудь гадость, которая в два счета из тебя кишки выпустит. Метров через тридцать коридор раздвоился. Заглянув в ответвление, я сразу увидел радужное мерцание в проломе стены. “Воронка”.

– Осторожнее, – показал я Артему.

Тот кивнул. Впереди вроде ничего похожего не было, но мне показалось, что луч фонаря, если направить его на левую сторону коридора, начинал чуть вибрировать. У меня возникло нехорошее предчувствие.

– погоди! – остановил я напарника, когда он собрался сделать шаг вперед.

Пришлось достать мешочек с болтами и метнуть один вдоль левой стены. Пространство тут же полыхнуло ослепительным светом, а метрах в десяти перед нами из ниоткуда возник

высокий, до потолка, сполох гудящего пламени. Он продержался секунд пятнадцать, затем угас.

– “Жарка”, – сказал я, распознав одну из самых коварных аномалий Зоны.

В неактивном состоянии их почти не видно, но стоит в такую попасть, как из ниоткуда вспыхивает столб пламени с температурой полторы тысячи градусов. И детектор на них далеко не всегда реагирует. Точнее, не везде. И никаких закономерностей лично я в этом не замечал. Да и какие закономерности можно ждать в Зоне? Смех на палке.

– Будь осторожнее, – предупредил я. – Вперед не суйся.

– Ты их, как собака, чуешь, что ли? – усмехнулся Артем.

– Как человек, еще имеющий планы на эту жизнь, – уточнил я. – Когда от чутья зависит жизнь, оно развивается очень быстро.

Сзади снова грохнулись об пол ящики. Я покидал болты в разные стороны, обнаружив еще пару “Жарок”. Но были и вполне нормальные проходы, в один из которых мы и протиснулись. Помещения вокруг простирались мрачнее некуда – по углам кипел зеленый светящийся “Холодец”, в который даже в хорошей куртке лучше не попадать, кое-где виднелись артефакты. Но я их собирать не стал – не до того, да и лишняя тяжесть в рюкзаке ни к чему, когда не знаешь, от кого и как быстро придется делать ноги. Иногда попадались проломленные стеллажи, остатки каких-то приборов, обнаружился даже труп бандита. Обследовав его, я понял, что расслабляться точно не стоит, потому что убили бандюгана снарки. А это такие твари, с которыми ухо надо держать остро не хуже, чем с кровососами. Как снарки выглядят, знал почти каждый сталкер, с годик проживший в Зоне. Но чем или кем они являлись по сути, не знал, скорее всего, ни один научник. Потому что на вид снарки больше всего напоминали людей. И не просто людей, а именно сталкеров. На мордах у некоторых даже были противогазы или остатки другого сталкерского снаряжения. И по одежде они были сталкерами. Когда-то. В общем, похожи, похожи. С той разницей, что передвигались они на четвереньках, а прыгали так, что у любого кузнечика глаза бы пожелтели от зависти. И дрались, как звери. На поверхности лежало предположение, что снарки – это одичавшие сталкеры. Это если судить по словесному описанию. Но если встретишься с такой тварью, то сразу понимаешь – так одичать невозможно в принципе. Хотя в Зоне все возможно, чего уж тут говорить.

– Что случилось, – спросил Артем, заметив, как я изменился в лице после осмотра трупа.

Ну я ему и объяснил все как есть. Но должного впечатления мой рассказ на него не произвел. Так бывает с каждым, кто слышит о снарках, но ни разу не столкнулся с ними.

Двинулись дальше. Света было мало, только аварийка кое-где светила тусклыми красными лампами. Значит, где-то до сих пор работают генераторы. Хотя, в общем-то, немудрено, если учесть что лаборатория X-18 действовала совсем недавно. А потом что-то случилось, а что именно – мало кто знает. Хотя один человек имел весьма достоверную информацию об этом подвале. Потому что бывал тут, когда лаборатория еще работала. Легендарная личность – сталкер по прозвищу Призрак. Многие байки об этих местах и о территориях ближе к северу Зоны исходили от него и его закадычных друзей. Но правда, как в таких байках обычно бывает, густо смешивалась с вымыслом и откровенными ужасами, так что отделить одно от другого было никому не по силам. Самого же Призрака уже год никто не видел. Сгинул, наверное, где-то. Хотя такие, как он, запросто не пропадают. Он, как и многие, тоже рвался к Монолиту. Но преуспел в этом точно больше других. Если не считать самих монолитовцев, я думаю. А если представить, что этот черный камень действительно способен выполнить любое желание, то Призрак вполне мог сейчас сидеть где-нибудь на Багамах, под пальмами. И рассказывать смуглым женщинам о своих невероятных приключениях.

Мы пробрались довольно глубоко в мрачные коридоры, когда я заметил впереди мерцающий свет и услышал отчетливый треск жаркого пламени.

– Опять “Жарка”? – напряженно спросил Артем.

– Вряд ли, – покачал я головой. – Что-то долго трещит. Если это и аномалия, то другая. “Жарка” не бывает так долго в активном состоянии.

Метров через двадцать мы добрались до дверного проема, за которым металось нечто вроде шаровой молнии, оставляя за собой полыхающий пламенем воздух. Я шарахнулся назад, прикрыв собой Артема, но секунд через пять понял, что эта штука на нас никак не реагирует. Летает себе по помещению и никуда не собирается убираться.

– Ложная тревога, – успокоившись, сказал я.

– Ни фиги себе... – присвистнул Артем. – Так и обгадиться немудрено с перепугу.

Я, ради эксперимента, достал пистолет и пару раз пальнул в огненный шар. Никакой реакции. Даже траекторию не изменил. Одно было понятно точно – в помещение соваться не стоит. Что бы там ни было.

– Надеюсь, документы и костюмчик не там, – хмуро произнес я.

– Ну... – Артем пожал плечами. – Наверное, стоит осмотреть более безопасные места. А уж если не найдем...

– Не буду я из-за костюма лезть в пекло, – твердо заявил я. – Лучше уж купить.

– Лучше. Если продадут.

В его словах была суровая правда Зоны. Новичок, а шарит, вот ведь зараза!

Где-то впереди, в глубине сумеречных коридоров, загрохотали железные бочки. Честно говоря, этот грохот, раздающийся то с одной, то с другой стороны, начал меня всерьез напрягать. Я никак не мог отделаться от ощущения, что это кто-то разумный или, по крайней мере, живой грохочет деревянной и металлической тарой. Живо представился великан, бродящий по лаборатории и пинающий бочки. По спине пробежало небольшое стадо крупных мурашек. Когда дрался с бандитами наверху, как-то не очень задумывался, а теперь мне начало казаться, что зря мы сюда приперлись. Недобро тут. И цена за костюмчик может оказаться больше его реальной стоимости.

Дальше нас поджидала тьма. Везде, где мы бродили до этого, был хоть какой-то, пусть и тусклый свет, льющийся из плафонов аварийного освещения под потолком. Тут же света не было вовсе, только лучи наших фонарей разрезали пространство узкими лезвиями. Светлее от этого не становилось – слишком ограниченное пространство они выхватывали из темноты. Их хватало только на то, чтобы не наткнуться на стены и не споткнуться обо что-нибудь под ногами. С психологической же точки зрения они с таким трудом раздвигали тьму, что она казалась густой и очень материальной. Почему-то вспомнился фильм из детства. “Туманность Андромеды” назывался. Там, во тьме далекой планеты, никогда не видевшей солнца, зародилась странная жизнь, для которой свет был смертельно опасен. А вот тьма была их родным домом, может, эти твари из нее целиком и состояли. Причем твари были на редкость агрессивными и высасывали из людей внутренности не хуже, чем местные кровососы высасывают кровь. Это воспоминание не прибавило мне ни жизнерадостности, ни уверенности в завтрашнем дне.

Стало зябко. Мы шли молча, прислушиваясь к липкой тишине. Внезапно совсем близко загрохотало что-то металлическое. Мы оба вздрогнули от неожиданности.

– Прямо полтергейст какой-то! – недовольно пробурчал Артем.

– Пол чего? – переспросил я.

И тут же мне по башке как следует прилетело небольшой пустой канистрой из-под какой-то технической жидкости. И очень хорошо, что пустой, иначе лежать бы мне в нокауте, как выпить дать.

Скорее рефлекторно, чем хоть как-то проанализировав ситуацию, я вскинул автомат и саданул очередью в ту сторону, откуда прилетело. Артем, никоим образом не врубившись в ситуацию, радостно присоединился ко мне. Ему бы только патроны тратить! Но в нашей стрельбе толк все же оказался – в отличие от фонарей, вспышки очередей осветили все пространство вокруг нас. И стало понятно, что никакого противника нет. По крайней мере, в доступной нашим взглядам части подземелья.

– Что за черт? – произнес Артем, пытаясь прочистить пальцем оглохшее от выстрелов ухо.

– Понятия не имею, – признался я. – Одно могу сказать точно, кто-то влепил мне по башке канистрой.

– Тут нет никого! – уверенно заявил он.

И вдруг, прямо на наших глазах, в воздух взмыли еще две канистры. И полетели очень прицельно, но на этот раз в Артема, а не в меня. Он увернулся от одного импровизированного снаряда, но другим ему все же вцепило в грудь.

– Ты видел? – возбужденно выкрикнул он. – Это аномалия кидается.

– Слишком разумно для аномалии, – поспешил я расстроить его. – На мой взгляд, надо сматываться. И как можно скорее.

Не успел я это сказать, как появился новый противник. Сначала мы слышали треск позади себя, а обернувшись, разглядели несущийся в нашу сторону синий шар, целиком состоящий из змеящихся электрических разрядов. Это было очень похоже на аномалию “Электра”, но в отличие от нее не занимало статическое место на земле, которое можно обойти чаще всего без труда, а двигалось на уровне человеческого роста прямо по воздуху. Зная, что в “Электру” лучше не попадать, я шарахнулся в сторону, но ухватить Артема за шиворот не успел. И эта хрень пролетела мимо него, коснувшись плеча несколькими разрядами. У меня сердце ёкнуло, но ничего ровным счетом не произошло. Искристый шар полетел дальше, а напарник мой остался стоять живым и невредимым, раскрыв рот от смеси буйных эмоций.

– Что это было? – спросил он.

– Откуда мне знать? Я не шастаю тут каждый день!

– Ну... Может, есть какая-то информация.

– Нет. Про лабораторию ходят только слухи, рожденные из искаженных рассказов сталкера по прозвищу Призрак. Про него самого столько баек, что впору книжку писать. Для старшего школьного возраста.

В любом случае нам следовало как можно скорее принимать решение. На мой взгляд, когда сталкиваешься в Зоне с чем-то совершенно непонятным, надо драпать. Потому что неизвестно, как с этим быть, как от него защититься или как его уничтожить. Но второй раз говорить об этом Артему я не хотел. Пусть у него у самого в голове родится эта мысль. Меньше будет споров. Но она не родилась.

– Надо быстрее найти эти чертовы документы и костюм! – Артем рванул вперед первым. – Пока нам еще раз по башке тяжелым не прилетело.

– Может, лучше назад? – все же озвучил я свои опасения.

– Сдурел? – не оборачиваясь, спросил напарник. – Столько усилий уже... И все впустую?

Нет, спорить с ним решительно невозможно. Можно было только сделать по-своему. Но по-своему – это бросить его тут одного и смотаться. А потом-то что? Локти кусать до окончания дней?

Вскоре мы ворвались в большой зал с бетонными колоннами. Из него во все стороны расходились четыре коридора. Из одного выскочили мы, три остальных вели неизвестно куда. Я вскинул автомат и короткой очередью пометил тот, из которого мы прибыли, чтобы потом в горячке не сунуться туда еще раз. И тут же мимо нас снова пролетел синий искрящийся шар. И снова без всякого вреда.

– Кажется, эта хрень безвредна, – предположил я. – Можно от нее не шарахаться.

Однако расслабляться было нельзя, потому что валявшиеся в углу деревянные ящики взлетели в воздух и тут же устремились в нас. Хорошо, что мы оба были настороже и успели метнуться за колонну. От разбившихся о бетон ящиков в разные стороны полетели доски и щепки.

– С этим определенно надо что-то делать... – Артем почесал макушку. – Идеи есть?

– Ты проронил словечко “полтергейст”, – напомнил я.

– Ну.

– До меня только сейчас дошло. Я тогда не расслышал, а сейчас из памяти выплыло. Хотя, когда мне рассказывали, я не поверил.

– Что рассказывали?

– Да в баре один чувак лепил мне про этот самый полтергейст. Типа один из знакомых Призрака рассказывал его знакомому...

– Ты не тяни, говори суть.

– Ну, типа есть существо ужасного вида, которое прячется во тьме и усилием воли приводит тяжелые предметы в состояние левитации, а потом очень метко швыряет в противника. Тогда мне это показалось байкой.

– А теперь?

– И теперь, видишь, не сразу вспомнил.

– Значит, надо это существо найти и пристрелить, – сделал короткий, но веский вывод Артем.

– Иди, ищи, – подбодрил его я. – А найдешь, свищи.

– У тебя что, есть другие предложения?

– Есть, – довольно кивнул я.

– Нет уж, сматываться мы отсюда не будем, раз уж попали сюда. Вперед!

Мы оставили за спиной правый и левый коридоры, а сами рванули в центральный. Именно рванули, потому что все, что было по пути тяжелого, взмывало в воздух и летело в нас. Иногда удавалось уворачиваться, иногда нет. Я сильно пожалел, что не купил у бармена каску. Хотя откуда она у него?

Несколько раз мимо нас пролетали искрящиеся шары, но я уже перестал обращать на них внимание. Вдруг Артем остановился, вскинул автомат и пустил несколько прицельных очередей вслед одному из летающих сувениров. И тут случилось такое, чего я уж никак не ожидал. Во-первых, рухнули вниз, а не нам на головы все окружавшие нас тяжелые предметы. Во-вторых... Искристый шар исчез, но до этого на пол из него вывалилось здоровенное тело, чем-то похожее на человека без ног. Вместо ног у него был хвост, как у Джаббы в “Звездных войнах”. Я подошел к темно-коричневому телу и, преодолевая охвативший меня ужас, рассмотрел его подробнее. Морда с широким плоским носом, или чем-то на месте носа, напоминала лицо мертвеца из фильмов-ужастиков. Только в отличие от тех мертвецов она выглядела по-настоящему страшно.

Я вытер холодный пот со лба и спросил, обернувшись к Артему:

– Как ты догадался выстрелить в него?

– Никак. Просто попробовал. Иногда ненаучный способ познания мира бывает эффективнее научного.

– Странно это слышать от ученого! – фыркнул я.

– Я же тебе уже говорил, что наука шагнула далеко вперед и избавилась от многих детских предрассудков.

Наверное, он прав. Я слишком мало знаю о учениках, чтобы судить об этом. Хотя... Я еще разок взглянул на мертвое чудище и подумал, что науке попросту ничего не оставалось делать, кроме как избавиться от многих предрассудков. Потому что в Зоне ко всем предрассудкам приходится относиться очень серьезно.

Побродив по коридорам еще чуток, мы наткнулись на массивную дверь с кодовым замком. Я попытался ввести код, выданный мне барменом, но это не возымело ровно никакого действия. Если же судить по координатам, документы находились как раз за ней. Это привело меня в такой шок, что я замер и с минуту не мог произнести ни слова. Артем понял, что произошло, и тоже стоял молча. Где-то в глубине коридоров снова загрохотали ящики.

Глава 4

В которой Лемур попадает впросак, и все становится намного хуже, чем было, хотя хуже, казалось, быть уже не могло

Дверь была толстой, бронированной и на вид совершенно неприступной.

– Подстава, – сплюнул я под ноги. – Вот почему документы до сих пор никто не добыл, хотя код от входа в самую лабораторию у бармена есть. Просто код не от всех дверей. Вот гад... Сматываемся!

– Погоди! – остановил меня Артем. – А костюм? Вообще-то мы ради него сюда прибыли. Документы это больше для бармена.

– Ладно, – зло ответил я. – Спорить с тобой все равно бесполезно. Всегда найдешь аргумент, который крыть нечем.

– Можешь не крыть. Но тебе нужен костюм?

– Нам нужен, черт бы все это побрал! Я и говорю, что твои аргументы крыть нечем.

– Это не аргументы для спора, – пожал он плечами. – Просто я тебе напомнил, ради чего, по большому счету, мы сюда перлись.

– Все, закройся, – попросил я. – Не нервируй меня попусту. Пойдем, осмотрим доступные помещения. Скорее всего, костюмчик, как я теперь понимаю, нам придется стянуть с трупа какого-нибудь ученого.

– Или найти в шкафу, – улыбнулся напарник.

– Это вряд ли, – с кислой миной возразил я. – До нас тут уже наверняка побывали соискатели. А бармен гад. Я тоже найду способ его подставить.

– А стоит?

– Не знаю.

– Он просто ищет того, кто сможет добыть документы. Тем или иным способом. Это тебе важно, каким именно, а ему нет.

В ответ я только махнул рукой, и мы пошли осматривать оставшиеся помещения. Их в подземелье оказалось немало. Какие-то боксы с излучателями, бассейны, наполненные светящейся жидкостью, поваленные решетки, изуродованные так, словно над ними надругался расщепивший великан. От всего этого мороз пробирал по коже. Один раз я, потеряв бдительность от злости на бармена, угодил в “Жарку”. Хорошо, рефлекс сработал – сразу отскочил. Но ресницы и волосы опалить все равно успел. А если бы не сталкерская куртка, было бы еще веселее. Кстати, Артем не растерялся, ловко сшиб меня с ног и сбил пламя с одежды и рюкзака.

Потом мы поели. Открыли по банке тушенки и слопали, заедая половинкой батона. Но и после еды настроение ничуть не улучшилось. Мы уже собрались идти дальше, когда я услышал недалеко в темноте коридора отчетливый шорох.

– Осторожно! – успел я выкрикнуть, прежде чем из темноты на нас бросился снарок – одна из самых опасных тварей Зоны.

Артем отреагировал раньше, чем сообразил, что к чему. Он просто вскинул автомат и саданул мимо меня широким веером очереди. В этот момент снарок находился в прыжке, почти под самым потолком, но парой пуль его все равно зацепило и сбilo с намеченной траектории. Я как можно резвее отскочил в сторону, но снарок приземлился точнехонько между мной и напарником, так что никто из нас не мог выстрелить без риска ранить другого. И тут Артем сделал такое, чего я бы сделать не додумался никогда в жизни. Или не осмелился. Все мы живем в рамках каких-то стереотипов – воспитание, образование, круг интересов, общество. Артем же, мне начало казаться, от стереотипов был свободен вовсе. Он перехватил автомат за ствол и в тот момент, когда снарок собрался на него кинуться, изо всех сил долбанул его прикладом в голову. Это чуть притормозило атаку, но Артем на этом не успокоился, а вторым ударом еще более ловко отшвырнул тварь в сторону.

Мне только это и требовалось! Как только снарок оказался в стороне от ученого, я с бедра засандалил ему две короткие очереди в брюхо и одну, когда он присел, точно в голову. Хватило. Тварь подергалась и замерла на полу.

– Человек... – задумчиво произнес Артем. – Даже в противогазе. Чего вы их так боитесь?

Со мной случилась истерика. Я рассмеялся, не в силах сдержаться, и сполз спиной по стене.

– Боимся... – я ржал, как сумасшедший. – Да, ученый ты наш, мы их боимся. А знаешь, почему? Потому что они страшные!

Артем поглядел на меня с жалостью.

– Страшные, – пожал он плечами. – Ну... Прыгают хорошо.

Несмотря на то что в снарка влетело порядком пуль, крови на полу не было видно. Вскоре и я поверю, что половина тварей в Зоне – ожившие каким-то образом и преображенные влиянием Зоны мертвецы. Псевдособаки, кстати, тоже хорошо прыгают.

Немного успокоившись, я спросил:

- Значит, кровосос тебя напугал, а снарк нет?
- Так человек же... – Артем пнул тело ногой. – А кровосос нет.
- Странная у тебя грация ужасов.
- Какая есть, – спокойно ответил напарник.

По пути я старался метить выстрелами на стенах места, в которых мы побывали. Несмотря на это, мы несколько раз оказывались в одном коридоре. Этот лабиринт начал меня утомлять своим однообразием и мрачностью. Но неожиданно мы наткнулись на проем, который раньше не замечали во тьме. А за проемом обнаружилась лестница, ведущая на уровень ниже.

– Там может быть проход. – Артем остановился и осветил фонарем ступени. – В какой стороне координаты документов?

Я сверился с КПК и задумался. Лестница вела в нужную сторону. Координаты же давались без учета высоты точки, поэтому могло оказаться, что за бронированную дверь нам и не нужно, что документы могут находиться уровнем ниже, чем тот, по которому мы бродили.

Но едва мы начали спускаться, снизу донесся громкий утробный рев.

- Плоть, – выдохнул я.
- Что? – не понял меня напарник.
- Редкая в Зоне тварь. Думаю, никакие исследования не позволят понять, из кого она трансформировалась в тот ужас, которым стала.
- А почему плоть?
- Увидишь, поймешь. Ей трудно дать другое название. Просто скачущий бесформенный кусок мяса. Агрессивный и хищный.
- Ты случайно не о свинье-мутанте говоришь?
- Хочешь сказать, что плоть – это трансформированная свинья?
- Скорее всего. Не дикий кабан, от которого пошли кабаны-мутанты, которых мы били у блокпоста, а именно обычная домашняя хрюшка.
- Тогда эта хрюшка здорово прибавила в весе.
- Не без того, – невесело ухмыльнулся Артем.

Спустившись, мы увидели слабо освещенное помещение, заставленное баками и перегороженное сетками. Артем было сунулся туда, но я его удержал:

- Плоть – самая тупая из тварей. Не надо лезть на рожон. Давайждемся, пока она покажется. Тут ведь где-то скачет. Потому что, если нарвемся на нее на короткой дистанции...
- Я видел труп этой твари. Крупная, конечно, но ужасного впечатления это зрелище на меня не произвело.

– Потому что труп. А я пару раз встречался с живой. Не кровосос, конечно, но тоже приятного мало. Хотя в Зоне вообще приятного мало, чего уж тут говорить.

Из полутьмы помещения раздалось тяжелое дыхание и звук шлепающих прыжков.

- Она левее, за баком, – прикинул Артем.

Мы вскинули автоматы и стали терпеливо ждать. Прошло секунд тридцать, прежде чем из-за стального котла показалась плоть. Нога у нее была всего одна, но прыгала тварь на удивление ловко, особенно с учетом веса, которого в ней было килограммов триста, не меньше. Почуввав нас, она изменила направление, но мы встретили ее плотным огнем из двух автоматов. На мой взгляд, все пули попали в цель, но действия возымели мало. Точнее, возымели не то действие, какого нам бы хотелось. Вместо того чтобы рухнуть на пол, тварь взревела еще страшнее, чем раньше, чуть отпрыгнула в сторону и снова кинулась на нас. Мы повторили, благо оба магазина были свежие, мы их сменили незадолго до того, как нашли лестницу. Но и в этот раз плоть никак не показала, что пули ей вредят.

- Отходим! – скомандовал я.

На этот раз Артем спорить не стал. Живая плоть и на него, похоже, произвела больше впечатления, чем дохлая. Мы спешно попятились, прикрываясь короткими очередями, но никакого останавливающего действия пули на тварь не оказывали. Поэтому мы перестали попусту тратить патроны, развернулись и банально дали деру вверх по лестнице.

– По ступенькам они скачут плохо, – переводя сбившееся дыхание, сказал я. – Но все равно надо быть начеку.

Наверху мы уже нормально отдышались. Я чутко прислушивался, но с лестницы не доносилось ничего похожего на характерные шлепающие прыжки. Зато донесся рев. Ничуть не менее бодрый, чем раньше.

– Сколько мы в нее пуль всадили? – изумленно спросил Артем.

– Почти по полному магазину. Полсотни штук где-то.

– И хоть бы что. Надо попробовать угрохать ее гранатой.

– Или хотя бы оглушить, – подхватил я его идею.

– Думаешь, если она оглохнет, будет меньше кусаться? – спросил Артем.

– Иди ты со своими шуточками! Наверху будем шутить, а еще лучше – в баре за выпивкой.

Вниз спускаться не хотелось, но там было последнее не обследованное нами помещение. Если противорадиационный костюм находился по эту сторону двери, то только там. А может быть, там был и проход дальше, который вывел бы нас к документам. Возможно, все соискатели этого приза до нас туда попросту не совались, не желая связываться с плотью. Я бы охотно отказался от этой схватки, но надо было закрыть тему лаборатории Х-18, обследовав все помещения.

Несмотря на то что в магазинах еще оставались патроны, мы их сменили, чтобы иметь в трудную минуту полный боезапас. Артем достал гранату, разогнул усики и вынул кольцо.

– Вперед, – тихо скомандовал он.

Я двинулся за ним, держа автомат прикладом к бедру. Судя по звуку, плоть прыгала совсем рядом с проемом, поэтому, как только лестница закончилась, я максимально собрался и крепче сжал автомат.

Стоило плоти показаться в проеме, Артем швырнул в нее гранату, а я без паузы шарахнул тремя короткими очередями.

– Назад! – скомандовал напарник.

Вообще это было против правил, потому что командиром экспедиции официально считался я. Но я тоже не дурак – стоять так близко к готовой разорваться гранате, так что в укрытии на лестнице мы оба оказались одновременно.

Грохнуло. Когда свист в ушах начал стихать, я осторожно, ступенька за ступенькой, спустился до середины лестничного пролета.

– Хорош осторожничать! – подогнал меня Артем. – Граната, взорванная непосредственно под брюхом даже такой твари, не оставляет шансов на выживание.

Но я спешить не стал, потому что не был на сто процентов уверен в его правоте. И правильно! Только спустились, плоть кинулась из проема прямо на нас. Ее, конечно, слегка подправило взрывом – из многочисленных ран свисали ошметья живого дергающегося мяса, но чувствовала она себя вполне бодренько. Я с перепугу насадил ее на длинную очередь и снова подался назад. Артем же, наоборот, остановился как вкопанный и принялся поливать тварь короткими очередями.

– Не пройдем! – выкрикнул я, стараясь перекрыть рев автоматов. – Назад!

У меня кончились патроны. Плотность огня ослабла вдвое, плоть это почувствовала и приготовилась к финальному прыжку. У меня пот по спине тек ручьем, когда я перезаряжал магазин. Скорее всего, если бы устраивались европейские соревнования по скорости замены магазина на автомате, я бы установил рекорд. Но тут кончились патроны у Артема, и моя идея об увеличении плотности огня пошла прахом. Пришлось снова отходить. Артем с пустым автоматом оказался куда сговорчивее, чем с заряженным.

Мы взбежали по лестнице и, тяжело дыша, прислонились спинами к бетонной стене.

– Хрюшка, говоришь? – хрипло спросил я. – Не произвела, говоришь, впечатления?

– Да. Живая она бодрее, – согласился он.

Впервые мне удалось ему что-то доказать. Возможно, это меня и порадовало бы, но не в такой ситуации.

– Мы все патроны на нее изведем! – зло сказал я. – А толку? Может, в том помещении и нет ничего?

– Раз взялись, должны исследовать все, что доступно.

– Исследователь. – Я сплюнул под ноги.

Плевок получился вялый – во рту пересохло. Мы снова перезарядились, но на этот раз я вытащил кольцо из гранаты и первым двинулся вниз. Меня эта плоть просто достала. Я бы лучше не лез к ней в логово, но кто виноват, что она облюбовала последнее не осмотренное нами помещение?

Твари в проеме не оказалось.

– Спряталась, – сказал Артем. – Придется лезть внутрь.

– Это уж фиг, – спокойно ответил я. – Сам не полез и тебе не дам. С плотью работает только одна тактика – ждать, не соваться первым, отступать, когда кончаются патроны.

Наконец в проеме мелькнула крупная бесформенная тень. Я тут же швырнул гранату, и мы спрятались за углом. Воздухом шарахнуло по ушам сильно, но нам было не до комфорта, мы бросились вперед и попеременно из двух стволов начали добивать тварь. Она шлепнулась на пол, колотя по воздуху единственной ногой, но вскоре успокоилась. А уж как стало спокойнее нам, вообще передать невозможно! И если меня кто-то спросит, что есть счастье для сталкера, я не скажу, что это хороший хабар или мешок денег. Я скажу, что счастье – это опустить перегревшийся автомат и взглянуть на убитую тобой плоть. Когда на тебя кидается кровосос, не успеваешь подумать. Там или ты его, или он тебя. Быстро и стильно. А с плотью возни на полчаса и патронов отстреляно столько, что страшно оскользнуться на гильзах.

Мы обошли развороченное пулями и взрывами тело и почти сразу заметили за решеткой яркое оранжевое пятно. Не узнать этот цвет было невозможно, потому что именно такого цвета ткань противорадиационных костюмов, в которых ученые прогуливаются по Зоне.

– Вау! – не сдержался я. – Нашли!

– А ты хотел смотаться, – не преминул поддеть меня Артем.

– Ладно, ладно! – За такую находку я был готов простить ему все.

По крайней мере, патроны и гранаты, затраченные на устранение плоти, окупились сторицей. Мы радостно преодолели отделявшее нас от ценной находки расстояние и замерли, потеряв от неожиданности дар речи. Во-первых, костюм был на трупе ученого. Но это меня бы не остановило. Во-вторых, ученый явно погиб от зубов плоти, потому что костюм был изодран в нескольких местах. Фактически наша ценная находка в таком состоянии почти ничего не стоила. Нет, конечно, его можно было залатать, вернув тем самым часть свойств. Например, замкнутый цикл дыхания и часть противорадиационной устойчивости. Но не в полной мере, разумеется. Процентом на пятьдесят. Потому что дыры есть дыры.

– Похоже, у нас сегодня все-таки не очень удачный день, – признал наконец Артем.

– Как начался, такой и день, – пробурчал я. – Нашли, блин, костюмчик... Стоило из-за этого влипнуть в такую историю...

Кроме того, помещение оказалось глухим, из него не было никакого выхода, кроме того, через который мы попали сюда. А значит, рухнули надежды достать документы, не проникая за бронированную дверь. Вляпаться хуже было бы сложно. Невозможно, я думаю. Но все же я умудрился.

И знаете, о чем я подумал? О том, что теперь придется переться обратно. Через темноту коридоров, в которых наверняка поджидала еще парочка снорков, через бандитов, которые, скорее всего, успели перегруппироваться, а может, и подтянуть подкрепление. А потом через Темную Долину со всеми ее прелестями. И мне стало совсем худо. Еще хуже, чем утром, с бодуна.

Понятно, что обратного пути не миновать в любом случае, но с целым новеньким костюмчиком он бы меня так не печалил. А в данной ситуации... Я был готов поселиться тут на несколько дней, только бы не идти прямо сейчас обратно.

– Что будем делать? – довольно спокойно спросил Артем.

– Снимать штаны и бегать, – грубо ответил я.

Артем ничего не ответил, кажется, даже обиделся, а я начал снимать, но не штаны, а костюмчик с трупа. Во-первых, его действительно можно было чуть подлатать и использовать. Во-вторых, опять же подлатав, впарить какому-нибудь новичку под видом нового. А новый купить. Хотя как раз с покупкой его были проблемы. Нечастый это товар на нынешнем рынке. Вон у бармена не оказалось. А оказался бы, так пошел бы втридорога. Знаю я местные ценники.

На самом деле костюм по сходной цене можно было бы купить у ученых, но это тоже не на базар за луком сходить. Большинство ученых нашего брата побаивалось, и, чтобы наладить хоть какой-то контакт, надо было либо кого-то из них спасти, либо повпахивать на них конкретно и с максимальным риском для жизни. С тем самым риском, на который сами они шли до крайности редко. Не в пример, кстати, Артему. Этот в самое пекло полез, не сдрейфил. Зря я ему нагрубил. Вообще это последнее дело – срывать злость на напарнике.

– Извини, – сказал я, снимая шлем противорадиационного костюма.

– Не парься, – примирительным тоном ответил он. – Прекрасно понимаю – нервы.

Мне стало еще более стыдно. Не хотелось на это ничего отвечать, лучше уж молча возиться с костюмом. Что я и сделал. Когда все было закончено, я обыскал карманы, но нашел только аптечку, какими снабжали ученых, и новенький КПК. Настолько новенький и хороший, что не стал разбивать, как делал обычно. Взял своему на замену. А что? Перекинуть данные, да и все. Наконец я свернул костюм покомпактнее и сунул в рюкзак.

– Готов, – сказал я.

Артем не отреагировал.

– Эй! – пришлось снова его окликнуть.

– погоди, Лемур. – Он поднял указательный палец, мол, не мешай.

– Что там такое?

– Интересно, то, что я вижу, – это то, о чем я думаю?

– Опять в философию ударился? – скривился я.

– Нет, ты не понял. Я вижу снайперскую винтовку. Немецкую, такую, как ты купил у бармена.

– Где?! – живо подскочил я.

– Да вот же!

Я глянул в указанном направлении и, действительно, наткнулся взглядом на снайперку “П-86”. Вот только радости это у меня нисколько не вызвало. Знал бы, что найдем, не покупал бы втридорога! А теперь, что? Бросить жалко, а таскать лишнюю тяжесть накладно.

– Ну и денек, – сказал я, сплюнув под ноги.

– Что тебе не нравится? – удивился Артем. – Хорошая ведь винтовка!

– Вторая-то нам зачем?

– А мне? Я как-то в Афгане стрелял из снайперки, мне понравилось.

– Ну, в таком разе, ты и будешь ее таскать, – подвел я итог.

Похоже, он был не против.

– Какие дальнейшие планы? – спросил напарник, закрепляя винтовку на рюкзаке.

– Выбираться, – твердо заявил я. – Мы все осмотрели, другого, кроме бронированной двери, пути к документам нет. А дверь без хорошей порции взрывчатки нам не одолеть. Да и со взрывчаткой, скорее всего, тоже. Раньше потолок рухнет, чем эта дверь поддастся.

– Видимо, да, – кивнул Артем.

– Так что пошел-ка бармен в задницу, а мы займемся своими делами. Кто-то, кажется, мне обещал миллион.

– До него еще добраться надо, до твоего миллиона.

– Вот и нечего терять время. Документы нам не достать. А значит, и мысли о награде за них следует выкинуть из головы.

Осмотрев на всякий случай все закоулки последнего помещения, мы поднялись по лестнице и стали пробираться к выходу.

– Помнишь, где “Жарки” расположены? – спросил я. – Смотри не нарвись. А то с нашим сегодняшним везением немудрено. Давай-ка лучше за мной.

Артем без споров отстал. Когда было надо, он умел обойтись без своих незыблемых аргументов. Точнее, когда его правота сама переходила в разряд спорных вещей. Когда я говорил, что надо рвать когти из этих неприветливых мест? В самом начале! Нет же, Артема все тянуло на подвиги. И вот результат – драный противорадиационный костюм и бронированная дверь между нами и документами.

Что бы ни говорили последователи теории материализма, я уверен, что у сталкера в Зоне из-за постоянной смертельной опасности вырабатывается особое чутье на правильные пути. И чутье это не всегда можно объяснить рациональными средствами. Иногда просто нет желания соваться куда-то, или надобность сунуться куда-то вызывает отчетливую тревогу. А сунешься, как вот мы сунулись, и сразу понимаешь, что предчувствие было верным, что надо было сматывать удочки тогда, когда мысль об этом впервые пришла в голову. Дело еще и в том, что у сталкеров не только развивается подобная чувствительность, но и сами сталкеры доверяют ей. Происходит нечто вроде естественного отбора. Те, кто доверяет таким предчувствиям без попытки анализа, выживают чаще, чем те, кто не доверяет. Если бы сталкерам в Зоне было с кем размножаться, то через какое-то время, возможно, возникла бы популяция сверхчувствительных людей. Но, для того чтобы размножаться, вы правильно подумали, кроме мужчин, нужны и женщины, а их в Зоне раз, два и обчелся. О чем многие из нас сокрушались. Но женщины, несмотря на свою природную чувствительность и потенциальную способность к сталкерству, не спешили сюда из-за антисанитарии, отсутствия даже намеков на какой-то комфорт и присутствия оравы одичавших мужиков. Хотя о двух женщинах-сталкерах я слышал. Но, судя по рассказам, их трудно было назвать женщинами, в моем понимании этого слова.

Из раздумий на эту тему меня вывел мощный металлический грохот, раздавшийся, как показалось, совсем рядом. Создалось ощущение, что кто-то со всей дури несколько раз лупанул исполинским кулаком в бронированную дверь. И звук этот раздался именно со стороны той двери, за которую нам не удалось попасть. Мы переглянулись и припустили вперед.

– Только осторожнее! – предупредил я на всякий случай. – Хрен знает, что там такое.

– Судя по звуку, оно крупное, – кивнул Артем, поднимая ствол автомата.

Я зарядил гранату в подствольник. Потому что оказаться там могло все, что угодно, от какой-нибудь твари, порожденной Зоной, до сталкера в экзоскелете, раз бармен утверждал, что они встречались на местном рынке. Грохот повторился, а потом и вовсе начал звучать непрерывно.

– Эдак, пока добежим, дверь к чертям вылетит, – пошутил я. – Заходи кто хочет, бери что хочешь...

Но безудержного веселья у Артема моя шутка не вызвала, да и вряд ли имело смысл на это рассчитывать в такой обстановке. Когда мы добрались до коридора, в конце которого располагалась злополучная дверь, стало ясно, что удары раздаются не с нашей стороны, а с той, куда нам надо было попасть. Это позволило нам чуть расслабиться и не ждать нападения незамедлительно.

– Ничего себе лупит, – сказал Артем, увидев, как ходит ходуном массивная броня двери. – Интересно, кто это может быть?

– Сталкер в экзоскелете, – ляпнул я первое, что пришло на ум.

– Ты серьезно?

– Нет, – отмахнулся я. – Понятия не имею, кто способен на такой фокус. Даже у плоти не хватит массы.

– Может, это плоть-мутант?

– Куда уж ей дальше мутировать-то? – криво усмехнулся я. – И так морду от задницы не отличишь.

Дверь продолжала с грохотом содрогаться. Иногда она так изгибалась, что между ней и стальным косяком образовывалась щель.

– Слетит ведь с петель от таких ударов... – поежился Артем. – Но у меня уже пропало всякое желание переступать этот порог. Если мы с плотью столько возились, то с этим сколько придется? Держу пари, что эта тварь точно крупнее. В разы.

– Понять бы, чего она ломится... – задумался я.

– Нас чует, вот и ломится. Пойдем отсюда.

Мысленно я усмехнулся новой расстановке сил. Теперь Артем спешил убраться из подземелья, а мне почему-то торопиться перехотелось. Хотя глупо, конечно. Но будь у меня код, я бы дверь открыл. Почему-то страшные удары с той стороны не вызывали во мне того ужаса, который они же вызывали у Артема. Причина такой разницы в психологическом воздействии осталась мне непонятной, да я и не очень пытался в ней разобраться. Эмоции эмоциями, а раз нам придется проделать обратный путь, надо не тянуть резину. Чем раньше поднимемся наверх, тем меньше шансов у бандитов перегруппироваться и подтянуть подкрепление. Я бы предпочел вообще не вступать с ними в новую стычку. Норму по перестрелкам я выполнил на полгода вперед. Но все равно придется, поскольку выход из лаборатории лежал в их владениях. Судя по слухам, правда, был и второй выход, северный. Слышал я байку о том, что именно у северного входа в лабораторию Х-18 в одной из аномалий Призрак нашел свою легендарную куртку. Говорили, что Призрак аптекчек с собой не носил, благодаря этой куртке – на вид обычной сталкерской, но, побывав в аномалии, она усилила старые и приобрела новые свойства. Например, мне не раз приходилось слышать, что она излучала тепло и во много раз ускоряла регенерацию тканей. Получалось, что куртка сама превратилась в артефакт вроде “Маминых бус”, только получше. И происхождение этого артефакта связывалось именно с северным входом в лабораторию Х-18. Однако, осмотрев в буквальном смысле все закоулки этого подземелья, мы с Артемом не нашли и намека на другой выход наружу. А значит, северный вход был либо легендой, как многое, связанное с именем Призрака, либо находился за бронированной дверью. И если бы он был там, то именно ради него, а не ради документов стоило бы рваться за дверь. Хотя и награда за документы тоже лишней не будет, но когда надеешься отхватить миллион, вряд ли стоит рисковать из-за нескольких десятков тысяч.

– Долго мы тут будем торчать? – с нетерпением спросил Артем.

– Вперед! – скомандовал я, подняв ствол автомата.

В бодром темпе мы преодолели несколько пересекающихся коридоров, счастливо миновали “Жарку”, в которую я не так давно угодил, и добрались до того места, где красовалась надпись “Санитарная зона”. В воздухе висел массивный деревянный ящик. Мы остановились и перевели дух.

– Будь осторожен, – предупредил я, – не спуская глаз с ящика.

У меня не было полной уверенности, что это опять проделки еще одного полтергейста, в конце концов, это могла быть какая-то неизвестная аномалия гравитационного типа. Но ухо надо держать востро, а то, не ровен час, схлопочешь ящиком по башке. Через несколько секунд мой оптимизм получил подкрепление – ящик просто рухнул на пол, а не полетел в нас.

Я первым пересек небезопасное пространство и оказался у лестницы, ведущей наверх. Артем тут же догнал меня.

– Теперь начнется самое трудное и неприятное, – сказал я.

– Бандиты? – уточнил он.

Я кивнул и добавил:

– Наверняка они сгруппировались и ждут. Возможно, устроили засаду у двери, код от которой дал нам бармен. Выйти будет трудно.

– Жаль, другого выхода не нашли.

– Он может быть за бронированной дверью, и то не факт. Так что придется прорываться там. Сколько у тебя осталось гранат?

– Пять, – сосчитал запас напарник.

– У меня еще десяток к подствольнику.

– Ну и две снайперки – тоже вооружение.

– В помещениях от них мало проку. Хотя... – Я вспомнил, как бил бандитов в коридоре. – Могут и пригодиться.

Мы взобрались по лестнице и остановились у запертой двери. Я приложил ухо к металлу, пытаюсь расслышать хоть что-нибудь, происходящее снаружи, но дверь была слишком толстой – слышно было только, как кровь шумит в ушах.

– Открывай, – кивнул Артем.

Я достал КПК и набрал код на двери. Замок щелкнул, и массивная створка чуть приоткрылась. Тут же снаружи донесся хриплый возглас:

– Вали их, пацаны!

И следом за возгласом в броню вонзились несколько пуль. Одна пролетела в щель и звонко отскочила от стены рикошетом. Недолго думая, Артем кинул в щель гранату, а я притянул дверь на место. Снаружи ухнуло. Тогда я распахнул дверь и коротко выглянул, чтобы хоть как-то оценить обстановку. Но увиденное заставило меня мигом юркнуть обратно, закрыть дверь и снова защелкнуть замок.

Тут же дверь загудела от нескольких пулевых попаданий.

– Там их человек тридцать, – сообщил я. – Спрятались за обломками стен и легкими баррикадами из строительного мусора. Кажется, они всерьез решили отомстить за твоё освобождение.

– Приплыли... – Артем почесал макушку. – Дверь пристреляли... Тридцать стволов... Честно говоря, не представляю, как выбраться.

– Я тоже, – признался я.

И, наконец, испугался. В Зоне чувство страха очень быстро истончается, заменяясь анализом опасности. То есть ты понимаешь, что там-то и там-то опасность такая-то и такая-то. А страха нет. Потому что опасность здесь на каждом шагу и бояться попросту перестаешь. А вот тут я испугался совершенно по-человечески. И даже понял безвыходность ситуации. Стало кристально ясно, что не сегодня, так завтра, мы оба неизбежно умрем. Не от пуль, так от голода. И я начал в ужасе перебирать возможные пути к спасению. И тут меня осенило.

– У тебя КПК с собой? – спросил я Артема.

– Нет. А что?

– Почему? Ну ладно, в свитере по Зоне, это я пойму, учитывая эйфорию от неожиданно навалившегося везения. Но почему без компа? А карты, а связь?

– Ну... – на лице напарника отразилось довольно сильное замешательство.

Возникло ощущение, что ему важно ответить на мой вопрос, и он ищет наиболее подходящий ответ. Точнее, спешно его придумывает. Но почему бы не сказать правду? Это меня настолько озадачило, что я на миг перестал бояться.

– В общем, нет у меня КПК, – ответил он. – Остался на базе.

– Ну, ты и гусь... – помотал я головой.

– За каким чертом тебе вообще понадобился мой компьютер?

– Ты же ученый! – вспыхнул я. – Ты можешь связаться с базой по Интернету и вызвать военные вертолеты. Они на хрен разнесут это бандитское гнездо... Почему эта мысль приходит в голову мне, сталкеру, а не тебе, имеющему полное право на огневую поддержку?

– У меня нет КПК, – упрямо повторил Артем.

– Я тебе подарю! – вспыхнул я и достал из кармана свою старую машинку. – Сейчас перегоню данные на новый и торжественно тебе презентую свой боевой портативный компьютер.

Он не ответил. Я активировал машинку, взятую у погибшего ученого, и начал просматривать файлы на предмет чего-нибудь интересного. Не сносить же все! У ученых

на компах иногда попадалась очень интересная инфа. И очень полезная. В этот раз нашлись более свежие интерактивные карты Зоны с обозначенными аномалиями, координаты двух тайников и несколько файлов голосовой почты, в которых обычно содержатся внутренние директивы научных баз. Все это я, естественно, оставил, а лишнее, например альбом с личными фотографиями, удалил для экономии места. Также стер почтовый аккаунт – это скорее из уважения к покойному и чтобы не было соблазна копаться в чужой почте. Затем я перелил всю информацию со старой машинки и отдал ее Артему со словами:

– Пользуйся. Безвозмездно, то есть даром.

– Спасибо, – смутился он.

– Пожалуйста. А теперь как можно шустрее связывайся со своей базой и вызывай вертолеты. Скажи, что тебя и одного очень лояльного сталкера тут зажали бандиты.

Он вздохнул и принялся создавать новый почтовый аккаунт. Мне же делать было особенно нечего, и я, присматривая за лестницей, чтобы на нас неожиданно не напал снорк, принялся копаться с новой машинкой. Попыток снова открыть дверь мы, не сговариваясь, решили больше не предпринимать. Смысл нулевой лезть на три десятка направленных в упор стволов.

– Как дела у тебя? – спросил я через некоторое время.

– Письмо отправил, – неохотно сообщил Артем. – Надо ждать ответа.

– Будем ждать.

Но что-то мне в его тоне не понравилось. Если точнее, то мне показалось, что он врет. Непонятно, в чем причина, но о вызове подмоги он говорил явно неохотно. И меня это напрягло. Но я решил пока не спрашивать в лоб. Мало ли какие у него мотивы? Может, им запрещают пользоваться помощью военных почем зря? Наверняка это не поощряется. Дорого. Вертолеты, да и вообще...

Но следующая мысль в моей голове показалась мне более здоровой и близкой к истине. Он не хочет, чтобы коллеги узнали о его связи со сталкером. Вот это могло быть реальной и серьезной причиной. Но все же не поводом для отказа от поддержки вояк в сложившейся ситуации.

А еще через десять минут мы услышали снаружи шипение газового резака.

– Так... – протянул я. – Кажется, проблем у нас продолжает добавляться.

– Дверь собрались резать, – кивнул Артем.

– Приплыли. Если сюда ворвется свора бандитов в тридцать рыл, от нас мокрого места не останется.

– Только панику не устраивай! – одернул меня напарник.

– Панику? – психанул я. – А не по твоей ли милости мы попали в эту западню? А?

– Почему по моей?

– Потому что я еще наверху предлагал сматываться.

– Ты предлагал не сматываться, а шпарить прямиком в лабораторию. И тогда тут было бы не тридцать, как ты выражаешься, рыл, а все пятьдесят или даже больше.

– В нашем положении нет разницы – тридцать или пятьдесят.

– Во-первых, есть. Во-вторых, я тут ни при чем.

Он был прав. Просто нервы у меня расшалились.

Через дверную щель начали просачиваться сизые полосы дыма.

– Сколько, интересно, времени у них на это уйдет? – спросил я.

– Нормально. Дверь неподъемная.

– Твои успеют отреагировать?

– Фиг знает. На самом деле речь может идти о паре-тройке часов.

– Понятно...

Я начал скисать. За три часа газовым резаком дверь можно снять. Легко. И надеяться, получается, не на кого.

– Надо занимать оборону, – выдавил из себя напарник. – Займем позицию в коридоре за двумя “Жарками”. Бандитам там будет очень сложно маневрировать, а они еще будут

вынуждены это делать под огнем двух снайперских винтовок. Там длина коридора метров пятьдесят. Так?

– Ну да.

– Сделаем баррикаду из ящиков, поставим растяжки с гранатами. И не забывай, что у тебя подствольник. В обороне мы добьемся большего, чем в попытке выбраться через дверь.

– Ну, хоть какая-то идея, – кисло кивнул я. – Хотя их тридцать... А может, подтянут и больше. Одно приятно – впервые в жизни аномалии будут работать на нас, а не против нас. “Жарки” там полностью коридор перекрывали. Мы пошли в обход. Значит, этот обход надо ликвидировать.

– Ликвидировать не получится, – помотал головой Артем. – Тут кругом бетон, гранатой завал не сделаешь. Поставим растяжку. Если бандиты найдут обходной путь в наш коридор, то мы об этом узнаем по взрыву. И тогда придется драться на два фронта. Но это тоже возможно. Главное, сделать укрытие, исходя из этого.

План имел шансы на воплощение, поэтому мы не стали терять время попусту, а приступили к его выполнению. Сначала поставили растяжку с гранатой у самой двери. По взрыву определим, что они вошли, да к тому же пару бандюков ликвидируем точно, может, еще ранит кого или глушанет, как следует. Затем спустились по лестнице и поставили вторую растяжку внизу. От нее в плане сигнализации толку будет меньше, а вот по боевой эффективности она должна будет сработать лучше, поскольку тут бандиты наверняка уже будут двигаться плотной группой, и их конкретно накроет осколками. Покончив с этим, мы нашли начало коридора, перекрытого двумя “Жарками”. Прямо прохода не было – я покидал болты и понял, что прорваться можно, если бегом, но ожога не миновать. А это уже хорошо, поскольку ожог в любом случае снизит эффективность противника. Влево, в короткий коридор из санитарной зоны, тоже соваться нельзя – там в проломе стены притаилась “Воронка”. Бандиты с аномалиями связываться боялись, а потому знали о них мало. Кто-то может прохлопать, и его засосет. Тоже нам на руку. Вправо вел коридор, по которому мы обошли “Жарки”. Но простого обхода не было. Чтобы подойти к аномалиям с другой стороны, понадобится пройти почти весь лабиринт подземелий. Мы его уже хоть как-то изучили, и это давало весомое преимущество. Конечно, если завалить обход, мы бы вообще были в шоколаде, мы бы вдвоем тут армию могли остановить, хватило бы патронов. Но обрушить бетонные перекрытия – нечего и думать. Радовало лишь то, что обе “Жарки” почти незаметны, да и освещение тут худое. Поэтому бандиты наверняка ломанутся напрямик и угодят в аномалии. Хотя бы парочка. А вот что они дальше будут делать, понятно и ишаку. Пойдут в обход.

И тут мне в голову пришла такая светлая мысль, что у меня в этой самой голове вспыхнуло, будто от взрыва атомной бомбы.

– Что такое? – удивился Артем, увидев мое выражение лица.

– Блин! Ты помнишь ту огненную хрень, которая летает по комнате, а в коридор почему-то не вылетает?

– Ну?

– Она ведь как раз на обходном пути!

– И что? Летает себе по комнате... Если бы в коридоре, то хрен бы они прошли.

– Но почему она летает только по комнате?

– Откуда я знаю?

– Ты же ученый!

– И что? Я геолог, а не аномальный пиротехник.

– Ладно. Быстро двигаем туда. Попробуем разобраться.

– Промухаем, баррикаду не успеем построить.

– Мне кажется, это важнее.

Он не стал спорить. Заинтересовался.

Мы рванули по коридору и вскоре остановились у проема, за которым гудело жаркое пламя. Огненный шар двигался по замысловатой, казалось бы, хаотичной траектории, но, понаблюдав за ним минут пять, я понял, что в этом хаосе прослеживается некий ритм.

Во-первых, шар двигался кругами и никогда не менял направление на обратное. Во-вторых, он огибал все предметы – бочки, бетонные колонны и не натыкался на стены. И тут меня второй раз осенило.

– Бочка!

– Что? – не сразу понял Артем.

– В коридор ему не дает выйти вон та бочка! Видишь, он ее огибает каждый раз и отклоняется от выхода.

– И что ты предлагаешь? – насторожился он.

– Убрать ее!

– Сдурел? Там температура, как в домне!

– Ничего. Отлетит подальше, я попробую.

– Сумасшедший! – Напарник выразительно повертел пальцем у виска.

Но я не собирался отказываться от идеи. На случай ее успешного воплощения мы перекатали из санитарной зоны три бочки, чтобы ограничить ими траекторию вылетевшего шара. А то он начнет гулять по лабиринтам непредсказуемо, может и нам задницы подпалить. Двумя бочками мы ограничили фрагмент коридора длиной метров двадцать, в центре которого зиял огнедышащий проем. Третью бочку приготовили у самого входа в комнату, чтобы закрыть его, если шар соизволит вылететь.

Когда все было готово, я встал у проема и начал ждать, когда шар удалится на более или менее безопасное расстояние. Ждать пришлось долго, но в конце концов, петляя между колоннами, шар забился в дальний угол и начал тыкаться между стеной и колонной. Лучший момент трудно было придумать. Я рванул вперед, морщась от палящего жара, подскочил к бочке и повалил ее на себя. Горячая она была, будто из геенны огненной, но я приспустил рукава куртки и воспользовался ими вместо перчаток. Бочка с грохотом рухнула, а шар выбрался из временной западни и полетел точнехонько на меня. Стало жарко. Очень. Но ждать второго, столь удачного момента не было времени, поэтому я изо всех сил пнул бочку, и она выкатилась в коридор. Сам я рванул следом, перепрыгнул через нее и с криком “Жмем!!!” рванул вперед. Артема не надо было уговаривать, он припустил следом. Мы перепрыгнули через нами же установленную бочку и, пробежав еще метров десять, перевели дух.

Шар не вылетел. Видимо, на этом участке траектории не попал в проем. Однако, по моим расчетам, рано или поздно он должен был это сделать. Плохо было только то, что если мы не закроем вход в комнату, шар снова может туда попасть и открыть бандитам дорогу нам в тыл. Поставить же бочку на место можно будет только в том случае, если шар вылетит. Дилемма сложная, я понимал. Ведь не будешь же ждать за углом, когда шар с температурой в несколько тысяч градусов продефилирует мимо тебя!

И тут он вылетел!

– Ну, ты пиротехник, – с удовольствием отметил Артем. – Голова!

– Он обратно может залететь, – остудил я его. – Если не закрыть вход.

– И как ты собираешься это сделать? – удивился он.

– С огромным риском для жизни, – ответил я.

Объяснять ничего не хотелось. Я просто скинул рюкзак, чтобы повысить маневренность и скорость, дождался, когда шар направится к дальней бочке, запрыгнул в огороженный нами участок и с такой скоростью бросился вперед, что жилы затрещали. Моя скорость была где-то втрое больше, чем скорость шара, поэтому он подлетал к дальней бочке в тот момент, когда я оказался у проема и задвинул его бочкой. И тут же рванул назад. Шар за мной. А силы у меня не резиновые, дыхалка тоже. Да и вообще Зона не очень благотворно влияет на здоровье. В общем, на обратном пути он начал меня догонять. Волосы на затылке нагрелись и запахло паленой курицей. Но это, естественно, сил мне прибавило. А когда на мне все же вспыхнула куртка, я перепрыгнул через бочку, бросился на пол и перекатился по нему к ногам Артема. Тот быстро сообразил, что надо делать, и сбил пламя. Шар же отразился от бочки и двинулся в обратный путь. Теперь он из коридора точно не выберется.

– Вот это препятствие! – довольно потер руки напарник. – Как ты сам?
– Как рождественский гусь после духовки.
– Вставай! – Он подал мне руку и помог влезть в лямки рюкзака. – Теперь строим баррикады.

И мы взялись за дело. Времени было в обрез, поэтому мы вспотели, пока таскали бочки, фрагменты металлических ограждений и ящики. Свалив все это в кучу, мы устроили в баррикадах две удобные стрелковые ячейки, из которых можно было вести огонь как вперед, так и назад. Такую конструкцию мы предусмотрели на случай, если бандиты все же обойдут нас с тыла, несмотря на огненный шар, выпущенный в коридор. Теоретически, сбив бочки, они могли заставить шар гулять по всему лабиринту коридоров. Это удлинило бы его траекторию, он мог бы уйти в какой-нибудь закоулок и открыть путь противнику.

Когда все было закончено, я сказал:

– Почту проверь. Не ответили там твои?

Артем покопался в компьютере, но быстро ответил:

– Интернета здесь нет. Подземелье.

Я сплюнул. Но тут уж ничего не попишешь.

– Ты хоть дал им координаты?

– Конечно, – кивнул напарник. – Все написал.

– Значит, они отреагируют, когда смогут. Тогда нам надо продержаться часа три.

Мы выпили по банке энергетического напитка, и почти сразу прозвучал далекий взрыв – сработала первая растяжка, оставленная нами у двери.

– Прорезали, – спокойно прокомментировал Артем.

Мы снарядили снайперские винтовки и несколькими выстрелами пристреляли их по тому месту, где были расположены “Жарки”. Я подумал, что в создавшейся ситуации они обе не лишние. Сверху раздалась беспорядочная стрельба. Скорее всего, после взрыва бандиты решили, что атакованы, и открыли огонь из-за двери, еще не входя внутрь большим отрядом. Стреляли долго, что говорило о не слишком высоком интеллектуальном уровне их главаря или, что тоже могло быть правдой, о серьезности их намерений и о сверхдостаточности стрелковых средств. Похоже, они пробираются вперед серьезным штурмовым подразделением, собираясь уничтожить все на своем пути. В другом месте, не в Зоне, это им, скорее всего, удалось бы. Но тут нужно учитывать и другие факторы. Например, аномалии. Хотя их что учитывай, что нет – сделать с ними все равно ничего нельзя, только обойти. Просто мы, волею случая, получили очень добротное естественное прикрытие.

Минут через десять прозвучал второй взрыв – сработала растяжка внизу лестницы. Судя по времени между двумя взрывами, противник успел сгруппироваться и сосредоточиться, а это означало, что граната, подорванная в гуще бандитов, нанесла им серьезный урон. Как бы там ни было, они снова открыли огонь. Причем на этот раз уже слышался не только грохот пальбы, но и визги близких рикошетов. Чтобы их раззадорить, мы ответили из автоматов: тратить патроны к снайперам было накладно. Подействовало. Такая бессмысленная перестрелка продолжалась минут пять, не меньше. Только мы поучаствовали в ней всего несколькими короткими очередями, а противник шквалом огня. Представляю, сколько они взяли с собой патронов, чтобы чувствовать себя комфортно при такой тактике. Но сколько их ни бери, все равно расходовать надо экономно. Не собираются же они потратить на нас двоих весь свой боезапас.

И снова мое чутье подало мне странный сигнал в виде промелькнувшей мысли: “А не много ли чести – тратить столько усилий и средств на двух сталкеров?” Ну ладно, вопрос престижа, я понимаю. Мы учинили бандитам небольшой разгром, а они в отместку посчитали делом чести нас уничтожить. Вполне в рамках их мотиваций. Но не в том случае, если наше уничтожение обойдется им дороже нашего первого вторжения! А счет наверняка уже идет именно таким образом. До проникновения в подземелья лаборатории мы с Артемом уничтожили около двадцати бандитов. Теперь же в операции против нас они, еще нас не видя,

уже потеряли не меньше двух человек на первой растяжке и не меньше четырех на второй. Это уже четверть от первоначальных потерь.

И тут же новая мысль ударила меня, как хлыстом. Зачем бандитам вообще спускаться вниз? Имея газовый резак, куда проще и дешевле было бы не резать дверь, а наоборот – заварить нас наглухо, и мы сами бы окоchuрились тут с голоду через недельку. И престиж был бы соблюден, и потерь удалось бы избежать. Еще и на заваренной двери написать: “Так будет с каждым!” Но они так не поступили. И трактовать это, на мой взгляд, можно было только одним образом: ими движет не стремление отомстить, а что-то другое. Например, желание взять нас живыми или хотя бы добраться до наших трупов. А раз так, то необходимо разгадать причину их действий. От цены вопроса во многом зависела наша дальнейшая судьба, поскольку, только поняв мотивации нападающей стороны, можно было прикинуть, на что она готова в плане усилий и средств по претворению своего плана в жизнь.

Я всерьез задумался, но никакого ответа в голову не приходило. Нет, не то чтобы совсем не приходило. Даже, напротив, ответ возник раньше, чем я начал анализировать происходящее. Но... Нет, нельзя сказать, что он был невероятным. Скорее он настолько подтверждал многие из моих подозрений, что я невольно ужаснулся, мысленно сжался и выкинул все мысли из головы. На фиг! Если продолжать думать в том же направлении, то можно надумать такого, что впору самому застрелиться, а не ждать, когда до этого дойдут руки у бандитов. Но все же я собрал волю в кулак и додумал цепочку мыслей до конца. А складывалась она следующим образом: сомнительно, чтобы бандитам настолько нужен был я, а значит, из нас двоих им нужен, скорее всего, Артем, но я не знал, какую ценность он мог представлять для них, выходит, я не знаю о нем чего-то важного, он что-то от меня скрывает и скрывает, и половина его рассказов, если не все, могут оказаться легендами, придуманными для простачка-сталкера, а на самом деле он меня просто использует в какой-то непонятной мне, а значит, скорее всего, совершенно невыгодной мне афере, и, может, он вообще не ученый, потому что с какой стати ученому бродить по Зоне в свитере, да и трусоваты ученые, и любой ученый, представься ему такая возможность, сразу запросил бы помощь военных, а не отлынивал бы от этого, и с чего я взял, что он ученый? Потому что бандиты о нем так говорили? И с чего я взял, что мы идем добывать чудо-артефакт стоимостью в миллион долларов?..

Эта цепочка мыслей окончательно меня деморализовала. Я ощутил себя крысой в норе, которую обложили со всех сторон, а второй выход из норы заперт. И стало мне так жалко себя, что я чуть не заплакал. Ну, надо же было так лохануться! А все жадность! Проще всего развести именно жадного человека. Пообещай ему миллион, и он отдаст последнее в надежде его получить. Все лохотронщики, все строители финансовых пирамид пользовались именно этим принципом. И все жертвы их – люди жадные, польстившиеся на легкий выигрыш или на заведомо выгодный процент. И ведь я это знал! А сам влип, как голодная муха в повидло. И жизнь моя с этой минуты будет стоить меньше самого дешевого лотерейного билета.

Была бы возможность, я бы прямо сейчас послал Артема в задницу, забрал бы у него купленное снаряжение и занялся бы своими делами – сбором артефактов и сбытом их торговцу. Ну и другими мелкими приработками. Но такой возможности не было – впереди бандиты, позади бронированная дверь. Хотя...

В голову мне пришла новая мысль. Более продуктивная, чем немедленная попытка вывести напарника на чистую воду. Зачем? Ведь сам Артем собирался извлечь пользу из нашей экспедиции. И пользу немалую, судя по той целеустремленности, с которой он стремился вперед, несмотря на все опасности и трудности. Мне следует узнать его тайну, понять, чего он хочет на самом деле, а уж потом разбираться. И, скорее всего, в этой афере найдется выгода и для меня. По крайней мере, узнав тайну Артема, я смогу прищемить ему хвост и взыскать честную плату за свои усилия.

Решив остановиться на этом варианте, я почти успокоился. Обида и жалость к себе ушли, зато осталась отменная боевая злость.

Через несколько минут в зоне видимости показались первые противники. Они и опомниться не успели, как мы встретили их снайперским огнем из двух стволов. Били в голову, на

дистанции в пятьдесят метров, не оставляя себе права на промах. Бандиты двигались достаточно плотным строем, поэтому мы с ходу уложили человек пять, прежде чем они поняли, что нарвались на хорошо поставленную оборону. Они отпрянули и залегли, ведя беглый огонь, но пули, долетавшие до нас, лишь звонко щелкали в металлические конструкции баррикады. Сообразив, что к чему, противник принялся спешно сооружать укрепления, но их надо было ставить на разумной дистанции, иначе и по нам огонь вести не получится. Так что бандюки катали бочки и таскали ящики в сетках наших прицелов, ежесекундно теряя одного бойца за другим.

Честно говоря, я думал – отступят. Поймут, что у нас слишком выгодная позиция для обороны, и отступят. Будут брать измором и осадой. Но уже минут через пять стало ясно – никто не собирается отступать. Бандиты укреплялись и готовили плацдарм для массированного штурмового прорыва. Не жалея сил, боеприпасов и живой силы. Это было поразительно. Ну какую ценность могут представлять для них два сталкера? Артем? Но сколько же тогда должна стоить его тайна, если за нее готовы платить такую цену? Миллион? Или больше?

От этих мыслей моя меткость только улучшилась. Артем же и вовсе бил спокойно, ритмично, не тратя понапрасну ни одной пули. Поэтому, когда опустел магазин его тридцатизарядки, можно было уверенно сказать, что мы проредили ряды бандитов минимум на тридцать бойцов. Но поскольку и я не попусту потратил пятнадцать зарядов, то потери противника были много больше.

Вскоре бандюки сообразили, что стрелковой тактикой нас не взять, выдвинули вперед обладателей автоматов с подствольниками и начали бить гранатами. Были бы наши баррикады чуточку ближе, нам бы пришлось несладко, но на пятьдесят метров граната из подствольника летит по очень крутой параболической траектории, поскольку скорость у нее дозвуковая. И получалось, что верхняя часть этой параболы лежала выше, чем потолок коридора. Пущенные точно по прицелу гранаты попадали в потолок примерно в тридцати метрах от нас, их взрывы могли нанести урон только самим бандитам. Тогда бандиты начали стрелять гораздо более настильно, но теперь гранаты, пролетая под самым потолком, не набирали нужную высоту траектории и падали с недолетом до нас метров в двадцать.

Это усложняло ситуацию, поскольку мелкие фрагменты насеченной стальной пружины, используемые в качестве полуготовых осколочных элементов, били хоть и недалеко, и несильно, но получать в лицо такой шрапнелью не хотелось совершенно, даже с учетом двух “Маминых бус” на поясе. Так что приходилось отслеживать выстрелы из подствольника и успевать пригибаться за металлические щиты баррикады. Это снизило эффективность, а точнее, плотность нашего огня. Противник это сразу почувствовал и начал выдвигать передние боевые порядки. При этом их выстрелы ложились все ближе к нам, и вскоре баррикада начала ощутимо шататься от каждого взрыва.

– Развалят к псевдособакам! – прорычал я.

– А я что? – пожал плечами Артем. – Делаю, что могу! Они же высунуться не дают.

Честно говоря, мы в пылу боя сами немного подзабыли о своих главных козырях. А вспомнили лишь через полминуты, когда передний гранатометчик нарвался на “Жарку” и вспыхнул, как факел. На нем была не прорезиненная сталкерская куртка, а обычная, бандитская, кожаная со вшитыми броневыми пластинами. Поэтому бандит через секунду рухнул и скорчился на полу. Двое, находившиеся в непосредственной близости, тоже получили серьезные повреждения и надолго потеряли всякую боеспособность.

Мы схватились за автоматы и, еще не видя противника за столбами гудящего пламени, начали молотить вдоль коридора короткими очередями. Использовать снайперки сейчас было бы совершенно глупо, а вот накрыть боевые порядки противника мощным автоматным огнем никогда не мешает. В любом случае кого-то мы точно зацепили, это уж без всяких сомнений. Ошарашенный противник затих и отступил на ранее занимаемые позиции.

– Сработало! – довольно заметил Артем, снова берясь за винтовку.

Я последовал его примеру и прильнул к прицелу. Видно никого не было, лишь мелькали пятна света от фонарей за наспех построенными баррикадами. А через минуту, когда бандиты очухались, они открыли по нам шквальный неприцельный огонь. Вот это оказалось по-настоящему жестко – не высунуться. Сколько стволов плевались в нас свинцом, трудно было представить, нам пришлось залечь и слушать непрерывный визг рикошетов. Иногда, отскочив от потолка или от стены, шальная пуля била в спину через бронежилет и защитное поле “Маминых бус”. Неприятно, надо сказать. Я перевесил артефакты на грудь, чтобы максимально поднять поле и защитить голову. Возникло ощущение, что нам противостоит не только банда Борова, которую мы с самого начала не слабо проредили, а целая коалиция банд. И это было странно, поскольку для создания такой коалиции понадобилась бы очень веская причина – главари редко дружили между собой.

Я покосился на Артема. Он ведь не мог не анализировать происходящее. И я тоже не зарекомендовал себя дураком. Как он считает, о чем я думаю? И готов ли ответить на вопросы, когда я их задам?

Но прежде чем их задать или ответить на них, нам надо выбраться. А ощущение создалось такое, словно численность бандитов, несмотря на наш успешный огонь, не уменьшается, а лишь прибавляется. И ясно было, что при таком упорстве и при таком неэкономном расходовании средств бандиты рано или поздно найдут способ нас выкурить. В конце концов задавят массой. У нас патронов для винтовок оставалось примерно по сто пятьдесят на каждого. То есть это около двухсот пораженных целей. А дальше?

К беспорядочной автоматной и ружейной стрельбе начали прибавляться взрывы гранат – и ручных, мощных, оборонительного действия, и к подствольнику. Первые били жестко, не хуже пуль, да еще и глушили. У них эффективный радиус поражения до двухсот метров. Это не шуточки. Снова загудела активированная “Жарка”, и раздался вопль. Ага, все же пытаются продвинуться дальше. Но это им дудки. С этим они ничего сделать не смогут.

Но я ошибся. У них тоже головы не опилками набиты. Минуты через три опять полыхнуло пламя “Жарки”, но вопля мы не расслышали. Честно говоря, сам я значения этому не придал. Ну, мало ли людей погибало молча? Артем вроде бы тоже. А дошло до нас только тогда, когда мы получили прямое попадание гранаты из подствольника в баррикаду. Шарахнуло так, что у меня в глазах помутнело, а передние листы металла, так эффективно отражавшие пули, подняло до потолка и опустило на нас.

– Ставь их снова! Быстро! – закричал Артем.

Шквальный огонь продолжался, грохот стоял немыслимый, визжали рикошеты повсюду, так что я не понял, как вообще возможно что-то сделать в такой обстановке. Но Артем смело встал во весь рост, дважды пальнул из снайперки, а потом бросил ее и начал устанавливать на место металлический лист. Я не понимал, что происходит, почему пули в него не попадают. А понял лишь тогда, когда напарник, кое-как приляпав один лист, снова спрятался за баррикадой. И тут же пули замолотили в наше укрытие, визжа и вышибая снопы щепок из ящиков.

– Они посадили гранатометчика в металлическую бочку, – поделился Артем своими наблюдениями. – И катнули ее через “Жарку”. Он прокатился по коридору, вылез и с короткой дистанции дал нам прикурить. А шквальный огонь в это время вели высоко над его головой, чтобы не угрожать. Поэтому я и успел загасить урода, поправить лист и спрятаться. Но они уже перевели огонь ниже, снова не высунешься.

– Ну, тогда нам капец, – прикинул я. – Бочек в этом подземелье больше, чем дерьма в выгребной яме.

– Ничего, выкрутимся. Снаряжай подствольник! – крикнул напарник.

Не понимая, что он задумал, я достал патронташ с выстрелами к гранатометному комплексу и сунул гранату в ствол. Артем же в это время принялся разгребать баррикаду изнутри, и в конце концов между ящиками и фрагментами металлических ограждений образовалось нечто вроде амбразуры для стрельбы.

– Гаси их сразу, как только начнут выскакивать из бочек. Не давай приблизиться на расстояние точного выстрела, – сказал он.

Это было понятно. Сам он сделал такую же амбразуру для себя и залег перед нею. Я достал из рюкзака еще одни “Мамины бусы” и повесил ему на броник поближе к лицу.

– Три штуки приостановят и пулю, пущенную точно в башку. Отделаешься серьезным сотрясением мозга.

– Спасибо, – кисло улыбнулся он.

И тут началось. Полыхнула “Жарка”, и через нее выкатились целых три бочки. Я встретил их короткими очередями из автомата, а когда высунулся первый стрелок, Артем мигом уложил его из снайперки. Я пальнул из подствольника, когда показались двое других, граната рванула между ними, уложив одного и ранив другого. Добить его Артем не успел – нас накрыли таким плотным автоматным огнем, что пришлось отползти от импровизированных амбразур.

– Все равно дело дрянь, – сплюнул я в сторону.

– Вижу, – кивнул Артем. – Но у меня есть идея. Отстегивай свои “Бусы” и давай сюда.

– За каким? А я?

– А ты сиди за бочкой и не высовывайся. И автомат с подствольником дай сюда.

Я не стал ему перечить. План Артема был не так дурен, я уже понял, в чем его суть. Потому что я не шутил, когда рассказывал о “Маминых бусах”, потому что пять артефактов на бронике – это серьезно.

Артем выскочил из-за баррикады и рванул вперед под шквальным огнем. В него трижды попали сразу, сбили с ног, но он поднялся и зигзагом снова двинулся вперед. Добравшись до середины коридора, он выпустил остаток магазина из автомата, а затем начал одну за одной пускать гранаты из подствольника. Когда ушла пятая, от шквального огня остались только редкие беспорядочные выстрелы. Тут уж высунулся и я, схватил его автомат и начал прикрывать отход Артема огнем. Выстрелы со стороны противника стихли. Тогда Артем в качестве контрольной меры швырнул гранату оборонительного действия, залег, а после взрыва рванул обратно. Я видел при вспышке, как разлетелись в стороны остатки вражеских баррикад и несколько тел.

Артем перелез через ограждение и присел рядом со мной. Броник его зиял рваными дырами в нескольких местах – пули повредили внешнюю ткань. Со лба текла кровь.

– Влепили в лоб, гады, – сквозь зубы прошипел напарник. – До сих пор в глазах фейерверк. Но все же крутая штука эти “Мамины бусы”.

– Когда их много, – уточнил я. – А много их бывает очень редко. Пока добудешь хоть одни – упаришься.

– Очухаются они не скоро. – Артем смахнул с лица кровь и выглянул через баррикаду.

Я обработал ему глубокую царапину выше брови и намотал бинт на голову. Он стал похож на заправского красного командира из фильма тридцатых годов.

– В следующий раз твоя очередь, – добавил он, и перецепил на меня все “Мамины бусы”.

Я вздохнул и полез за КПК. Было интересно, сколько вообще бандитов находится в радиусе обнаружения. Но оказалось, что проверить это не так просто. КПК, взятый у погибшего ученого, работал под новейшей операционкой, а потому запустить доморощенную программу на нем не удалось. Я начал мудрить с установками, попробовал перевести дату назад, это иногда помогает, и как только сдвинул число на две недели назад, у меня на экране высветилось сообщение, отправленное ученому по внутренней почте в то время.

– Ёшкин хлыст! – не удержавшись, выкрикнул я. – Смотри!

Я сунул машинку Артему под нос, но в этот момент со стороны противника раздался рев реактивного двигателя, и в нашу баррикаду угодила ракета из “РПГ-7”. Рвануло так, что у меня чуть кишки наружу не вывернуло, а Артему, понятное дело, досталось сильнее, поскольку “Маминых бус” на нем в тот момент не было. Последнее, что я помню из этого эпизода – как я лежу на спине, а на меня сверху падают обломки нашей баррикады.

Глава 5

В которой у Артема и Лемура кончается полоса невезения, и они благодаря случаю выходят из совершенно безвыходной ситуации

Советский гранатомет “РПГ-7” – штука страшная. Он пускает реактивную гранату с внушительным зарядом взрывчатки, которая действует по кумулятивному принципу. Паспортная бронепробиваемость такого заряда – восемьсот миллиметров, то есть фактически он может пробить любую броню, да еще с приличным запасом. Осколочное действие минимальное, но зато фугасное более чем приличное. Да и осколков хватает, только не от самой гранаты, а от разнесенных ею в клочья металлических листов.

Словом, с одного выстрела нам досталось как следует, и повторения не хотелось. Благо у “РПГ-7” достаточно низкая скорострельность – длинную гранату надо засунуть в трубу пусковой установки, потом прицелиться и нажать кнопку электропуска. За то время, пока бандит перезаряжал свою адскую машинку, я успел прийти в себя, сбить пламя с одежды Артема и потащить его за шиворот по коридору. Необходимо было куда-то свернуть, иначе следующая ракета может довести начатое до конца. До нашего, разумеется. Компьютер, выбитый из рук Артема ударной волной, я не стал искать – не было времени. Но жизненно важную информацию, которая столь случайно и столь счастливо на нем обнаружилась, я запомнил накрепко. А информация была такая: “Приветствую вас, коллега. Можете приступать к выполнению своих обязанностей. Ваш личный код доступа для цифровых замков 3467”.

Артем был в сознании, пялился в потолок, пока я его тащил. Просто его так прилично контузило, что самостоятельно двигаться он пока не мог. И говорить, похоже, тоже не мог. Но это временное явление.

За спиной прогрохотал еще один взрыв. Меня швырнуло на пол ударной волной, но я поднялся и снова взялся за живую ношу. Кроме того, в Зоне было нерушимое правило – оружие и снаряжение нельзя бросать ни при каких обстоятельствах. Потому что спасенная жизнь без него все равно не будет стоить ровным счетом ничего. Так что я тащил Артема с его рюкзаком, за плечами болтался мой, а другой рукой я волок за ремни два автомата и две снайперки.

Когда начал приходить в себя, одну разрядил и бросил – у нее был взрывом разбит прицел.

Наконец я ввалился в помещение, из которого убегал влево коридор, заканчивающийся заветной бронированной дверью. В нее продолжали колотить изнутри, так что я не спешил открывать ее. Надо было подумать, что делать дальше.

– Эй! – я шлепнул Артема по щеке. – Ты как вообще?

– Кажется, мне пипец... – одними губами прошептал он.

– Фига-с-два. Не дожدهшься.

– У тебя есть код от двери? – спросил он чуть более внятно.

– Да. Только там кто-то очень большой и, судя по всему, до крайности агрессивно настроенный.

– Но он один. А бандитов немерено. Открывай.

– Стремно! – признался я, глядя, как ходит ходуном тяжеленная дверь.

Но надо было решаться. Я зарядил гранату в подствольник, сменил магазин автомата и набрал код на замке. Дверь клацнула и отворилась. За ней показалось довольно обширное помещение с металлической лестницей, ведущей в зал, заставленный компьютерной техникой. И никого. Ни рычаний, ни страшных фигур. Вообще ничего. Чисто.

– Хрень на палке, – хмуро произнес я. – Может, оно тихо притаилось за углом?

– Гранату... – прошептал Артем. – За угол. Оборонительную...

Я сорвал у него с пояса “Ф-1”, швырнул через порог и запер дверь. Садануло внутри будь здоров, аж труха с потолка посыпалась. Я снова набрал код и заглянул в открывшееся помещение. Никого. И никакого тела тоже не было. Тогда я решительно схватил Артема за

шиворот, перетащил через высокий металлический порог, подтянул оружие и снова запер дверь. Теперь уже изнутри.

– Ушли? – спросил Артем.

– Ну, на какое-то время. Хотя из “РПГ” они в дверь бить не будут, коридор слишком короткий, самих накроет. Но у них есть газовый резак.

– Я знаю.

– Так что если северный выход из Х-18 является современной легендой Зоны, то можно всерьез задумываться о следующей реинкарнации.

Оставив Артема, я начал исследовать помещение. Ничего похожего на документы, затребованные барменом, или на выход я не нашел. Оставалось только подняться по лесенке и обследовать серверный зал. Но стоило мне туда сунуться, как в лицо мне шарахнуло высокотемпературным пламенем. Я соскочил со ступенек, думая, что снова влип в “Жарку”, но тут же ощутил за спиной движение. Обернулся и обомлел – на меня летел такой же искристый шар, какой представлял собой полтергейст, но не синий, а огненно-красный. И все на его пути превращалось в гудящее пламя.

Рефлекторно я отскочил с его траектории, но, сделав крутой боевой разворот, шар снова устремился на меня. И тут, совершенно для меня неожиданно, грохнула автоматная очередь. Шар метнулся в сторону, и это помешало ему попасть точно в меня. Я рванул к стене, и тут снова саданул автомат – двумя короткими очередями и одной длинной. Шар вспыхнул и пропал.

Я обернулся в сторону лежавшего у двери Артема и увидел, что у него в руках исходит сизым масляным дымом автомат с подствольником.

– Ни фига себе ты стреляешь в таком состоянии! – потрясенно воскликнул я.

– Я в любом состоянии стреляю примерно одинаково, – спокойно ответил напарник. – Иначе это умение вообще ни к чему.

И я понял, что он не хвастается. Просто констатирует факт. Так вот, запросто. И я ему за это сразу оптом многое простил. Еще не зная, что именно, но уже понимая – этот человек, во-первых, непрост, а во-вторых, у него есть какая-то очень важная цель. Потому что именно такие, твердые, как камень, люди ставят перед собой невыполнимые цели и достигают их. А в-третьих... Артем чем дальше, тем больше вызывал у меня уважение. И если он что-то скрывает от меня, значит, на то имеются очень серьезные причины. Архисерьезные. И я решил пока не донимать его. Просто приглядеться и понять, что к чему. По каким-то мне самому непонятным признакам я понял, что Артем меня не обманет. Точнее, не обманул. Ну, насчет миллиона. Хотя дело было даже не в миллионе. Наверняка он выдал мне очень искаженную информацию. И я даже предполагал почему. Потому что правде я бы попросту не поверил, такой невероятной она могла оказаться. Но та часть информации, которая была в тот момент важна для меня и касалась моей выгоды от экспедиции, он, скорее всего, донес достоверно. По крайней мере, в плане конечного результата.

Но я ощутил в себе и еще кое-что. Вот тут, за чудом открытой дверью, я вдруг понял, что помогу Артему вне зависимости от конечного результата. Просто потому, что он таков, каков есть, а значит, его цель того стоит. Какой бы она ни была. И сколько бы она ни сулила, в случае достижения. У меня в голове сформировалась совершенно банальная, почти пошлая мысль, что не все можно мерить деньгами. Что ценность жизни измеряется не тем, моешься ли ты в обычной ванне или в джакузи, катаешься ли ты в “БМВ” последней модели или в раздолбанном “жигуленке”. По сути, ценность проживаемой жизни равна тому, сколько стоишь ты сам. Сам по себе, без всякой там навесухи. И копеечная надпись на скрижалях Истории может иногда стоить больше, чем миллион. И Форд крут не миллиардами на счетах, а тем, что создал технологию автомобилестроения для всего человечества. Вот и вся арифметика.

Я взял с пола автомат, поднялся по металлической лесенке и осмотрел небольшое помещение, уставленное компьютерами. На столе лежала папка с документами. Обычная

картонная папка. Я сунул ее в рюкзак. И еще из этого помещения куда-то в неизвестность убежал коридор. Куда-то дальше, на север.

– Артем! – позвал я. – Тут есть выход. Не знаю, ведет ли он наружу, но... И еще я нашел папку с документами.

– Отлично, – ответил он заметно окрепшим голосом. – Помоги мне подняться!

Встал он почти без моей помощи. Я перевесил на него парочку “Маминых бус”, а он обхватил меня за шею, и мы, так вот, пошатываясь, отправились в дальнейший путь. Миновав серверную комнату, мы углубились в коридор и вскоре набрали сначала на ведущий вверх пандус, а потом на многоярусную бетонную лестницу с грузовыми пандусами по бокам. Она вывела нас в шахты систем охлаждения на северном краю территории насосной станции. Тут царило запустение и безлюдие. Мы осторожно выбрались из люка шахты и некоторое время полежали в траве, глядя на плывущие в небе мохнатые тучи. Артем помог мне перебинтовать голову, и я тоже стал похож на красного командира.

Бетонный забор был повален. Я забрал у Артема свой старый компьютер, сориентировался по GPS и взял курс на дорогу, которая вела к бару со стороны Дикой Территории. На базе “Долга” нам надо было сделать две вещи – продать бармену документы и залатать противорадиационный костюм. Для продажи или для использования, я пока не знал точно. Потому что если бармен заплатит за документы много, то можно будет и новенький подыскать. А если мало, то разберемся. Но тогда это будет поводом для ответного свинства. В Зоне редко прощают подставы, иначе тут вообще нельзя было бы жить. Даже когда дело касается торговцев.

Дорога, по которой нам предстояло вернуться на базу, огибала Темную Долину с севера и выводила не к тому входу, через который мы прошли со стороны блокпоста, а к северному, ведущему на Дикую Территорию. Обычно я старался держаться от нее подальше. Бандитов там, правда, меньше, но зато там властвуют сталкеры из группировки “Свобода”, которые очень не любят, когда покушаются на их честь. А еще севернее, ближе к центру, местность контролирует сталкерская религиозно-боевая группировка “Монолит”. Эти фанатики вообще стреляют во все, что движется, и верят, что ни одна живая душа не должна добраться до легендарного Монолита, иначе всему миру придет пипец. Я в эти суеверия не особенно верил, а монолитовцев не любил сильно. Потому что, на мой взгляд, убивать за идею куда больший грех, чем за деньги.

Правда, сама Дикая Территория начиналась дальше, за воротами, а мы намеревались просто подойти с северного края к долговской базе. Но после предыдущего глубокого рейда, в котором я добыл два “Сверла”, само слово “север” вызывало у меня недобрые ассоциации. Этой же дорогой я не ходил вовсе – не было необходимости. Какой смысл обходить Темную Долину, чтобы попасть в логово Борова? Смысл оказался, только когда понадобилось выбраться из логова Борова. И вот теперь мы топали по совершенно незнакомой мне местности. И местность эта с каждым шагом нравилась мне все меньше. Во-первых, погода испортилась, пошел мелкий моросящий дождь. Во-вторых, довольно часто стали попадаться пятна повышенной радиоактивности. Не то чтобы сильной и уж, понятное дело, не смертельно опасной, но само учащение щелчков дозиметра действовало мне на нервы и ухудшало работу всех систем организма. И еще: по обе стороны от дороги виднелись десятки покосившихся, посеревших от времени и сырости деревянных крестов. Когда-то тут пролегал путь тех, кто первым рвался на север Зоны. Рвался, еще ничего толком не зная о Зоне, не имея детекторов, защиты, да и оружия нормального тоже. А потому огромное количество сталкеров банально задрали слепые псы, сворами бродившие здесь в те времена. Их слабо вооруженным жертвам попросту не хватало огневой мощи и навыков, чтобы отстреляться. Потом тварей повыбили, но все равно в этих местах их осталось намного больше, чем на юге или у кордонов. Судя по всему, они тут как раз и плодились – места безлюдные, бедные на артефакты, сталкерам тут делать было бы нечего, если бы не путь дальше, на север. На труднодоступный север, откуда приносили такое, что у торговцев и ученых волосы на голове дыбом вставали. Смех заключался в том, что туда почти не могли пробиться не только

сталкеры, но и научники, да и военные тоже, несмотря на их численность, оснащенность и боевую мощь. Труднодоступность севера была многогранной, ее нельзя объяснить одной-двумя причинами. Ну, понятное дело, что зон радиоактивного заражения ближе к Припяти и Саркофагу больше, чем в других местах. И там уже голышом не попрыгаешь, да и в сталкерской куртке тоже. Там нужен либо костюм с замкнутым циклом дыхания, либо хорошо подобранный набор артефактов, снижающий воздействие радиации процентов на тридцать-сорок. Вторая опасность, вполне понятная, но не менее грозная – ребята из “Монолита”. Они на путях, ведущих на север, поставили укрепления, насадили снайперов с дальнобойными драгуновскими винтовками, у них имелись карты радиоактивных заражений, аномалий и прочих препятствий. Они там чувствовали себя, как рыба в воде, а остальные попадали под их прицелы в довольно незащищенном состоянии. Но главное было даже не в этом. Существовало еще несколько препятствий с оттенком мистики, обросших легендами и небылицами. Но что бы о них ни говорили, они не давали пройти на дальний север почти никому из сталкеров. Лично я не забирался так далеко, чтобы почувствовать их на себе. Хотя... Есть ведь и не прямые, а вторичные признаки, проявлявшиеся даже там, где я нашел два “Сверла”. Что-то там было. Что-то зловещее и непонятное. Например, я видел двух зомби. Это точно. Вроде бы сталкеры сталкерами, но с настолько неадекватным поведением, что вспоминать страшно. И еще... Там встречаются призраки. Вреда от них мало, хотя, конечно, страшновато. И было там кое-что еще, чему я до сих пор не могу найти объяснения.

Я, когда вернулся из того северного похода, долго анализировал произошедшее. И пришел к выводу, что там имеет место некая давлежка на мозги. Потому что не может быть того, что я видел. Не может. Законы физики никто не отменял. А это значит только то, что меня по-черному глючило. И всех там глючит. И все было бы ничего, если бы эти галлюцинации не убивали. Но они настолько реальны, так мощно воздействуют на все органы чувств, что организм на биологическом уровне начинает верить в происходящее. И умирает, когда ему кажется, что его убивают. Иначе я не смог объяснить происходившее со мной. На том и поставил точку. И решил на север больше не ходить. Слишком сильная это встряска для нервной системы. Боюсь, что ее не окупить даже всеми артефактами Зоны.

Но, как ни крути, а в экспедиции, организованной Артемом, нам все же придется углубиться на север. И миллион – наверное, единственное, что может служить для меня стимулом к походу туда. Хотя теперь уже нет. Появились еще два стимула. Первый – любопытство. Зачем туда идет Артем? Ну, явно не за своим миллионом. Не такой он человек, это я уже понял. И мне до чертиков стало любопытно, что его манит в такое трудное и опасное путешествие. Второй стимул – помочь ему. Ну, сверх денег. По дружбе, что называется. Ребячество? Может быть. Но иногда всем нам в жизни не хватает здорового отвяза. Правда, этот отвяз трудно было назвать здоровым, но какой уж представился.

Мы часто останавливались. Я давал Артему отдохнуть и отгонял многочисленные своры слепых псов, чтобы не приближались к нам слишком близко. Нередко приходилось стрелять, но автоматные и винтовочные патроны я попусту не тратил, бил из пистолета, когда твари приближались метров на тридцать. От выстрелов они разбегались в разные стороны.

Иногда я вытаскивал КПК и сверялся с имеющейся на нем информацией. На самом деле в таких глухих местах сталкерами устроено немало тайников. В них редко бывает что-то особо ценное, но я старался всегда, когда найду жмурика, сливать координаты его тайников к себе на машинку. А потом проверять время от времени. Вот и сейчас, как и ожидалось, чуть в стороне от дороги синим кружочком на карте обозначился тайник. Приписка к метке гласила: “Оставил хабарец под бревном у старой могилы”.

– Как ты? – спросил я Артема.

– Лучше и лучше, – ответил он. – Но шарахнуло круто, как веслом по башке со всей дури.

– Сможешь отстреляться от слепых псов, если попрут? Мне надо в сторонку отойти.

– Отлить, что ли? – усмехнулся он.

– Иди ты... Тут тайничок припрятан метрах в пятидесяти от дороги.

– И что в нем?

– Судя по записи – хабарец.

– Давай-ка я лучше с тобой. Мне легче протопать лишних сто метров, чем уворачиваться от клыков этих тварей. Координация у меня еще не того.

– То-то я видел, как ты стреляешь с подорванной координацией! – усмехнулся я. – Кто огненный шар сшиб?

– Это я из последних сил, – отшутился напарник. – Знаешь, как в старых советских фильмах.

Мы свернули с дороги, но из-за камней послышался лай очередной своры. Пришлось изготовить автоматы к бою, потому что, судя по звуку, псов было много, из пистолетов не отстреляться. С другой стороны – это не повод, чтобы не проверить тайник.

Мы обошли группу больших камней и увидели несколько покосившихся крестов, а чуть левее свору примерно из тридцати особей. Я дал по ним пару коротких очередей, раздался визг, и две собаки повалились в траву. Остальные бросились врассыпную. Лишь одна направилась в нашу сторону на атакующей скорости, но Артем четкой “троечкой” сбил ее метрах в двадцати от нас.

Рядом с ближайшим крестом валялось давно упавшее дерево. Координаты совпадали, так что я тщательно обследовал бревно и нашел под ним сверток. В нем были две коробки патронов к штурмовому автоматнo-гранатометному комплексу “Гром”, на который я все жалел денег, и артефакт “Золотая рыбка”. Штука спорная. С одной стороны, она работает как “Мамины бусы”, создает вокруг тела пулезащитное поле, но с другой – радиоактивная, зараза. Долго на поясе не потаскаешь. Упакована она была в противорадиационный контейнер, но в таком виде к использованию непригодна – все поле в контейнере и оставалось. А распечатывать... Не люблю я радиацию. Хотя что со мной делаю. Но было у “Золотой рыбки” еще одно важное достоинство – стояла она до фига. Говорят, ученым ее можно впарить тысяч за пять. Так что глупо упускать такую возможность. Да и бармен, при всем его шкуродерстве, даст нормальную цену. Патроны я тоже взял. Несмотря на отсутствие “Грома”, их можно было в пропорции один к трем обменять на автоматные. А это тоже экономия средств.

– “Гром” – это вещь! – мечтательно заявил Артем.

– Мне он без надобности, – отмахнулся я. – Я стараюсь избегать стычек. Одни расходы. И в плане патронов, и в плане времени.

– Какой ты меркантильный, – скривился напарник.

Я прибрал хабарок, и мы вернулись к дороге. Но метров через триста снова пришлось с нее сойти – по ходу движения были плотно натканы аномалии и фонило прилично. Я сверился с картой. Впереди нас ждал Т-образный перекресток. Прямо дорога вела на какой-то заброшенный хутор, а дальше во владения группировки “Свобода”. Направо – в бар, на базу долговцев. В общем-то, мы были почти на месте. Но тут кое-что изменилось, в значительной степени изменив и наши планы. В небе раздался клекот вертолетных турбин.

– В укрытие! – скомандовал я. – Вон кусты. Залечь и не двигаться!

Мне пришлось помогать Артему – бегать он еще не мог. Пришлось повалить его на землю и тащить до кустов волоком. Я устал и вспотел, но это, как показывала практика, того стоило, потому что на вертолетах над Зоной летают только вояки. Или ученые в сопровождении вояк, что в принципе одно и то же.

– Ты чего? – лежа на спине, спросил Артем.

– Того. Любой сталкер в Зоне – потенциальная мишень для военных. Они имеют право стрелять без предупреждения, потому что по закону периметр нельзя пересекать без специальных разрешений.

– Неужели стреляют? – наивно удивился он.

– Еще как, – кивнул я.

Вертолет медленно двигался ниже туч. Почти над нами. Было отлично видно его камуфляжное брюхо и подвесное ракетное вооружение. На наше благо днем пилоты редко пользовались инфракрасными системами обнаружения, потому что от солнечных лучей они портились, когда включены. Так что кусты в принципе были довольно надежным укрытием. Надо было только не шевелиться.

– Чего он плетется, как черепаха? – прошептал я, боясь вздохнуть лишний раз.

И тут, как назло, винтокрылая машина и вовсе зависла в воздухе на одном месте, всего метрах в пятидесяти от нас.

– Там ученые, – предположил Артем. – Замеры какие-то наверняка делают.

– Чтоб их... – в сердцах произнес я.

Неизвестно еще, какие замеры и какими приборами. Как засекут нас, будет тогда развлекуха по полной. По большому счету, против вертолета у меня был только подствольный гранатомет. Но выстрел к нему – не ахти какой эффективности снаряд против бронированного летающего чудища, дышащего керосиновым перегаром. Вот из “РППГ-7” его можно снять в два счета при попадании под винты, где турбины. Но таскать с собой шестнадцатикилограммовую дуру, да еще выстрелы к ней, я считал нелепым. Им одним все равно от собак не отстреляешься, еще автомат с патронами таскай. А артефакты тогда как тащить? Каждый по полкило, блин.

Минута текла за минутой. Похоже, Артем был прав – научники делали какие-то замеры. Для севера Зоны это было неудивительно – их тоже мучил вопрос, что же не дает туда пройти. В мистику они не верили, а потому все проблемы пытались решить своими приборами. Я не был уверен, что они на верном пути. Слишком страшно было на севере. Слишком страшно, чтобы это можно было объяснить рациональными причинами. Но сам я, чтобы не двинуться крышей, тоже взял себе за правило верить в некое гипотетическое излучение, действующее на мозг людей и внушающее им страшные, очень правдоподобные галлюцинации. И ничего удивительного не было в том, что монолитовцы такие трехнутые – они большую часть времени проводили на севере. И им это наверняка нравилось. Как наркоманам нравится лизать галлюциногенные марки. Меня же и от того, и от другого с души воротило.

– Застряли, – сказал я, глядя на зависший под тучами вертолет.

И тут же услышал лай большой своры слепых псов. Кажется, той, которую мы видели около тайника.

– Мать вашу... – испугался я. – Этого только не хватало!

Похоже, демаскировка нам обеспечена по полной программе. Но вообще-то разницы не было никакой – попасть на обед слепым псам или погибнуть от пущенной с вертолета ракеты или пулеметной очереди. А ситуация сложилась так, что мы автоматом получали либо то, либо другое. Других вариантов не было. Если собаки нападут, нам придется от них отстреливаться. Тогда вояки нас заметят и уничтожат. Если же не отстреливаться, то собаки сожрут.

– Ну и дела, – побледнев, произнес Артем.

– Вот теперь нам точно капец! – Я зажмурился, чувствуя холод неотвратимой смерти. За все время моего пребывания в Зоне она еще никогда не подступала так близко и неотвратимо. Всегда оставалась возможность борьбы. Даже когда я зацепился курткой за проволоку, я мог отстреливаться от собак. Тут же беспомощность была полной. Полной и окончательной. И на меня накатила паника.

– Ну улетайте же! – горячо прошептал я. – Улетайте!

Надаться на то, что собаки пробегут мимо, глупо. Чутье у них отменное. Не только обоняние, но что-то еще, может, телепатическая способность, может, что еще более запредельное. Но они даже аномалии обходили весьма эффективно, почти никогда в них, в отличие от псевдособак, не попадая.

Псы нас почуяли и припустили, не слыша выстрелов.

– Может, из пистолета шмальнуть? – спросил Артем. – Внутри вертолета за воем турбин не расслышат выстрел.

Я кивнул. Артем достал “ПММ”, а я выставил ладони над срезом ствола, чтобы сверху случайно не заметили вспышку выстрела. Только грохнуло, я включил радиосканер, надеясь понять по эфирным переговорам, что происходит у вояк.

– База, я Ветер пять! – прозвучало на радиоволне. – Контрольный выход. У нас все в норме. Очкарики обещают возиться еще минут пятнадцать.

– Принял, Ветер. Посматривайте там кругом. Собак только не стреляйте, не позорьтесь перед ботаниками.

– Тут только слепые. Свора, штук тридцать. Двигается вдоль дороги по направлению к укреплениям “Долга”. – Ну и пусть наведут там шороху.

Выстрел Артема заставил псов рассредоточиться, но направление они не поменяли. У меня создалось впечатление, что они чувствовали безвыходность нашей ситуации и перли напролом. А может, изголодались твари в безлюдных местах, готовы рискнуть жизнями ради добычи.

Когда до них осталось всего метров тридцать, я не выдержал и потянулся за автоматом. Мне показалось, что смерть от клыков тварей будет более мучительной, чем от крупнокалиберной очереди, разрывающей человека в клочья. Впервые в жизни мне пришлось выбирать смерть, а не способ не столкнуться с нею.

Артем кивнул с пониманием и тоже передернул затвор. Мы залегли поудобнее и взяли псов на прицел. Чтобы создавать по возможности меньше грохота, мы, не сговариваясь, перевели флажки предохранителей на одиночный огонь. С такой дистанции одно попадание гарантированно снимет тварь, так что бить очередями в высшей степени неразумно. Когда осталось пятнадцать метров, мы открыли огонь, за несколько секунд поразив пять собак. Свора тут же разделилась на два рукава и начала обходить нас с флангов.

– База! Я Пятерочка! – раздалось в эфире. – Тут из кустов кто-то палит по слепым псам! Огонь автоматный. Наверняка сталкеры. Вальнуть?

– Добро. Только пулеметом, использовать ракеты запрещаю.

– Держи собак! – крикнул я Артему. – Очередями бей, не время экономить патроны!

Сам я загнал выстрел в подствольник и взял вертолет на прицел. Он бодро развернулся на месте и устоял в нас крупнокалиберным пулеметом. Я выстрелил, но граната лупанула вертолет в борт по касательной, отлетела и через долю секунды рванула уже метрах в трех от брони, не причинив никакого вреда мелкими противопехотными осколками. Однако это заставило пилота поменять позицию – он, не спуская с нас стволов, стал двигаться боком, описывая широкий полукруг. Я начал спешно запихивать в подствольник следующую гранату, но в этот момент по нам ударила крупнокалиберная очередь. Земля под ногами затряслась, словно от проходящего рядом товарного поезда, а вокруг, метра на два в высоту, взлетели фонтаны земли, листьев и клочьев травы. Одна пуля влупила мне под ступню, я рухнул на спину, дозарядил подствольник, но не успел прицелиться, как раздалась еще одна очередь. Не знаю, как там Артема, а меня она окончательно деморализовала. Я даже не помню, когда у меня из рук выпал автомат с подствольником. Только услышал, как над ухом ухнул гранатомет, но и второй выстрел, отрикошетив от брони, взорвался далеко от турбин или пилотской кабины. Артем начал перезаряжаться, но я уже чувствовал, что следующей очередью нас разнесет в клочья. Напарник загнал выстрел в подствольник, вскинул автомат к плечу, но не успел выстрелить, как турбины вертолета озарила яркая вспышка. Одна из них заглохла, и я увидел вырывающийся из нее дым и красное керосиновое пламя.

Винтокрылая машина, довольно быстро теряя высоту, начала производить боевой разворот, но не на нас, а куда-то в сторону складских пакгаузов, расположенных метрах в двухстах, почти у самой долговской базы. Там, я знал, находился давно занятый бандитами железнодорожно-погрузочный узел. Артем пальнул в хвост вертолету, но тот уже был далеко, граната описала крутую параболу и взорвалась на земле.

– База, я Ветер пять! – прокричал в эфире пилот. – Атакован со стороны ж.-д. узла! Попадание ракеты в турбину! Горю!

С неба ударило несколько коротких крупнокалиберных очередей.

– Совершайте посадку, Ветер! Высылаем подмогу! Очкариков беречь, как себя!

– Принял, База!

Мощности одной турбины вертолету не хватало, он продолжал двигаться в сторону железнодорожной станции, снижаясь под углом почти сорок пять градусов. Я вскочил на ноги, и в этот момент на нас с двух сторон напали слепые псы. Мой автомат был у Артема, а

его валялся непонятно где, поэтому я выхватил пистолет и начал отстреливаться. Твари кидались группами по четыре-пять особей, я бил в голову, но не всегда попадал. Приходилось постоянно пятиться, но некоторые подсакивали сзади и норовили ухватить за слабое место – снизу за внутреннюю сторону бедра. Артем отбивался спокойно – вертелся и колотил короткими очередями без промаха. Я наконец разглядел в траве его автомат, но одна собака все же разодрала мне штаны и ляжку, пока я его поднимал. Но зато с автоматическим оружием дело пошло легче. Через минуту вокруг нас валялось штук двадцать собачьих тел. У меня сильно кровоточила нога, Артем прижимал пальцами прокушенную вену на руке. Мы запыхались, вспотели, а сердце у меня едва не выскакивало от пережитых нагрузок и бурных эмоций. Мы уселись в траву и помогли друг другу остановить кровь, наложить повязки и вколоть обезболивающее.

– Вовремя его завалили, – выдавил из себя напарник. – Интересно, кто?

– Монолитовцы или бандиты, а может, наемники. Больше некому, – ответил я. – Долговцы не стали бы. У них тут база. Вояки в отместку сровняли бы их с землей, не жалея ресурсов. А так терпят, не хотят связываться с “ПЗРК”, которых у долговцев до фига. Но кто бы это ни был, я его теперь люблю.

– База, я Ветер пять! – раздалось из динамиков сканера. – Сел на железнодорожном узле! Сильный пожар, провожу эвакуацию! По нам непрерывно ведут плотный огонь, срочно высылайте помощь!

– Принял! Готовим вертолет!

– Тут не высаживайтесь, они из “РПГ-7” лупят. Противозенитные “свечки” не помогут. Выдвигайте штурмовую группу!

– Принял, Ветер. Какова численность противника?

– Не меньше двадцати человек. Оружие мощное, есть снайперы с “СВД”.

В эфире слышался грохот непрерывной стрельбы.

– Не бандиты, – уверенно заявил я. – Они почти не используют “СВД”. Да и другого мощного оружия у них нет. И незачем им связываться с вояками попусту. Наемникам тоже резона нет атаковать. У них материальный интерес. Сугубо. Скорее всего монолитовцы.

– А им что за радость?

– Фанатики, – пожал я плечами. – Им не нравится, что научники тут разведывают проходы на север. Стерегут легендарный Монолит.

– Понятно, – напарник почесал макушку. – Выходит, засада.

– Может быть. Разведка у “Монолита” неплохо работает. Вообще там парни серьезные. Предпочитают мощные, дальнобойные стволы и реактивные гранатометы.

И тут же сканер сменил волну, уловив сигнал на другой частоте.

– Внимание, говорит профессор Круглов!

Я вздернул брови от удивления. Почему он вышел на своей частоте, а не с передатчика вояк?

– Внимание всем! – продолжал надрываться голос. – Мы атакованы наемниками. Всех, кто может помочь, прошу о немедленной помощи. Имею возможность отблагодарить материально. Обещаю, в случае спасения, предоставить безвозмездно противорадиационный костюм!

– Заткнись, очкарик! – прервал его другой голос. – И слушай сюда. Никто из долговцев за твой сраный костюм задницами рисковать не станет. А вояк мы срежем, я тебе обещаю. И возьмем тебя за жабры раньше, чем подоспеет подкрепление...

– Вперед! – скомандовал я.

– Что? – удивился Артем. – Ты с ума сошел?!

– Вперед! – Я вложил в этот окрик всю волю, какая у меня оставалась. И первым рванул в направлении упавшего вертолета.

– Что вам нужно? – спросил Круглов.

– Результаты ваших замеров. Передашь, останешься жив и дождешься военных. Нет, я буду из тебя жилы по одной вытягивать.

– Хрен вам, а не результаты моей работы! – надорвавшимся голосом ответил профессор. – Ребята, сталкеры! Да ответьте кто-нибудь!

Несмотря на раненую ногу, я, наверное, установил личный рекорд в скорости преодоления средних дистанций. Артем топал сзади.

– Оставь себе подствольник! – хрипло выкрикнул я на бегу. – Я буду работать снайперкой.

– Ты сдурел! Там двадцать человек и снайперы!

– Там не только противорадиационный костюм! – осадил я его. – Там возможность втереться в доверие к ученым. И сбывать хабар им, без шкуродера-бармена.

Добравшись до железнодорожного узла, мы залегли за бетонной платформой и осмотрелись. Впереди догорал вертолет. Укрывшись за ним, трое военных вели плотный огонь, еще трое валялись рядом. На моих глазах снайпер поразил еще одного. За бетонными плитами двое ученых в оранжевых противорадиационных костюмах отстреливались из длинноствольных “ПМГ” с глушителями. Смех на палке.

Я прильнул глазом к прицелу снайперки и оценил силы противника. Трое наемников засели на четвертом этаже пакгауза и били из снайперских винтовок. Еще с десятков залегли за дальней платформой под товарными вагонами и вели шквальный автоматный огонь. Среди них потери были больше, чем у военных. Я насчитал не менее семи поверженных тел.

В любом случае у нас было серьезное преимущество, поскольку противник о нас ничего не знал и при грамотном ведении боя примет потери, учиненные нами, за результат деятельности военных. Я решил начать со снайперов, поскольку остальных военные довольно эффективно удерживали в два ствола, прикрывшись вертолетной броней.

В сетке моего прицела снайперы были видны как на ладони. Я перевел винтовку в режим одиночного огня, прицелился в одного и выжал спуск. Пуля попала в цель, но, остановленная бронежилетом, только заставила наемника отползти вглубь. Тогда я перевел прицел на второго и произвел два выстрела один за другим. Из окна вывалилась винтовка. Есть!

Третий был мне виден почти в профиль, так что я целился точно в голову. Но промахнулся – пуля прошла выше, выбив из бетонной стены пыль рикошета. Я хотел сделать поправку, но снайпер перекатился и спрятался от меня за бетонной колонной. Тогда я начал пускать одну пулю за другой, видя только ствол его винтовки. Пыльные фонтанчики рикошетов вылетали из пола, из колонны и из стены. Наконец у наемника не выдержали нервы. Он не понимал, откуда я бью, поэтому просто решил сменить позицию. Но стоило ему приподняться и высунуть спину, я точным выстрелом попал ему в бок, не защищенный пластинами броника. Снайпер затих. Но первый, укрывшись довольно ловко, вел эффективный огонь, оставаясь невидимым для меня.

– Понял, куда я бью? – спросил я Артема.

– Да, – ответил он.

– Глушани его из подствольника.

– Граната предпоследняя, – предупредил напарник.

– Плевать! Делай, что говорю!

Он пальнул, граната взорвалась внутри помещения, выбив стекла вместе с оконными рамами. Наемник вскочил и бросился за угол. Ему надо было сделать около четырех шагов, но я взял упреждение и послал пулю точно в цель. Она попала ему в броник, откинула к стене, что дало мне возможность поймать в прицел голову, пока он очухивался от удара. На всякий случай я пустил одну за другой три пули. Две снова попали в броник – крепкий, зараза! Третья в стену.

Сообразив, что для неизвестного снайпера он, как на ладони, наемник бросился на пол и пополз. Я видел только часть прикрывающего его спину бронежилета.

– Уйдет! – процедил я сквозь зубы. – Артем, гранату по пехоте! Они за платформой.

– Вижу.

Артем загнал последний выстрел в подствольник и очень метко послал заряд в цель. Видно было, как одно из тел взлетело в воздух выше платформы, а два других разлетелись в стороны. Я взял автомат и добавил огня. Из-за вагона выскочил еще один наемник с трубой “РПГ-7” в

руках. Я не успел схватить снайперку, пустил три короткие очереди из автомата, но дистанция была большой, а противник бежал зигзагами. Промахнулся. Наемник укрылся за колесом товарного вагона и шарахнул из своей реактивной долбилки. Ракета пробила вертолетную броню и сильно глушанула оставшегося военного. Ученые залегли и начали расползаться. Наемник сунул в ствол еще одну гранату и снова выпустил ее в вертолет. Военный рухнул на землю и попытался ползти, но его доби́ли из автоматов.

– Ну, мы и ввязались! – с упреком произнес Артем.

– Если выживем, окупится! – ответил я.

На последнем слоге мне в грудь попала пуля из снайперки, поэтому он получился скомканным. Уж не знаю, что было бы без “Маминых бус”, а так меня откинуло назад с такой силой, что помутнело в глазах. Но Артем не растерялся, схватил мою винтовку и, стоя в полный рост, выпустил одну за одной четыре пули.

– Готов! – выкрикнул он.

Но тут и его заметили. Сразу накрыли огнем из нескольких стволов. Я сменил магазин и дал две автоматные очереди, прижимая противника к земле. Но из-за вагонного колеса, теперь уже в нас, с шипением устремилась ракета. Несмотря на это, Артем снова вскочил на ноги и тремя выстрелами поразил гранатометчика раньше, чем ракета достигла нас.

– Ложись! – крикнул он, падая.

Я вовремя сообразил, что на нем двое “Маминых бус”, а на мне трое. Перекатившись, я накрыл его своим телом. Граната долбанула в непосредственной близости, сильно меня оглушив, но осколок попал в спину только один, да и то его энергия была погашена защитным полем. И радовало то, что больше ракет в ближайшее время не будет – гранатометчик валялся возле колеса не двигаясь.

Поднявшись и ползком сменив позицию, мы сосредоточили весь огонь на оставшихся за платформой наемниках. Я отдал Артему оставшиеся “Мамины бусы”, что дало ему возможность применить великолепную тактику – он вскакивал на платформу и с высоты долбил из снайперки, несмотря на пулевые попадания в броник.

Противник сообразил, что тут что-то не так, и принялся отступать, переползая под вагонами. Я за это время умудрился срезать одного очередью. Остальные ушли за пакгауз.

– Надо выдвигаться, – сказал я, переводя дух. – А то потеряем всякое преимущество, если они вернуться.

Короткими перебежками, от одного укрытия к другому, мы добрались до сгоревшего вертолета и минуты три предавались самозабвенному мародерству, обчищая трупы военных. Нашлось много чего хорошего, но прежде всего мы с лихвой восстановили запас потраченных в бою боеприпасов. Нашлись и патроны для автомата, и полтора десятка выстрелов к подствольнику.

– Эй! – окликнул нас сзади голос, искаженный переговорным устройством костюма с замкнутым циклом дыхания.

Я обернулся. Передо мной стоял ученый в оранжевом комбинезоне. В руке он держал “ПМГ”, а лицо его было скрыто темным дымчатым стеклом шлема.

– Спасибо за помощь, – сказал он. – Поговори с профессором Кругловым.

– А где он? – спросил я.

– Там, за плитами. Мы его укрыли от пуль.

– Понятно, – кивнул я и направился к избитому пулями бетонному забору.

Круглов был одет в такой же комбинезон, но зеленого цвета. Это была усовершенствованная модель костюма, у меня аж слюнки потекли. У этого скафандра, иначе не скажешь, кроме всех его замечательных качеств, еще и пуленепробиваемость выше всяких похвал. В таком костюме по Зоне можно гулять как по бульвару. А от собак отбиваться прикладом, а не тратить на них пули.

– Здравствуйте, – поприветствовал меня Круглов. – Э-э-э-э...

– Лемур, – помог ему я.

– Ах да. Лемур. Спасибо за помощь.

Я промолчал.

– Н-да... – Он хотел потерять переносицу, но наткнулся рукой на затемненное стекло шлема.

– Мы с напарником услышали ваш призыв о помощи, – решил я быстрее перевести разговор в нужное русло.

– Понятно, понятно. Э-э-э... Насколько я понимаю, вам нужен спецкостюм.

– Вы понимаете совершенно верно.

– У нас на “Янтаре” организован бункер-лаборатория. Мы с профессором Сахаровым занимаемся там очень узкими исследованиями...

– Побезопаснее места не нашли? Там же уже зомбаки встречаются.

– Да. Зомби... Любопытные процессы в организме. Любопытнейшие. Частично мы их и исследуем. Точнее, пытаемся исследовать то, что их порождает.

– Вот как? – заинтересовался я.

– Да. И мы производили замеры... Когда попали в эту неприятную ситуацию. В бункере вы сможете взять свой костюм. Я не шутил.

– Переться на “Янтарь”?! – вспыхнул я.

– Тут ведь недалеко.

– В Зоне расстояния меряются не километрами, а трудностью прохождения!

– Вы, безусловно, правы, – кивнул шлемом Круглов. – Но костюм там. Наши костюмы в значительной степени повреждены. – Он показал на груди и плече встопорщенную от попаданий пуленепробиваемую ткань. К тому же... К тому же, дорогой мой Лемур, если вы меня проводите, то можете получить больше, чем просто костюм. У профессора Сахарова огромный бюджет. И он испытывает недостаток в опытных и смелых э-э-э сотрудниках.

– Понятно. Мне надо переговорить с напарником.

– Пожалуйста. Но времени у нас мало. Боюсь, что напавшие на нас люди перегруппируются и попробуют взять реванш.

Я оставил Круглова и рассказал обо всем Артему. Он выслушал меня с интересом.

– “Янтарь”, говоришь? – улыбнулся он. – Забавно. Зомби.

– Это не забавно, – поправил я его.

– Ну, может, я не совсем точно выразился. Нам все равно надо пробираться на север. Артефакт, за которым мы снарядили экспедицию, находится там. И было бы весьма недурно иметь столь мощный плацдарм, как бункер ученых, если мы с ними договоримся.

– Ты говоришь так, словно сам не из их числа! – жестко произнес я.

Он призадумался, но после паузы вернулся к главной теме:

– По мне, так с ними недурно было бы подружиться.

– А документы бармену?

– Понимаешь, я считаю, что бункер Сахарова может стать для нас превосходным промежуточным укрытием по пути на север. Покажи мне карту.

Я достал КПК и вывел на экран карту зоны.

– Ага... – Артем внимательно ее осмотрел. – Смотри, “Янтарь” находится отсюда не так далеко. Чуть дальше, чем бар, только в другую сторону.

– И что? Там зомбаков полно.

– По дороге туда мы расчистим путь. Возвращаться будет легче. Зато у нас на руках окажется один новый костюм и один поврежденный, из X-18. Мы сдадим все бармену, вернемся в бункер, подготовимся, а потом двинем сюда. – Он ткнул стилем в карту. По моим расчетам, артефакт там. И по дальности это в два раза превышает расстояние отсюда до бункера. Понимаешь? Мы имеем редкую и счастливую возможность получить великолепный перевалочный пункт, где можно подкупить необходимое или выменять на найденные по пути артефакты.

– Логика есть, – прикинул я. – Мотаться за патронами в бар вдвое дальше. К тому же долговцы – заразы редкие. Могут и денег за вход потребовать.

– Вот-вот, – закивал напарник. – А ученым рабочих рук и ног не хватает. Да и вообще чужими ногами по Зоне-то оно лучше, сам понимаешь. С ними можно будет сговориться всерьез и надолго.

– К тому же ты сам из них, – подколот я. – Тебе легче будет договориться.

Он это съел. Но я все больше утверждался в мысли, что он такой же научник, как я дочь Эйнштейна. Не сходились концы с концами во всем его поведении. В любом случае мы сошлись во мнении, что Круглова до “Янтаря” следует проводить. Иначе не стоило так яростно ввязываться в схватку с наемниками. Хотя я с самого начала должен был понять, что Круглову без вертолета придется топтать ножками до “Янтаря”. А ученые не особенно любят длинные рейды по Зоне, особенно без научной необходимости и без военной поддержки.

Подумав о военной поддержке, я вспомнил о том, что с базы собирались вызвать подмогу. Почему Круглов их не ждет, а обратился ко мне? На то могло быть несколько вариантов. Первый – он пообещал мне костюм и намеревался отдать. А костюм в бункере. Понятно, что в одной компании с военными мне не ужиться. Грохнут. И он об этом подумал. Второй вариант – он сдрейфил. Бойтся, что наемники начнут повторную атаку раньше, чем прибудут военные. Тем более что вертолетов-то не слышать. И решил смотаться до их прибытия. Третий вариант простой – в горячке событий Круглов забыл о подмоге со стороны военных. Четвертый еще проще – он и не знал, что командир экипажа вызвал подмогу с базы. В этом случае ему лучше и дальше не знать об этом. А то передумает того и гляди. И плакал тогда мой костюмчик, заработанный в честном бою.

Вернувшись к профессору, я сообщил ему о нашем решении.

– Тогда надо выдвигаться, – сказал он. – Дорогу к “Янтарю” знаете?

– У меня карта и GPS, – ответил я. – Собирайте своих людей.

На сборы не ушло много времени – уже через две минуты я, Артем, Круглов и двое его уцелевших коллег спрыгнули с платформы и гуськом пересекли железнодорожные пути. Все научники были вооружены пистолетами, поэтому по ходу движения мне пришлось обчистить три трупа и раздать очкарикам автоматическое оружие. Вряд ли они могли хорошо им пользоваться, но для плотности огня, если что, сойдет. Я двигался впереди колонны, за мной Круглов, потом его коллеги, а замыкал отряд Артем. Он взял мою снайперку, с которой, как выяснилось, обращался ловчее меня, а я полностью снарядил автомат с подствольником. И тут, за рельсами, я неожиданно увидел еще одно тело. Это был наемник, которого сняли военные до нашего появления, потому что из этой точки огонь по нам никто не вел. А рядом с телом... Рядом с телом лежала превосходная автоматическая винтовка “ГРС-301”. Мой “АК-47” она превосходила почти по всем показателям. Ну, уж по мощности, дальности и точности боя – с гарантией. При том же калибре. Патрон, правда, другой, тот, который шел для снайперки, перешедшей к Артему. Но и надежность у нее была ниже, чем у “калаша”. Особенно в условиях Зоны. К тому же у нее не было подствольника, поэтому автомат бросать нельзя. Я остановился, достал из перегруженного рюкзака обрез двустволки и выкинул вместе с патронами, снаряженными картечью. Всё, перерос. Из него удобно мочить кабанов-мутантов и бандюков в подземельях, когда встречались, но тут, на севере Зоны, требовалось переосмысление огневой мощи. Тут и опасности другие, и местность, и противник куда более оснащенный. С ружьем тут прыгать – собак смешить. Да и с автоматом тоже можно было бы расстаться, если бы не подствольник и не куча патронов к нему. Тут нужно оружие, способное поражать противника не куда-то, а в голову метров с пятидесяти устойчиво, а то и со ста. Иначе жизнь станет тягостной и очень короткой. Тут выживали сталкеры, вооруженные хорошо и имеющие средства это вооружение обслуживать, менять и снабжать боеприпасами. Остальных, вроде меня, Зона выдавливала на юг. Вот и мне пришел срок поменять уровень. Видимо, так.

Хотя, с другой стороны, хорошо вооружались и сдвигались на север тут те, кому Зона нравилась. Кто не представлял жизни за ее пределами. Ну, вроде тех же монолитовцев, обретших здесь свою святыню, или сталкеров из “Свободы” – эдаких пиратов-анархистов, которым не нравятся законы гражданской жизни. Я не относился ни к тем ни к другим,

поэтому обосновываться в Зоне не думал, на вооружение деньги не тратил, берег на светлое будущее. Они ведь были, деньги. Но мне в голову не приходило купить на них “Гром”, к примеру, с которым я, при моей стрелковой подготовке, мог бы проходить сквозь десятки противников. Пугала даже не столько цена на сам “Гром”, сколько цена на патроны к нему и маленькая вероятность того, что они отыщутся у поверженного противника. Над каждым выстрелом по минуте думал бы. Но тут все иначе. Когда против тебя выходит боец с “Громом”, а тут такие, я уже понял, будут, придется брать что-то адекватное. И патроны у поверженных противников тут тоже найдутся. Потому что по эту сторону долговской базы у всех оружие на порядок лучше.

Винтовка оказалась в неплохом состоянии, что порадовало. Из нее без всякой оптики можно поражать цели с дистанции в двести, а то и в триста метров, а со ста лупить в голову, когда противник засел в укрытии и не бегаёт. Находка меня порадовала. Жаль только, эта штука без оптики. За углом пакгауза мы заметили еще одного мертвого наемника с такой же винтовкой. Похоже, вперед, к платформе, они выдвинули молодняк с автоматами, а ветераны били издалека, из “ГРС-301”. Следовательно, они отошли без особых потерь, а это означало, что встреча с ними нам, скорее всего, еще предстоит.

Артем тоже довооружился, прибрав к рукам трофейную винтовку. Заодно к ней у поверженного противника оказались две пачки патронов, которые мы радостно поделили. Это было уже кое-что. Подумав, мы решили избавиться от одного автомата. Бросили тот, что без подствольника. Всё таскать с собой попросту невозможно. По дороге могут попасться, я уже понял, и более ценные штуки. А автомат тут не обладал такой ценностью, как по другую сторону долговской базы. Пожалуй, он имел тут такой же статус, как ружье на юге. То есть занимал нижнюю нишу огневой мощи. А это означало, что его можно подобрать на каждом шагу.

Миновав станцию и оказавшись между депо и складскими помещениями, мы сгруппировались плотнее, чтобы никто не отстал. Но дальше нам предстояло пересечь весьма неприятное место – узкий проход между сетчатым забором и высоким бетонным зданием. В этом коридоре, попади мы под прицел, всем пришлось бы туго. Поэтому, уже не экономя автоматные патроны, я прочесал кусты впереди несколькими очередями. Никто не ответил. Тогда я придержал остальных и ползком выдвинулся к углу здания, чтобы заглянуть за него и оценить обстановку.

Нас действительно ждали, но не в кустах, как я предположил поначалу. Противник занял куда более выгодную позицию среди бетонных плит за углом. Стоило высунуться, как наш отряд мигом прижали бы очередями к забору и отрезали путь к отступлению. А сидеть в простреливаемых кустах дураков не оказалось. Да, бойцы на северной стороне не в пример лучше тех, с кем приходилось сталкиваться на юге. Это вам не бандиты, только и умеющие мелочь из киосков вышибать и инкассаторов в городах грабить. Тут уже в людях чувствовался тактический и стратегический опыт ведения серьезных боевых действий. Вот почему вояки не спешили сюда соваться. Это было бы равносильно переходу границы вражеского государства. Техническая оснащенность наемников не хуже, а во многом и лучше, чем у военных. Не считая вертолетов, конечно. Хотя поговаривали, что у сталкеров из “Свободы”, которые тоже укоренились севернее “Долга”, есть танки. Мало, но есть. Не представляю, правда, как на них ездить, если кругом аномалии.

Несмотря на то что я старался быть осторожным, из-за плит меня сразу заметили и открыли такой плотный огонь, что я предпочел спрятаться. Но это наемников лишь раззадорило – двое выскочили из-за плит, бросились в траву и, двигаясь перекатом, лупанули очередями в коридор между забором и зданием. Мы оказались как в тире. Только в роли мишеней, а не стрелков.

Но тут, как ни странно, отличился профессор Круглов. Мы все бросились на землю, спасаясь от пуль, а он с криком: “Ура! Держите меня семеро!”, вскочил во весь рост и принялся поливать противника из автомата. Урона не нанес никакого, высадил весь магазин, но подавил врага психологически. Наемники от удивления опешили и, опять же перекатом,

ушли обратно под прикрытие бетонных плит. Я добрался до ученого и подсечкой под колени сбил в траву.

– Не высовывайся так! – прошипел я ему в ухо. – Твоя задница стоит для меня столько же, сколько противорадиационный костюм. Будь любезен держаться в тылу.

Артем прыснул смехом.

– Нечего прикалываться! – одернул я его. – Мы по уши в дерьме, а ты ржешь.

– Гранаты доставай, – тоном, каким бывалые говорят с салагами, посоветовал он. – Будем по очереди метать их навесиком за плиты. А вы, медноголовая братия, лупите из автоматов во все, что покажется. Кроме нас. Вам же, господин профессор, я рекомендую сменить опустевший магазин.

Все как-то сразу воткнулись, кто тут сейчас командир. Даже я воткнулся. От Артема струилась несгибаемая воля и такая уверенность, словно он с семнадцати лет полками командовал. А нынешняя стычка для него так, развлекуха. Мы достали из рюкзака спертые у военных гранаты оборонительного действия, сдернули кольца и метнули их за плиты. Сначала швырнул я. Тут же из-за плит донеслось:

– Осторожно, граната!

И наемники, числом человек пять, рванули в сторону. Через секунду туда полетела граната Артема. Я сразу понял его тактику – он решил, не жалея гранат, выгнать врага из укрытия. Тогда я метнул следующую гранату еще дальше, прямо в гущу отступающего противника.

Первая лимонка рванула за плитами, не причинив никому вреда. Но ни я, ни тем более Артем этого от нее и не ждали. Зато вторая долбанула уже недалеко за спинами убегающих, разом скосив осколками арьергард из двух бойцов. Не думаю, что насмерть, все же ребята в серьезных бронеках, но ноги высокоскоростными осколками им переломало будь здоров. Все же “Ф-1” – не праздничная хлопушка.

От третьей гранаты, попавшей в самую гущу отступающих, они бросились врассыпную, уже не заботясь о красоте тактики. При этом наши brave ученые под командованием Круглова встретили их ураганным огнем из трех автоматных стволов. Не очень прицельным, пули летели в основном над головами, поскольку стволы на длинных очередях задирали вверх, а короткими научники стрелять не умели. Но одного буйвола в черной униформе им завалить в траву удалось. Шарахнула граната, сбив отступающих, как кегли. Поднялись только двое, но мы с Артемом в секунду замочили их из новых мощных винтовок.

– Хорошая пукалка, – оценил оружие Артем. – После “калаша” вообще сказка.

– Так, хватит всем спать! – выкрикнул я. – Вперед! А то мы до “Янтаря” к вечеру не доберемся.

Мы поспешили проскочить опасное место, но стоило миновать плиты, как один из раненых наемников саданул нам в тыл из винтовки несколькими короткими очередями. Мы бросились в траву, но одного из ученых все же потеряли.

– Вот гад! – выкрикнул Круглов и принялся поливать из автомата уже более короткими очередями.

– Все, остынь, – посоветовал я ему, когда у него снова опустел магазин. – Кокнул ты его, успокойся.

Мы с Артемом ползком прочесали территорию и набрали немало патронов к новым винтовкам. Кроме них, мы с каждого тела сняли по две гранаты, обзавелись тремя выстрелами к подствольнику и добыли пять комплектов противорадиационной сыворотки. Я ощутил себя старателем, оказавшимся на Клондайке. Раньше подобные предметы обошлись бы мне в кругленькую копеечку, покупай я их у бармена или Сидора, а тут – три минуты боя. И собирай под ногами.

В прошлый раз я двигался на север по совершенно безлюдной местности, стараясь ни с кем не сталкиваться. Зато выжил и нашел два “Сверла”. Но теперь, в паре с Артемом, я прикинул, что, делая короткие вылазки на Дикую Территорию, можно на одном лишь оружии нехило нажить. Винтовка вроде той, какие мы обрели, стоила при покупке у сталкера тысячи три, а у бармена все двадцать. Впрочем, сейчас нам было не до того, чтобы собирать, а тем более

переть на себе до “Янтаря” валявшиеся в траве винтовки, но сама идея меня впечатлила. Не каждый артефакт за такие деньги отдашь. Во всем мире торговля оружием – один из выгоднейших видов бизнеса. И Зона, видимо, не стала исключительной территорией в этом плане. Хотя тут были и более экзотические приработки, о которых в других местах слыхом не слыхивали.

Но деньги деньгами, а пока нам, Артем прав, необходимо довести ученых до “Янтаря”, заручиться их доверием и обеспечить себе нечто вроде перевалочной базы по пути к центру Зоны и дальше, на север. Ясное дело, что она не повредит нам и в случае коротких вылазок за оружием и снаряжением, если всерьез вздумается их делать. И уж тем более не повредит противорадиационный костюм. Так что достижение “Янтаря” было важной тактической целью в комплексе еще более важной, стратегической цели – добычи обломка Монолита, если он существовал в действительности.

Мне в голову пришла интересная мысль. Даже если Артем меня наколол, я уже не в прогаре. Благодаря его сумасбродной затее у меня в рюкзаке лежат документы стоимостью уж точно больше десяти тысяч, даже в оценке бармена, рваный противорадиационный костюм, который можно толкнуть за двадцать, а то и за двадцать пять, после минимальной предпродажной подготовки, на руках новенькая, совершенно халявная винтовочка “ГРС-301” с хорошим запасом патронов, куча гранат, аптечек, антирада, а впереди маячила возможность получить новый противорадиационный костюм. Раньше для такого прибытка нужен был месяц, не меньше, если одними артефактами жить. Ну а чем еще жить на южной стороне?

Я прикинул, сколько бы сам попросил, если бы кто-то предложил мне за мою цену сопроводить его туда же, куда я сопровождал Артема. Вот сколько бы я запросил? Ну, тысяч сто, скорее всего. Да. Сотню. А тут одними костюмами уже выходил полтинник, плюс винтовка, плюс перспективы. Так поход только начался!

Вот ведь как иногда бывает! Возьмешься пахать на халяву, а получишь больше, чем если бы заломил цену. Но, вспомнив разные эпизоды своей жизни и рассказы о чужих, я призадумался еще больше. А не система ли это? Не тот ли получает больше, кто меньше хочет и требует?

Но додумать эту мысль нам не дали. Стоило нам пересечь так трудно отбитую у противника лужайку за бетонными плитами, как мы оказались в еще более сложном месте. Теперь нам предстояло выскочить на асфальтовую дорожку между двумя складами. Причем выскочить сбоку, как бы с Т-образного перекрестка. И наверняка асфальтовый пятачок, через который отсюда вел единственный путь к “Янтарю”, простреливался с обеих сторон по прямой, а возможно, еще снайперами сверху.

– Стойте! – крикнул я. – На дорогу не выскакивать! Рассредоточиться за ангарами! И не высовываться никому!

Никто спорить со мной не стал. Пригнувшись, мы шмыгнули между двумя алюминиевыми складскими ангарами и затаились там в полутьме.

– Дорога наверняка простреливается с двух концов, – сказал я. – Дураком надо быть, чтобы не использовать столь удобное место.

– Логично, – кивнул Артем. – Лучше бы поискать дорогу через чистое поле.

– Ее нет, – покачал головой Круглов. – Для обходного пути придется возвращаться дальше, чем был сбит вертолет, а потом по широкой дуге огибать железнодорожный узел. Затем карабкаться на очень крутую насыпь, входящую в систему железнодорожных сооружений. А с этой стороны в насыпи пробит бетонный тоннель.

– Понятно, – кивнул я. – Тогда надо аккуратно пробиваться тут.

– Вряд ли они засели очень уж большой толпой, – прикинул Артем. – Заметил, эти ребята предпочитают устраивать цепи мелких засад?

– Дальше засады устраивать негде, – сказал Круглов. – За углом склада начинается дорога, ведущая к тоннелю. Там почти открытая территория.

– Значит, могут посадить снайпера, – задумчиво произнес Артем.

– Нечего сейчас об этом думать, оборвал я их рассуждения. – Тут бы пробиться. А там поглядим.

Я снарядил подствольник, Артем дозарядил винтовку, и мы осторожно выдвинулись из-за ангара, оставив ученых в укрытии. Приблизились к дороге – никакой снайперской активности. Но почему-то это не порадовало, а встревожило.

– Смотри под ноги, – предупредил Артем. – Не нарвись на растяжку.

Пришлось утроить осторожность. Противник никак себя не проявлял, поэтому у меня возникла мысль как-то его спровоцировать. Чем я и поделился с Артемом.

– Когда не знаешь, что за углом, – усмехнулся он, – швыряй туда ручную гранату.

Мысль была дельной. Я сорвал с лимонки кольцо и, поднатужившись, как можно дальше перебросил ее через забор.

– Граната! – раздался слева окрик.

И тут же я получил пулю в броник. Причем высоко, почти в шею. Снова “Мамины бусы” выручили. Но с ног все равно сбило. По силе удара понятно было, что снайпер, но все же не с “СВД”. А то бы ключицу сломало точно.

Но у всего отрицательного есть и положительные аспекты. Так, рухнув на спину, я понял, что у меня в рюкзаке лежит взятая из тайника “Золотая рыбка”. Она хоть и радиоактивная, зато повышает пулестойкость. На себя я ее хрен нацеплю, а вот...

– В укрытие! – выкрикнул я, перевернулся и пополз за ангар.

В спину снова саданули. Артем ответил несколькими короткими очередями, вышибая окна на складе, но лично я сомневался в эффективности этой меры. Тут же попали и в него. Тоже сбили с ног, поэтому догнал он меня за ангаром на карачках.

– Плотненько, – скривился он. – Колотят из всех щелей.

– Если добраться до стены склада, снайперы будут не страшны, – сказал я. – Они не смогут стрелять вертикально, строго вниз.

– Ага, помечтай, – отмахнулся напарник. – Смотри, как гасят. Только держись.

– У меня есть “Золотая рыбка”, – напомнил я. – Ты можешь взять ее, она заменит тебе еще одни “Мамины бусы”. Получится по три артефакта на брата. Тебе я дам еще одни “Бусы”, ты под огнем стреляешь ловчее, тебе и переть вперед. Я прикрою. Но с такой экипировкой у нас есть шанс прошмыгнуть до стены.

– И поймать все пули, какие в нас соизволят выпустить те, кто на земле, а не в здании.

– А что делать?

– Не знаю. Если бы у нас было у каждого по пять “Бус”, то твой план имел бы шанс на реальное исполнение. А так... Слишком рискованно. Попадут в башку, и все.

Он был прав.

Пришлось снова показать голову из-за ангара, но снайперы не дремали. Артем же, хитрая зараза, засек по вспышкам выстрелов откуда бьют, выхватил у меня автомат и, не теряя времени, шарахнул по складу из подствольника. Дождем посыпались битые стекла, но вместе с ними на асфальт упала винтовка. Одним меньше.

– Сколько всего снайперов? – спросил я.

– Было трое. Осталось двое, – ответил он, снова снаряжая подствольный гранатомет.

Но, честно говоря, эта мелкая победа большого оптимизма во мне не вызвала. Зажали нас тут – это было понятно. Рвануть вперед означало попасть под перекрестный огонь. Да и сам рывок под огнем снайперов представлялся довольно проблематичным.

И словно в подтверждение моего пессимизма Артем выглянул, но в тот же момент в ангар рядом с его головой саданула пуля, выворотив изрядный кусок алюминия. Он сунулся обратно с хмурым видом и сказал:

– Хреново. Они посадили нового снайпера вместо убитого. Их там до фига.

– Что я и предполагал с самого начала, – грустно заметил я. – Даже если у них всего человек пять в запасе, мы замучаемся их выбивать. А намерения у них серьезные, им нужны результаты работы Круглова. Не пройти нам на “Янтарь”.

– Да, влипли, – наконец согласился со мной напарник.

Но, по всей видимости, находясь в лаборатории Х-18, мы исчерпали недельный запас невезения. Потому что в воздухе послышался клекот вертолетных турбин. Тут же с крыши склада шарахнули из двух “РПГ-7”, но в этот раз и военные были начеку. В ответ по складу резанули ракетами “воздух – земля”, мигом превратив половину верхнего этажа в груды развалин. В здании запылал пожар.

Я не успел опомниться, как ракетный удар повторился, на этот раз по фасаду склада. Рвануло так, что на нас сверху водопадом посыпались осколки стекла и бетонная крошка.

– Капец снайперам, – спокойно прокомментировал Артем.

Это было понятно и без его замечаний. А непонятно было, что делать дальше. С одной стороны, можно остаться с Кругловым и заручиться его поддержкой, когда нагрянут военные. Но тогда они организуют свой конвой для сопровождения профессора на “Янтарь”. И костюмчик отложится на неопределенное время. Как-то мне взгрустнулось от этой мысли. С другой стороны, можно, пользуясь замешательством противника, рвануть вперед, к заветному тоннелю в насыпи. Но тут мы рисковали вдвойне. Никто не гарантировал, что нас не накроют наемники. Даже под огнем вояк они могут не расстаться с идеей получить материалы Круглова. Но еще хуже попасть под удар вертолетов. Их пилоты с высоты не сильно будут разбираться, кто есть кто. Правда, ученые одеты в яркие костюмы, но нас с Артемом могут принять за конвой наемников и отсечь от Круглова. И все же, несмотря на большой риск, я склонился ко второму варианту. Потому что я пришел сюда за костюмом. И намерен был его получить.

– Выводи ученых! – сказал я Артему. – Будем прорываться к “Янтарю”.

Он прошмыгнул между ангарами, а я остался на месте, чтобы отслеживать действия обеих сцепившихся сторон. Вертолетов оказалось три – более чем серьезная сила. Они взяли на прицел подступы к горящему складу и молотили из пулеметов по всему, что движется. Наемникам доставалось не по-детски, поэтому они вынуждены были принять меры к рассредоточению и поиску укрытий. Рассредоточиваться же им было особенно некуда – они сами себя зажали в узком пространстве между складом и ангарами, устраивая нам засаду. Какая-то часть побежала в сторону “Янтаря”, и один из вертолетов отделился от звена и пролетел, непрерывно стреляя, прямо над моей головой, обдав потоком теплого ветра. Там наемники могли спрятаться только в бетонном тоннеле, больше, по словам Круглова, укрытий не было. И если при них не состоял расчет с “РПГ-7” или “ПЗРК”, шансов у этой группы не было никаких.

Те же, кто поджидал нас слева, не имели вообще никаких возможностей, кроме прорыва в сторону железнодорожного узла. Куда они и ломанулись, как лоси. И путь их пролегал точнехонько рядом с ангаром, за которым притаился я. Конечно, можно было спрятаться и не отсвечивать, но у меня за время стычки вызрела такая злость на наемников, что я не удержался и принялся, коротко высываясь из-за угла, лупить из винтовки почти в упор тех, кто показывался на асфальте дороги. Прекрасно понимая, что все они рвутся к этому пятаку, я зашвырнул туда вдобавок пару гранат. Грохнуло. Тогда наемники изменили тактику и начали лезть через оконные проемы первого этажа в здание склада. В это время показался Артем с учеными, и мы во все стволы начали их косить. Вертолетчики тоже не жалели боеприпасов, постепенно превращая склад в пылающие руины.

Наконец, улучив момент, мы проскочили асфальтовый пятак и, стараясь держаться за ангарами вне видимости вертолетчиков, устремились к финишной прямой до тоннеля.

Но не тут-то было! Заняв позиции в пылающем здании склада, наемники встретили нас беглым винтовочным огнем. Не так чтобы очень плотным, но довольно прицельным. И я понял, что мы сейчас потеряем ученых. На нас были броники и “Мамины бусы”, а на них только костюмы. Тоже из кевлара, хорошо держат пули, но только пока целые и не битые. Сейчас же на их костюмах уже места живого не было.

Решение созрело быстро и четко – я бросился к Круглову и заслонил его собой. Через секунду, сраженный тремя пулями, рухнул на асфальт другой ученый. Артем прикрывлся

огнем и тоже встал плечом ко мне. Таким строем, закрыв Круглова, как щитом, мы отступали, колотя из винтовок по окнам нижнего этажа.

Послышался вой вертолетных турбин – это первая машина возвращалась со стороны насыпи. Пришлось броситься на землю возле забора и укрыться в кустах. Наемники сдуру не врубались, что им тоже надо утихомириться – продолжили палить в нас. Вертолетчики же отреагировали именно на выстрелы и принялись размочаливать склад сначала из пулеметов, а потом пустили туда пару ракет. Под этот шумок мы ползком, в бузине, стали продвигаться к тоннелю. А когда от склада мало что осталось и вертолет улетел на зачистку железнодорожного узла, мы вскочили во весь рост и в бодром темпе рванули к “Янтарю”.

В тоннеле под насыпью густо трепетал воздух. Там, по моему мнению, места не было чистого от аномалий, но детектор упорно молчал, как партизан на допросе.

– Осторожно, там “Жарки”, – предупредил я, доставая болт.

Метнув его, я убедился в своей правоте – активировались целых два близко стоящих факела.

– Ни фиги себе! – фыркнул Артем. – Это и есть самый удобный путь на “Янтарь”?!

– Несомненно, – ответил профессор. – В тоннеле имеется вполне подходящий проход. Держитесь за мной.

Сам он, не сбавляя шага, направился к центру тоннеля, где по всей длине его потолок поддерживали стоящие в ряд бетонные колонны. Я ждал, что полыхнет, но не полыхнуло. Он спокойно прошел четверть тоннеля, огибая колонны. Мы с Артемом переглянулись и потопали по его следам. Ради хохмы я кинул еще пару болтов по сторонам. Там все было утыкано “Жарками”. Не было их только в самой середине тоннеля. В конце виднелись несколько обугленных тел.

– Зомби, – спокойно пояснил Круглов. – Их тут, как мух на дерьме. Особенно дальше, в болоте.

Меня это заявление не обрадовало совершенно, а вот Артем живо заинтересовался и прибавил ходу.

– Осторожнее! – предупредил профессор. – Они постреливают. Хотя двигаются еле-еле.

Это было правдой. Двигались они так себе – бегающих зомбаков никому видеть не приходилось. Но об одной их особенности Круглов забыл предупредить. Привык, наверное.

Бункер ученых располагался в низине. Мы его увидели почти сразу, как только отошли от тоннеля. Бетонный купол с бронированными шлюзовыми дверями. Вполне себе безопасное местечко, если его не покидать почем зря. Голая территория, на которой он стоял, была обнесена забором из сваренных между собой металлических гофрированных листов. Ворота были раскрыты настежь, а перед ними раскинулось грязное, заросшее тростником болото. Почти посередине его увяз бортовой “ЗИЛ”. По краям болотца росли деревья – не то чтобы рощица, но местами довольно густо. Поэтому мы не сразу заметили первого зомби.

Одетый в серый плащ с капюшоном и держа в руках обрез двустволки, он уныло, но как-то очень целенаправленно брел в сторону бункера. На нас он обращал столько же внимания, сколько собака обращает на асфальт, на котором спит. Никакого, собственно говоря.

– Так... Одного вижу! – предупредил я.

– И что с ним делать? – заинтересованно спросил мой напарник.

– Лучше всего ничего, – ответил я напряженно. – Обойдем, если получится.

Круглов, похоже, был согласен со мной на все сто. Мы приняли влево и начали пробираться по дуге, огибая деревья. В Зоне ломаная часто бывает короче, а еще чаще безопаснее прямой. Тут свои законы во многом.

Однако не прошли мы и двух десятков шагов, как напоролись на огонь из двух стволов. Один стрелок молотил из “Гадюки”, другой из ружья. Ни то ни другое не представляло большой опасности при нашей экипировке, но мы предпочли укрыться за стволами деревьев.

– Не высовывайся! – предупредил я Круглова. – Не хватало тебе окочуриться у самого входа в бункер. Учти, если получишь пулю в башку, я надругаюсь над твоим трупом.

В ответ раздалось глухое бульканье. Так воспроизводила смех мембрана на переговорном устройстве противорадиационного костюма. Мне же было не до веселья.

В стволы деревьев почти непрерывно били пули и картечь, клочьями вырывая кору. Я высунулся и увидел двух зомбаков – одного в сталкерской куртке, другого в бандитской. Живописная парочка. Пока живут, бандиты со сталкерами по одну сторону баррикады никогда не оказываются. А вот в таком состоянии – легко. Потому что, кем бы ты ни был, став зомбаком, оказываешься по другую сторону баррикады от всех живых.

– Мо-чи-е-го! – глухо пробубнил бывший сталкер.

– Ва-ли... – вторил ему бывший бандит.

Артем пальнул в него из винтовки, попал в шею выше бреника, но эффекта это, естественно, не произвело никакого. Зомбак только промычал “Э-э-э!” и продолжил движение, не отклоняясь от выбранной траектории. При этом стрелял он тоже так себе, как придется, больше в нашу сторону, чем по нам. Да и то не всегда.

Ума у зомбаков, похоже, не остается нисколько, но приобретенные навыки работают. По крайней мере, бывший сталкер не забывал перезаряжать ружье после каждого двух выстрелов, а бывший бандит заменил магазин “Гадюки”, когда тот опустел.

Артем выстрелил второй раз, попал в грудь сталкеру, но того лишь передернуло, и он упрямо пошел дальше.

– Их надо бить только в голову, – сказал я основное, что нужно знать в Зоне о зомби. – И то не надейся, что уложишь с первого выстрела.

Вскинув винтовку, я показал пример. Благо двигались зомбаки действительно вяло, так что с тридцати метров, которые нас на тот момент разделяли, попадание в голову из новой винтовки не являлось подвигом. Я послал пять пуль по бывшему сталкеру, из которых три попали в цель. За затылком зомбака начала оседать мелкая кровавая пыль, а во лбу и скулах образовались хорошо видные черные дырочки. Но он, прогундев что-то невнятно, продолжил путь. Я выстрел еще дважды, оба раза попал, после чего зомбак наконец медленно осел в траву и начал биться там в судорогах, дважды пальнув в небо. На перезарядку ружья, после пяти попаданий в голову, его уже не хватало – последние мозги вышибло начисто.

Поняв, что к чему, Артем попытался повторить мой прием, но тут в нас полетела картечь справа, со стороны болота. Это почуял нас и взял на прицел зомби, которого мы заметили первым.

Наша позиция в один миг перестала быть идеальной – теперь по нам колотили с двух сторон, так что как за деревом ни прячься, все равно прилетит. Обрез ружья на дистанции в пятьдесят метров, особенно при нашем уровне защиты, не представлял большой опасности, поэтому мы предпочли чуть сменить позицию и укрыться за другим деревом от “Гадюки”. Объединив усилия, мы с Артемом, колотя одновременно в одну цель, быстро размолотили башку бывшему бандюгану, а потом перевели огонь вправо. Но зомбак, зараза, брел так, что за болотным тростником его почти не было видно, и ни о каких попаданиях в голову не могло быть и речи. Но мы все равно стреляли наугад, когда за стеблями мелькал силуэт.

Не добившись в этом ни малейшего видимого результата, мы собрались уже выдвинуться ближе к противнику, но тут нас накрыли автоматным огнем сзади. На этот раз из “калаша”. Причем саданули на редкость прицельно – попали одной очередью во все сразу, сбив нас в траву, как кегли.

– Быстро в бункер! – скомандовал я Круглову. – Мы прикроем и тоже подойдем. Живо!

Его не надо было упрашивать. Он не дурак, понимал, что от автоматных пуль его драный костюм защищал уже хуже среднего. Он вскинул автомат и с криком “Ура!” рванул в направлении бункера. Ему наперерез из-за увязшего грузовика вышел зомби. Но мы с Артемом, не сговариваясь, проигнорировали остальные цели и четырьмя выстрелами, по два на брата, сбили зомбака с ног. Круглов проскочил опасное место и уже оказался в воротах, но тут на него, держа пистолет на уровне глаз, вышел из-за забора еще один зомби. Круглов, почти в упор, снес ему из автомата башку и заскочил в открывшуюся перед ним дверь бункера.

– Уже легче! – выкрикнул Артем, укрываясь за деревом от автоматного огня.

Но зомби становилось все больше. Двое спускались с насыпи, от тоннеля, трое цепью брели со стороны болота, двое вышли из-за грузовика, и еще один, тоже с “калашом”, брел по кособоку с обратной стороны. Мы оказались в кольце, причем под плотным огнем. Каждый зомби сам по себе стрелял не очень прицельно, но, молотя в одну сторону, то есть в нашу, из всех стволов, они просто по статистике попадали в нас чаще, чем нам того бы хотелось.

– Надо рвать когти! – предложил Артем. – У нас попросту патронов не хватит от всех отстреляться. В среднем уходит по пять-шесть на каждого. Это если точно в башку.

В троих, двое из которых были вооружены автоматами, представлявшими реальную угрозу, я метнул гранату. Угробил только одного. Остальных сбilo ударной волной, но они упрямо поднялись и побрели дальше. Это сильно напоминало ночной кошмар, когда во сне стреляешь-стреляешь в противника, попадаешь наверняка, а он прет на тебя, зараза, и прет. При этом зомбаков становилось больше и больше. Они толпой перли от “Янтара”, спускались по кособоку, брели через болото или обходили его вдоль забора и стреляли, стреляли, стреляли. Непрерывно.

Между нами и бункером, когда мы намылились спрятаться, а не драться с такой оравой, оказались три зомби. Мы и сосредоточили огонь на них, то и дело получая пули в броники со всех сторон. Но фокусировка усилий дала результат. Перезарядив магазины, мы уложили троих зомбаков до того, как патроны снова закончились. Путь на какое-то время оказался свободен, и мы, недолго думая, поспешили этим воспользоваться.

Когда мы добежали под свист пуль до двери тамбура, она сама открылась перед нами. Мы вломились внутрь, миновали вторую дверь, и только когда она задрала за нами опять, позволили себе перевести дыхание.

– Не кисло, – поделился впечатлениями Артем. – Я себе иначе представлял атаку зомби. Ожидал увидеть медлительных, безмозглых...

– Они такие и есть, – ответил я. – Только их очень много. И у большинства неплохое оружие. Он не нашелся, что ответить.

– Поговорите с профессором Сахаровым, – сказал Круглов, приближаясь к нам. – У него кабинет за углом, в соседнем коридоре.

Глава 6

В которой сталкер по кличке Лемур наказывается за жадность, глубже проникает в главную тайну Зоны и получает новый стимул двигаться дальше на север

Кабинет Сахарова был больше похож на тюремную камеру из американского боевика, чем на кабинет в привычном понимании этого слова. Помещение площадью около сорока квадратных метров, с бетонными стенами, без какого-либо намека на комфорт, было отделено от коридора решеткой с толстенными металлическими прутьями. За ней стоял стол, а на стеллажах располагались приборы и оборудование непонятного мне назначения. В беличьем колесе у стены бодро скакала сильно мутировавшая белка. Не настолько мутировавшая, как плоть, но все же в достаточной мере. Рядом с колесом высилась целая стойка приборов, мигавших индикаторами зеленого, желтого и красного цветов. Я засмотрелся.

Сам Сахаров, когда мы уперлись в решетку, был обращен к нам спиной и возился с оборудованием. Он был одет в светло-зеленый халат. И еще я заметил стеллаж, в котором висело пять противорадиационных костюмов. Целое состояние. И меня заинтриговало, как это никто до сих пор не удосужился ограбить эту лабораторию.

– Да-да, – произнес Сахаров, оборачиваясь. – Насколько я понимаю, это вы сопроводили моего коллегу до бункера.

– Совершенно верно, – кивнул я.

– Благодарю. Честно говоря, мы тут ощущаем серьезную нехватку рабочих рук. Но если быть предельно точным, как подобает ученому, то скорее нехватку крепких, метких рук, вооруженных хорошим оружием. Тут полно зомби, поэтому мы испытываем трудности,

проводя наблюдения и замеры. И военные, к сожалению, не всегда помечают положительной резолюцией наши запросы на техническую и огневую помощь.

– Понятно, – снова кивнул я.

– Но в то же время, – продолжил профессор, – я могу распоряжаться некоторыми финансовыми и материальными фондами, выплачивать из них вознаграждения добровольцам. Проблема в том, что добровольцев не так уж много. Я не пойму, почему рисковать жизнью тут, за достойную плату, меньше желающих, чем собирать артефакты и по дешевке сливать их торговцам.

– Все дело в свободе, – философски ответил я.

– Значит, вы тоже не будете нам помогать?

– Мы уже помогли, – спокойно возразил Артем.

– Да-да... Сейчас, сейчас... Могу предложить вам в качестве вознаграждения наш спецкостюм. В условиях Зоны очень удобная вещь.

– Мы в курсе, – кивнул я. – Это вполне нас устроит.

– Кроме того, я, вместо торговцев, с удовольствием куплю у вас артефакты. Причем по более высокой цене, чем берут они. И не только артефакты.

Мы с Артемом переглянулись, и я решил попробовать. Достал из рюкзака один из припасенных на всякий случай “Бенгальских огней” и протянул через окошко в решетке.

– Возьмете?

– Конечно, – тепло улыбнулся Сахаров.

Он рассчитался со мной, причем денег дал в полтора раза больше, чем предложил бы бармен.

– Так как насчет помощи? – напомнил профессор.

– Нам нужно закончить одно выгодное дело, – честно ответил я. – Отнести и продать документы бармену.

– А что за документы? – заинтересовался он.

Я хотел ответить, что не его, мол, дело, но вовремя сдержался. Мне от них, от документов этих, ни холодно было, ни жарко. По большому счету, мне совершенно до лампочки, кому их продавать, хоть псевдособаке, дай она за них адекватную цену. И уж научнику точно ничем не хуже, чем бармену. Все равно он их ученым-то и отдаст, ему самому они точно без надобности. Он наверняка не знает половины слов, какие в тех документах написаны. Но отдаст ведь еще втридорога, знаю я эту меркантильную бестию. К тому же, и это тоже был аргумент не последний, если слить их тут, то не надо будет топтать обратно к должовцам в бар. Это нам было не совсем по пути, точнее, не по пути вовсе. Мы уже так далеко забрались на север, что возвращаться не очень хотелось.

– Это документы из лаборатории X-18, – ответил я.

– Вот как? – ученый вздернул брови. – Так-так... А нельзя ли мне на них взглянуть?

– Можно, – ответил я. – Они выставлены на открытый аукцион.

– И какова начальная цена этого лота? – усмехнулся Сахаров.

– Пятьдесят тысяч, – загнул я.

Терять-то, в общем, было нечего. Откажется – снесем бармену за десятку. А то и поторгемся.

– Наверное, они вам не очень трудно достались, – удивленно заметил профессор. – Вы хоть представляете, что они значат?

Я понял, что продешевил. И, скорее всего, не слабо. Может быть, вдвое. Но бармен, зараза, намекал вообще на десятку! Подставщик хренов. И шкуродер. Взять за десятку, отдать за сотню. Выгодный бизнес...

Я стоял, как дурак, и не знал, что ответить. Просить больше было уже не совсем этично. Не хотелось портить отношения, которые могли в будущем принести неплохую выгоду.

– В этих документах, – пояснил Сахаров, – должна содержаться информация о том эээ... факторе, который мешает продвижению в центр Зоны и на дальний север.

– А что там все ищут? – пожал я плечами.

– Кто что, – усмехнулся ученый. – Кто Исполнитель Желаний, кто море дорогих, не виданных ранее артефактов с невообразимыми свойствами и головокружительной ценой. Меня же там интересует другое.

– Что? – напрямую спросил Артем.

– Возможно, Монолит действительно существует, – спокойно ответил профессор. – Я не знаю, что он собой представляет, какими свойствами обладает, но столь активные слухи не могут рождаться на пустом месте. И я допускаю, что этот э-э-э... объект может стать разгадкой загадки Зоны. Самой ее сути, возникновения и возможной опасности для человечества.

Я подумал и достал из рюкзака папку с документами.

– Так-так... – Сахаров взял ее, раскрыл и пробежал глазами несколько страниц. – Несомненно, это именно те документы. Ах вот как... Интересно... Это все требует более детального изучения. Не думал, не думал, что кто-то все же добудет их. Страшно там было?

– Страшно, – честно ответил я.

– Тогда вот... – Он открыл сейф и достал из него несколько пачек денег. – Вы их честно заработали.

Я пересчитал купюры. Трудно было контролировать себя, чтобы руки не тряслись. Даже с учетом того, что я намеревался поделиться с Артемом, это стоило на каждого, если в весе, по пятнадцать килограммов артефактов примерно.

– Все точно, – сказал я и уложил добычу в рюкзак.

– А поскольку вы не стали задира́ть цену, – добавил ученый, – я не буду забирать документы, а скопирую их для себя. Вам оставлю подлинник. Думаю, бармен с радостью у вас их купит по второму разу. Давно надо наказать этого жадного борова. Он-то рассчитывает предложить их мне тысяч за семьдесят... Каково же будет его удивление, когда я их не возьму!

– Наказать его действительно не мешает, – кивнул я, вспомнив запертую дверь и драный противорадиационный костюм.

Вспомнив о нем, я решил повернуть еще одну сделку.

– А вам не нужен старый спецкостюм на списание? – спросил я. – Мы нашли один в лаборатории. Совсем драный. Может быть, мы могли бы приобрести у вас за него второй по меньшей цене?

– Я дам вам два костюма, – решительно заявил Сахаров. – А старый куплю по его обычной цене. Мне все равно, что старый, что новый. Спишу, получу полностью исправный взамен.

Давно мне так не перло с деньгами. У меня в голове завертелся счетчик, отщелкивая воображаемые купюры. Мы за полчаса наварили такую сумму, за которую тут некоторые корячатся по несколько лет. Когда же я увидел, какие именно костюмы Сахаров для нас вытащил из металлического ящика у стены, мне и вовсе стало не по себе. Это был даже не стандартный “Эколог” – верх моих мечтаний, а куда более совершенный “Сева”. Он отличался усиленным кевларовым покровом и интегрированным бронежилетом, защищавшим торс. Плюс пуленепробиваемый шлем с замкнутым циклом дыхания. Такая штука сама по себе стоила сорок пять, а то и все пятьдесят тысяч. Но ни у бармена, ни где-либо на юге такие костюмы к продаже не предлагались. Они были лишь у тех счастливицков, которые напрямую, как мы теперь, снюхивались с учеными. И не слабо пахали на них. Мы же получили все, по-моему, вообще за так. И документы при нас, и костюм обменяли... Драный “Эколог” на новый “Сева”. Без доплаты.

От такого неожиданного изобилия меня заколотило. Это была золотая лихорадка, ну в точности, как когда-то на Клондайке. Я тут же вспомнил, что совсем недалеко, рядом с тоннелем под насыпью, видел несколько артефактов – пару “Огненных шаров” и несколько “Капель”. У меня возникла идея смотаться за ними налегке, притащить сюда и сбавить профессору. Но он меня опередил другим предложением.

– И все же, – сказал Сахаров после паузы, – я бы очень хотел вас попросить об одном одолжении.

Мне в моем состоянии было уже все равно, что именно он попросит. Я уже не думал ни о нашей экспедиции, ни о чем-либо другом – только о деньгах, достаемых очень легко. В баснословных количествах.

– Слушаю, – ответил я.

– Понимаете... Нам давно надо сделать кое-какие замеры на местности. Но Круглов... Он один не справляется. Тут полно зомби, к тому же иногда и грабители попадаются. Ему не хватает огневой поддержки. Мы вот заручились помощью военных, но вы сами видели, с каким результатом.

– Что конкретно нужно сделать? – уточнил я.

– Сделать два-три замера излучения в разных точках местности. Необязательно отходить далеко. Круглов вам все объяснит. Нужно только защитить его во время замеров. Эту работу я оплачу отдельно.

– Хорошо, – беззаботно ответил я. – Мы беремся.

– На самом деле тебе лучше пойти одному, – возразил Артем. – Я бы поспал пару часиков, если для меня здесь найдется койка. Работа плевая, тут никаких опасностей, кроме зомби, нет. К тому же нацепишь все пять “Маминых бус”, и тебе вообще все будет по барабану.

Последний аргумент меня убедил.

– А как тогда делить деньги? – решил уточнить я.

– Их делить не надо вообще. Я тут не ради этой мелочовки. И за документы, и за все остальное – бери себе. Это будет честно.

Я сглотнул, но постарался скрыть охватившие меня эмоции. Поперся ведь с Артемом за миллионом, а уже получалось – два костюма по полтиннику, плюс полтинник за старый костюм, плюс полтинник за документы. Уже двести тысяч! У меня голова закружилась от таких подсчетов. Два дня с Артемом, а уже четверть получена от обещанного. Выгодный напарник, как ни крути. А если найдем таинственный артефакт, поднимающий уровень удачливости, так нашими темпами не миллион на каждого с него получим, а все два.

Круглов показал нам комнатку в бункере, где можно было пристроить кости на коечку. Там же стоял металлический ящик, в него мы сложили лишнее из моего рюкзака, чтоб не таскать во время прогулки чрезмерную тяжесть. Я нацепил все пять “Маминых бус” на броник и вооружился новенькой мощной винтовкой. Более уверенно я не чувствовал себя никогда. С такой экипировкой можно было десантироваться прямо в ад и навести там шороху среди чертей.

Вскоре экипировался и сам Круглов – надел новый спецкостюм, усиленный на торсе броневыми пластинами и кевларом, взял модернизированный скорострельный “калашников”, портативный прибор для замеров, и мы с ним прошли через тамбур.

Но стоило нам выйти наружу, как мы сразу попали под шквальный неприцельный огонь стволов из пяти, не меньше.

– Зомби! – сказал ученый через переговорное устройство костюма.

Они были повсюду, брели медленно, но с каким-то дьявольским, неостановимым упорством. Но двое, скорее всего, бывшие должовцы, судя по черно-красной униформе, двигались бодрее остальных. Свеженькие. Помня, что уничтожить надо сначала самые трудные цели, я сосредоточил весь огонь на них. Круглов, видя, куда я бью, тоже помог. Так, не стоя на месте, петляя и прячась за металлическим забором, мы за полминуты разделались с одним. Другой спрятался за увязшим в болоте грузовиком. Остальные, куда более медлительные зомби, продолжали надвигаться со всех сторон. Так что нам пришлось заниматься и ими.

Защищенный пятью “Мамиными бусами”, я почти не чувствовал попаданий из “Гадюк” и ружей, но двое зомбаков были вооружены автоматами, так что иногда и мне прилетало. Круглов же от каждого попадания в кевлар костюма дергался, матерился, а иногда сгибался пополам. Поэтому он больше прятался в укрытиях, чем поддерживал меня огнем. Но трофейная винтовка была весьма недурна – медлительных зомбаков я с семидесяти метров устойчиво валил в голову. И через несколько минут мы расчистили себе путь. По моим

подсчетах, оставался только один – тот шустрый, который спрятался за машиной. Но когда мы выдвинулись вперед, никого не обнаружили. Зомбак словно под воду болота ушел. Но я не стал сокрушаться по этому поводу.

– Вперед, вперед! – торопил меня профессор. – Нам надо успеть сделать замеры до большого выброса!

О каком выбросе он говорил, я понятия не имел, но рассуждать на эту тему, а тем более расспрашивать, не было времени. Так что мы рванули дальше. Обобрав дохлых зомбаков я решил на обратном пути, чтобы сдать весь собранный металлолом Сахарову.

Мы добрались до насыпи. Профессор остановился у входа в большую бетонную трубу и начал делать свои замеры. Из трубы донеслось ворчание зомби, поэтому мне пришлось туда чуть заглубиться и несколькими очередями срезать тварей.

– Сигнал слабый! – пожаловался Круглов. – Надо перебраться на ту сторону насыпи.

Мне было без разницы.

– Только вперед не суйся, – порекомендовал я. – А то угрожают, а мне за тебя отвечать.

Он кивнул, и мы стали пробираться по трубе дальше. Зомбаков в ней было как грибов после дождя, поэтому я извел четверть запаса патронов, пока мы оказались на другом конце. Но запас был восполним, поскольку превратившиеся в зомби бывшие должовцы вооружены были по большей части натовскими винтовками под тот же патрон. Обобрав их, я остался еще в прибыли. День был определенно удачным в финансовом плане, так что не стоило упускать никаких возможностей подзаработать.

Оказавшись под открытым небом, Круглов снова замерил свое излучение.

– Отлично! – сказал он. – Можно возвращаться.

И тут нас накрыло. Такое со мной уже случилось, когда я нашел два “Сверла”, только куда в меньшей степени. Теперь же все было так сильно, что я в первые мгновения решил – пришел конец. Как Зона умудряется порождать такое, пусть ученые думают, у меня же, как и тогда, все мысли были о выживании. Мир повело перед глазами, накренило, и со всех сторон на меня побежали слепые псы. В таком количестве... Был бы писателем, я бы, может, описал это в красках, а так слов не хватает. Одно просится – жуть. Собаки перли, как крысы с помойки, если садануть в нее из ружья. Только с помойки они убегают, а здесь же наоборот – перли со всех сторон сплошной живой массой. Я вскинул винтовку и начал отстреливаться, меняя один магазин за другим, но в рядах противника учиненные мной потери были каплей в Мировом океане. Кольцо тварей с каждой секундой сужалось, и я понял – разорвут. Через минуту я отстрелял последний магазин. А другое оружие оставил в бункере, так что шансов на выживание не было никаких. Кольцо сомкнулось, слепые псы кинулись на меня одновременно со всех сторон и одновременно вцепились во все части тела. Первую атаку костюм выдержал, но постепенно начал сдавать и он. Я отбивался прикладом, но псы висели, вцепившись клыками, на руках, ногах, на спине и на шее. Кевлар трещал, начал расходиться по швам, и псы довольно быстро добрались до моей живой плоти. Смерть наступала на меня так быстро, с такой чудовищной неотвратимостью, что подавила мою волю к сопротивлению. Чтобы избежать лишних мучений, я сорвал шлем с костюма и обнажил шею.

– Нате, жрите! – выкрикнул я.

Их не надо было упрашивать. Одна из тварей прыгнула, вцепилась мне в горло и выдрала кадык с мясом. Боль была чудовищная, все внутренности свело, но я никак не умирал, хотя кровь из разодранной шеи хлестала струями.

Я закричал от безысходности, от невозможности изменить хоть что-то в какую-то сторону. Но тьма, уже спасительная для отчаявшегося сознания, наконец придавила меня и растворила в себе.

– Тихо! Тихо! – пробубнил мне в ухо Круглов. – Только не дергайся! Чуть не убил меня...

Я открыл глаза. Все тело горело от боли, особенно горло. Шлем валялся в траве, золотистой от слоя валявшихся стреляных гильз. Винтовка перегрелась и исходила масляным дымом. Вот только собак нигде не было.

– Успокойся, сейчас пройдет, – сказал Круглов, тоже снимая шлем.

– Что пройдет? – прохрипел я.

Мне страшно было потрогать шею, но оказалось, что кадык на месте. И костюм был цел – ни единой дырочки. Осознание этого включило в теле какой-то спасительный механизм – боль начала стремительно отступать.

– Это выброс. – Профессор решил, что внес какие-то разъяснения.

Но мне это ровным счетом ни о чем не говорило.

– Что за выброс?

– Выброс пси-излучения. Генератор находится где-то севернее. В той стороне, где укрепленная база группировки “Свобода”. Фонит он все время, причем это чувствуется по всей зоне, начиная с периметра. И чем севернее, тем сильнее.

– А какова природа излучения?

– Мы с Сахаровым склоняемся к техногенной теории. Другая теория – это теория Монолита. Некого тела, возможно, внеземного происхождения, которое излучает целый спектр частот, влияющих, как считают последователи этой теории, на само Пространство, на структуру физического вакуума. Ну и на живые организмы тоже, включая людей. Этим воздействием, как некой универсальной причиной, объясняют все свойства Зоны, начиная от аномалий и артефактов, заканчивая мутациями. Надо признать, что мутации, какие встречаются здесь, невозможно объяснить действием только одной радиации. Это правда. Взять, к примеру, плоть...

Я фыркнул и уточнил:

– Но вы же сказали, что склоняетесь к техногенной причине пси-излучения.

– Да. Этому есть подтверждение в документах, которые вы принесли из лаборатории X-18. Благодаря им мы, перед этими замерами, перенастроили прибор более тонко. Но все же, мы не отрицаем два источника воздействия.

– В каком смысле? – не понял я.

– В самом прямом, – кивнул Круглов. – И, скорее всего, их действительно два. Многие из наших расчетов показывают, что воздействие распространяется из центра Зоны, от Саркофага. Именно там больше всего аномальных явлений самого разного порядка, именно там встречаются артефакты с самыми невообразимыми свойствами. Но что касается пси-излучения, то оно может быть рукотворным.

– Но зачем? – удивился я. – Да и кому это надо?

– Кому – большой вопрос. А вот зачем... Мне кажется, что это защита. Причем в высшей степени эффективная. Защита северной части Зоны от попыток проникновения и исследования. Но есть и другой аспект. Само пси-излучение, его параметры, его принципы воздействия на сознание и результаты такого воздействия говорят об использовании в его генерации свойств самой Зоны.

– Я запутался! – Пришлось его остановить. – Можно проще?

– Можно. Скажем так... За пределами Зоны генератор пси-излучения, построенный на тех же принципах, не стал бы работать. Так понятно?

– А на других?

– Скорее всего, тоже. Как некоторые сплавы можно получить исключительно в космосе, так и пси-излучение можно получить только тут. Мне кажется, что это одна из причин его расположения близко к центру. В центре его расчетная мощность, несомненно, выше, чем у периметра, потому что в центре сильнее свойства самой Зоны.

– Как все закручено, – хмыкнул я, уже понимая, что к чему. – Значит, по-вашему, Монолит может существовать?

– Да. Совсем необязательно в том виде, в каком его описывает легенда. Возможно, это даже вовсе не тело, а какое-то очень локальное свойство пространства, вызванное столь же локальными причинами...

– Эти термины меня только путают, – помотал я головой. – Хотя главное, как мне кажется, я понял. Кто-то создал в Зоне пси-излучатель, действие которого основано на свойствах Зоны, а они, в свою очередь, могут быть проявлением действия Монолита.

– Верно, – кивнул Круглов. – Возможно, кто-то пытался создать психотропное оружие. Даже создал, если быть точным. Его действие мы только что испытали на себе.

– Вы тоже?

– В меньшей степени. За время работы мы с Сахаровым создали прототип устройства, защищающего от действия пси-излучения. А замеры, которые я производил, призваны настроить прибор более точно. Сейчас он работает очень грубо. У меня не было таких ярких и опасных галлюцинаций, как у вас, но возникло нарушение двигательной функции и помутнение сознания. Вы же палили во все стороны и чуть меня не пристрелили.

– Мне померещилась огромная стая собак, которая рвала меня на части.

– Всем видится разное. Причем, снова попав под выброс, вы увидите что-нибудь новенькое. – Я уже попадал под выброс раньше. Только мощность излучения, видимо, была во много раз меньше. Видения тоже были яркими, но не такими страшными. И не действовали в такой степени все органы чувств. Настоящая реальность как-то проступала через них, по крайней мере, я хоть как-то себя контролировал. Теперь же нет.

– Да, – согласился Круглов. – Но все сюжеты галлюцинаций объединены одним неприятным свойством. В них человек переживает собственную смерть. И если мощность излучения критична, то и сознание, и тело настолько верят увиденному, что умирают на самом деле. Поэтому, чтобы продвинуться в глубь Зоны, нужно особенное защитное снаряжение, над созданием которого мы с Сахаровым и работаем. Теоретически, используя наш прототип, можно добраться до излучателя и отключить его. Если, конечно, это не какой-то особый артефакт, с многократно усиленными свойствами. Такое тоже возможно. Однако, судя по параметрам излучения, в качестве несущей, сложно модулированной частоты оно использует ультракороткую волну высокой мощности. Отключив генератор этой частоты, то есть мощную радиостанцию, мы отключим и излучатель, независимо от того, чем и как вызвана пси-модуляция.

– Интересно, – признался я. – Но глупо создавать психотропное оружие, которое будет работать только в Зоне. Нелогично как-то.

– Ну, это если рассматривать свойство Зоны как сугубо локальное явление. Если же считать Монолит телом с определенными свойствами, то это тело можно переместить.

– Монолит? – удивился я.

Не столько даже удивился, сколько испугался его слов.

– Ну да. Сам Монолит или его фрагмент...

Меня словно током ударило.

– Как вы сказали?

– Фрагмент, – повторил профессор. – Ну, кусок, осколок, если хотите... От любого тела можно отделить какой-то фрагмент. И, скорее всего, он будет обладать теми же свойствами.

Я прикусил язык. Озвучивать свои мысли у меня не было никакого желания. Мне надо самому во всем разобраться. Но все же... Говорят, что деньги не пахнут. Но если артефакт, стоимостью в миллион, станет детонатором страшной пси-бомбы, то горел бы он огнем, миллион этот. Горел бы он синим огнем!

С другой стороны, если отказаться от экспедиции, кусок Монолита добудет кто-то другой. А так... Я мысленно поблагодарил судьбу за то, что дала мне возможность ввязаться в эту аферу. За то, что на этом месте оказался именно я, а не кто-то другой. Потому что, если в конечном итоге все окажется так, как считает Круглов, то у меня будет возможность повлиять на ход дальнейших событий. За все время пребывания в Зоне я впервые ощутил стимул, более сильный, чем получение денег. Во мне надломилось что-то, какая-то часть моей личности. Но в лучшую сторону, как мне показалось.

– Надо возвращаться, – сказал профессор.

Я надел шлем, взял у него автомат взамен опустевшей винтовки, и мы направились по трубе обратно. До бункера добрались без приключений, где я радостно предъявил живого Круглова начальнику.

– Спасибо, молодой человек, – сказал Сахаров. – Замеры нам очень помогут. Наконец-то у нас появилась возможность произвести их в более или менее спокойной обстановке. Так-так...

– Она не была спокойной, – хмуро заметил я.

– Да-да, извините. Думаю, тридцать тысяч компенсируют ваши моральные и физические затраты.

– Вполне, – повеселел я.

Честно говоря, я рассчитывал на меньшую сумму.

– К тому же, – добавил ученый, – вы можете бесплатно пополнить израсходованные боеприпасы.

– А вообще оружие вы берете?

– Охотно, – кивнул Сахаров. – Мне выгодно держать его здесь. Сталкеры заходят за покупками, компенсируют мне затраты, а заодно расчищают окрестности от зомби и снорков.

– Понятно, – улыбнулся я. – Тогда у меня есть идея. Я сейчас выйду и соберу все, что есть у ликвидированных зомби.

– Пожалуйста. Я возьму за деньги все, что вы принесете. К тому же... В качестве бонуса за помощь я теперь буду придерживаться наиболее выгодной вам ценовой политики.

Это меня раззадорило. Раззадорило настолько, что нехорошие мысли, возникшие после разговора с Кругловым, отодвинулись на второй план. Чтобы не тратить дорогостоящие патроны и не изнашивать винтовку, я взял автомат, все патроны к нему и отправился наружу, обыскивать зомбаков. Тел оказалось больше десятка, поэтому я как следует нагрузился оружием, патронами, гранатами, аптечками и артефактами, отволол это в бункер, спустил за пять тысяч и отправился на второй заход.

Наибольшее количество дорогостоящего снаряжения обнаружилось у шустрого зомбака в униформе группировки “Долг”. У того, которого я грохнул, когда выходили делать замеры. Мало того что у него при себе оказалось четыре выстрела к подствольнику, четыре аптечки и две ручные гранаты, так он еще был вооружен штурмовым стрелково-гранатометным комплексом “Гром”, о котором на юге можно только мечтать. Нашлось и семьдесят патронов к нему, что меня в высшей степени порадовало. А потом я отыскал и его КПК. Я по привычке слил себе координаты его тайников, и только потом до меня дошло, что никакой это был не зомби. А самый обычный, зашедший в эти края долговец.

Это стало для меня шоком. Я даже присел в траву и зажмурился. Потому что это мигом изменило мой статус в Зоне. Моментально и навсегда. Потому что долговцев убивать не надо. Потому что именно на их территории находится бар. А в баре бармен, у которого покупается все и которому все продается. Так, несколькими лихими выстрелами я лишился главного источника материально-технического обеспечения. Дружок этого бедняги смылся. Их ведь двое было! Смылся и рассказал о случившемся. Так что теперь каждый долговский блок-пост, и уж тем более база, превратится для меня в крепость, которую надо будет штурмовать, чтобы пройти.

Мечта продать бармену подлинники документов начала таять. Обидно, но факт. Хотелось наказать жирного борова, но теперь эта затея стала слишком опасной. Собрав остатки трофейного снаряжения, я уже без недавнего воодушевления вернулся в бункер и слил все, за исключением нужного. “Гром”, с патронами и выстрелами, конечно, оставил. Возникла мысль спихнуть автомат, но я подумал, что денег за него много не выручишь, а второй подствольник, при нашем количестве гранат, лишним не будет.

Закончив с необходимым, я разложил на полу комнаты, где спал Артем, матрац и улегся на него. Усталость сделала свое дело – несмотря на пережитые потрясения, я уснул крепким сном.

Разбудил меня Артем.

– Вставай, сталкер! – сказал он, трясая меня за плечо. – Нас ждут великие дела.

Я достал КПК и глянул на время. Почти четыре часа дня. Круглов принес электрический чайник, и мы вдвоем с удовольствием попили горячего чая. После чаепития Круглова вызвал Сахаров, и мы остались одни.

– Почему раньше не разбудил? – попенял я Артему.

– Спал больно сладко, – усмехнулся напарник. – Да я и сам только час как проснулся. Вымотались мы с тобой. Вот усталость свое и взяла. Кстати, стоит смотаться в бар. С учеными мы подружились, перевалочную базу, по сути, создали. Осталось выдвинуться дальше на север и найти то, что ищем. Подготовка операции завершена, пора переходить к заключительной фазе. А значит, самое время подтянуть хвосты. Если выдвинемся на север, то в бар попадем не скоро.

– Скорее всего, мы туда больше вообще не попадем, – хмуро заявил я. – Тем более что вечером я бы не стал покидать бункер.

– С чего такой пессимизм? – сощурился Артем. – До вечера еще часа четыре, а до бара рукой подать.

– Это не пессимизм, а суровая правда жизни, – ответил я и рассказал о случившемся.

– Н-да... – он почесал макушку. – Только обуяла жадность, тут же постигло возмездие. Поучительно.

– При чем тут жадность? – надулся я.

– При том. Тебе легкая прибыль глаза застила, и ты бросился на заработок, очертя голову. Думал не о том, что вокруг, а о том, как быстрее выполнить задание и получить за него награду.

В чем-то он был прав. Хотя и без того я мог прибить должовца, пробиравшегося через толпу зомбаков.

– Случайность, – пожал я плечами.

– Случайностей не бывает, – уверенно заявил Артем. – Мир так устроен, что у каждого события есть своя причина, а чаще несколько. И свои последствия.

Философствовать я не был готов.

– Фигня. – Оставалось махнуть рукой. – Тут все равно лучше. Будем затариваться у Сахарова. Если выдвигаться на север, отсюда возвращаться ближе. И цены лучше.

– Конечно, – хитро сощурился Артем. – А кто-то хотел наказать жирного борова за подставу.

– Руки марать неохота. И не надо ловить меня на “слабо”! Не мальчик, блин!

– Не кипятись.

– Да я спокоен, как слон! – ответил я. – Ладно. Проблема все равно остается.

– Какая?

– Когда-нибудь мы закончим экспедицию, и мне надо будет вернуться домой. Другой дороги на юг нет, только через должовскую базу и блокпост у Темной Долины. У нас с тобой недурно получается работать в паре.

– И что?

– Поможешь пройти назад?

– Через базу и пост?

– Да. У меня там дом. И добра в нем до фига. И машина, между прочим, трофейная.

– Ладно, – подумав, ответил он. – Решим мое дело, займемся твоим. Это честно.

Его ответ меня полностью удовлетворил.

– Как бы там ни было, – добавил я, – с должовцами встречаться нам в Зоне придется не раз. И это будет проблемой. Их много.

– Больше травы, легче косить, – процитировал напарник слова великого полководца.

– В теории, – отмахнулся я.

– Ладно, нос не вешай.

– Лучший путь на север лежит как раз через базу “Долга”. – Я достал КПК и показал на карте предполагаемый маршрут. Смотри – тут “Янтарь”. Он со всех сторон огорожен, замучаемся пролезать. Вплотную к нему железнодорожный узел, дальше склады. Везде заборы бетонные или здания вплотную стоят. Не пройти. Фактически нам придется прошмыгнуть рядом с северным входом на базу “Долга”, чтобы выйти к дороге мимо хутора. Я там бывал. Дальше территория “Свободы”, еще дальше хозяйничают монолитовцы.

– Ну, прошмыгнуть-то мы прошмыгнем. Снарядились как следует. Это ведь не на саму базу лезть.

– Логично.

– Тогда не стоит это откладывать в долгий ящик.

На том и порешили. Я похвастался штурмовым комплексом “Гром”, мы собрали необходимое, попрощались с учеными и покинули гостеприимный бункер.

За ночь на болото сбродились новые зомбаки. Перли они, как рассказал на прощанье Круглов, со стороны “Янтаря”, где их было немерено. Неделью назад армейцы пробовали зачистить их, послали полное отделение со снайпером. Одиннадцать человек. Вернулось шестеро, еще двоих на себе притащили. Так что для нас оставался действительно один путь – через северный пост “Долга”. На “Янтарь” соваться было опасно, а главное – бессмысленно. Только патроны на зомбаков тратить. И так, пока добрались до тоннеля под насыпью – полный магазин к “калашу” долой. Пятерых зомби вальнули, еще от троих сделали ноги при первой возможности, чтобы патроны не тратить. Но, подумав, я решил вернуться и их добить. А то нехорошо по отношению к ученым. Не их это дело, зомбаков крушить. Пусть открытия делают.

Чтобы поберечь патроны, я решил применить хитрость. Засел за деревом возле болота, пальнул пару раз в сторону зомби и стал ждать, когда они побредут на меня. Ну, они и побредли, как обычно. А я сидел и ждал, когда они в кучу собьются. Мозгов-то нету. А как собрались, я им под ноги лимонку, а сам за дерево. Шарахнуло как следует. Двоих в клочья, одного повалило, но он еще дергался. Я его добил, забрал все автоматные патроны, да еще у одного оказалось двадцать винтовочных. Словом, вернулся я к Артему в полном шоколаде.

– Молодец, – похвалил напарник. – В тебе начинают проклевываться положительные качества.

– Иди ты! – огрызнулся я. – А то во мне их раньше не было.

– Жадноват ты, – пояснил Артем. – И малость эгоистичен. А тут, ради ученых, обошедшихся с тобой вполне честно, ты не пожалел нескольких патронов и целой гранаты. Прогресс.

– Ага. Дожился. Мне еще салаги нотаций в Зоне не читали. Пойдем, чистолюй.

Помня о “Жарках” в тоннеле, я побоялся туда соваться с разбегу, как Круглов. Покидал болты, примерился. Прикинул безопасную траекторию. По ней и прошли.

Но впереди нас ждал очень неприятный сюрприз – военные, зачистив железнодорожный узел, оставили свой блокпост. Хорошо, что мы узнали это, не наткнувшись на них, а услышав их переговоры в динамике радиосканера. Судя по голосам, там было человек пять.

– Вот заразы, – сплюнул я под ноги.

Склад, расстрелянный вертолетами, уже не горел, но в некоторых местах дымился. В спецкостюме запах не чувствовался, и это радовало, потому что вонять должно было гадостно – знаю я, как смердит паленое мясо. Но в данном случае стелящаяся дымная пелена давала нам дополнительное укрытие. Прокравшись вдоль стены, я заметил двух армейцев возле башенного крана.

– Левый твой, – шепнул я Артему.

Мы вскинули винтовки и разом выстрелили. Вояки рухнули как подкошенные. Мы тут же рванули вперед и присели возле трупов, стараясь отследить изменения в обстановке. Я обшарил тела, нашел патроны к автомату и лимонку.

– Внимание, противник! – раздалось со стороны железнодорожной платформы.

Я достал “Гром” и снарядил подствольник. Артем приготовился отсекал остальных из винтовки. Воякам, в узком коридоре между забором и пакгаузом, пришлось двигаться кучно, поэтому они скопом выскочили на площадку перед башенным краном. Я тут же пальнул по ним из подствольника, снял двоих, а третьего срезал Артем. Но тут по нам с дальней осветительной вышки начал шмалять снайпер.

– Вот же зараза! – выдохнул я, отползая за ангар.

Артем, коротко высовываясь, принялся поливать вышку короткими очередями, но очередная пуля так близко от его головы прошибла металл ангара, что он оставил эту затею. Он оказался заперт в углу – не выбраться.

– Кинь мне снайперку! – попросил я, прекрасно понимая, что нахожусь в более выгодной позиции.

Он снял с рюкзака и швырнул мне винтовку. Перехватив ее за цевье, я под прикрытием кустов отполз чуть в сторону и примерился метнуться за бетонные плиты. Оттуда с армейским снайпером уже можно было поспорить. Проблема заключалась лишь в том, как не получить пулю в голову на пути из одного укрытия в другое. Я подумал и решил использовать для повышения собственной безопасности низкую боевую скорострельность вражеской винтовки.

– Артем! – позвал я напарника.

– Что?

– Сам не высовывайся, но пальни пару раз в сторону снайпера. Надо приковать его внимание к тебе.

– Понял.

Но прежде чем я услышал выстрел Артема, грохнуло с вышки – видимо, противник уловил движение за ангаром и тут же отреагировал. Я тоже отреагировал – едва услышав выстрел, метнулся к плитам и залег за ними. Похоже, снайпер не отрывался от прицела, сильно снижая себе этим угол обзора. Мой бросок он не заметил.

Уже в более или менее спокойной обстановке за плитами я нашел между ними похожую на амбразуру щель и просунул в нее ствол винтовки. Четырехкратная оптика “ИЛ-86” для такой дистанции была слабовата. Вышку я видел, а вот снайпера нет. Он же был вооружен “СВД”, а у нее и мощность прицела, и мощность выстрела не в пример больше. Тут даже с полным набором “Маминых бус”, поймай такую пулю в шлем, очухиваться будешь до вечера. Точнее, не очухаешься вовсе – у снайпера будет достаточно времени и возможности добить жертву.

– Артем! – снова позвал я. – Я его, блин, не вижу совсем! Заставь его пальнуть!

Я только успел договорить, не отрывая глаз от прицела, как на вышке мигнула яркая вспышка. Приглядевшись, я все же заметил снайпера. Он стоял на одном колене, для удобства положив винтовку на перекладину вышки. Я перевел предохранитель на одиночный огонь. Из “ИЛ-86” с такой дистанции мне стрелять еще не приходилось, но я прицелился чуть выше головы, понимая, что для моей винтовки это предел эффективного расстояния. Плавно выдавил спуск. Винтовка толкнула меня в плечо, но только я опять поймал противника в прицел, тут же выстрелил второй раз. Он ответил. Меня он тоже видел плохо за плитами, точнее, не видел вовсе, так что тоже бил по вспышке моего выстрела. Но прицельно – в стекло моего шлема полетели осколки выбитого бетона. Разозлившись, я переключился на автоматический огонь и принялся колошматить короткими очередями. На предельной дистанции эффективности это не добавило, да к тому же постоянно мерцавшие вспышки выстрелов дали противнику возможность прицелиться еще лучше. Так что следующим выстрелом он впечатал пулю прямо в мою винтовку. Меня шарахнуло по рукам, а во все стороны полетели осколки оптики. Чертыхнувшись, я залег за плитами и начал прикидывать, как же выбраться из создавшейся ситуации. Теоретически можно было попробовать снять супостата из подствольника, но это тоже весьма непростая задача с учетом дистанции. Фиг попадешь более или менее точно.

Снайперке пришел конец, поэтому я снова взял в руки “Гром”. Оптике на нем не было, зато стоял интегрированный подствольник. И убийность у него просто чудовищная. Главное, попасть.

Я откинул прицел подствольника, прикинул траекторию, по которой полетит граната, и выстрелил. На вышке шарахнуло. Зацепил я снайпера или нет, сказать было трудно, но Артем, молодчина, не стал мешкать, а выскочил из своей ловушки и рванул в мою сторону. Чтобы его прикрыть, на случай если снайпер остался в боеспособном состоянии, я начал молотить короткими очередями по вышке. Мощный громовский патрон посылает пулю с такой силой,

что снайперу позавидовать было сложно – наверняка там куски металла летели сейчас во все стороны.

И все же он выстрелил. Пуля вскользь ударила Артема в грудь, сбила с ног, но кевлар спецкостюма выдержал. Я постарался успокоиться, сменил магазин и начал бить очень короткими очередями как можно ритмичнее. Врага я не видел, но помнил, где он засел, так что мои пули, вне всяких сомнений, пролетали очень близко от него. Артем поднялся и снова бросился ко мне. Я перезарядил подствольник и снова послал гранату в цель. Она рванула чуть ниже прежнего, прямо на уровне платформы. При этом я заметил крошечный силуэт противника, метнувшийся в сторону. Похоже, его сбило ударной волной. Я тут же очень аккуратно добавил пулями. Ответа не было.

Достав бинокль, я внимательно осмотрел вышку. Снайпер неподвижно висел на поперечной трубе. Винтовка валялась рядом. Но вряд ли она осталась в боеспособном состоянии.

– Готов, – с облегчением выдохнул я. – Можно двигать дальше.

– Дай отдышаться, – сказал Артем. – У тебя есть табак?

– Я не курю, – пробурчал я в ответ.

– Я тоже, – с сожалением вздохнул Артем.

Отсидевшись минут пять, мы привели в порядок снаряжение и направились в сторону долговской базы. Жалко было снайперку, но тут уж ничего не попишешь.

Через железнодорожный узел пробирались медленно и вдумчиво. Не хотелось после такой трудной стычки нарваться еще на кого-нибудь. Например, на бандитов, которые в таких сложных для прохода местах любили устраивать засады. И то, что военные оставили тут свой кордон, ничего ровным счетом не меняло, поскольку бандюки могли расположиться чуть в стороне, не отсвечивать раньше времени, а потом, при возможности, нахлобучивать сталкеров, возвращающихся с “Янтаря”. Понятно, что оттуда без хабара не возвращаются. Менее опытные, те, что пошли за легкой добычей, не возвращались вовсе. Однако новичку, наверное, в голову не придет туда переться. Хотя всем известно, что север богат хабаром. Всем, в том числе и бандитам.

Мы осторожно пробрались вдоль платформ, мимо товарных вагонов, груженных песком и щебнем.

– Столько добра пропадает, – сказал вдруг Артем.

– Тебе-то какое дело? – пожал я плечами.

– Никакого. А все равно жаль. Кто-то ведь добывал, да и вагоны эти чьими-то руками сделаны. А теперь стоят и ржавеют.

Честно говоря, мне это было до лампочки. Я как-то больше привык заботиться не о чужом добре, а о собственной заднице. Не до лирики тут, это уж точно.

Я достал КПК, сверился с картой, а заодно посмотрел, нет ли активных устройств в зоне обнаружения. Их было два. И тут на Артема напал словесный понос. От нервов, ясное дело. Да только мне от этого легче не стало – мне надо было прислушиваться к окружающему пространству, а не принимать на уши пустопорожнюю болтовню. Артем же молотил полную чушь. Причем чушь страшненькую, а такая на нервы действует больше всего.

– Иногда кажется, – плел Артем почти в полный голос, – что все тут правы, кроме ученых. И сталкеры правы со своими легендами, и Зона права в тех ужасах, которые порождает. А ученые просто смотрят на новое и называют его как-нибудь, словно кому-то легче становится от того, что они так назовут или эдак. Ну вот какая разница, к примеру, “Трамплином” ловушку назвать или гравитационной аномалией? Ан нет! Назовут как-то заумно и думают, что поняли суть. Или, того смешнее, эту суть объяснили.

– Заткнись, а? – спокойно попросил я.

– Нет, ну чего ты меня затыкаешь? – обиделся напарник. – Тебя самого колышет разница в “Трамплин” попасть или в гравитационную аномалию?

– Иди ты в пень с такими примерами, – сплюнул я. – Закрой поддувало, я тебя второй раз прошу. Не слышно ни черта из-за твоей болтовни!

– Да нет же! – он словно не слышал. – О важных ведь вещах говорю!

– Закройся, блин! – уже прикрикнул я. – А то я тебе кляп в хлебало воткну. Не буди во мне зверя!

И тут до меня вдруг дошло, что чувшь, которую молотил Артем, может оказаться наведенной. Ну, не видел я до этого в напарнике болтуна. Не мог я так ошибаться в людях. В Зоне ведь чувствительность не хуже спецкостюма спасает. А порой и лучше. Особенно когда в тебя не стреляют ни бандиты, ни военные, ни сталкеры из других группировок. Когда начинается противодействие самой Зоны. И что бы ни говорили научники по этому поводу, я-то уж точно знал – в Зоне, как в тайге, надо соблюдать целый свод правил, из которых половина утилитарные, а половина – шаманство чистой воды. Смех смехом, но вторую часть законов нарушать так же смертельно опасно, как и первую. И одним из таких правил было – не трепись почем зря, а уж тем более не говори о том нечеловеческом, что может убить. Это только новички-сталкеры, сидя у костра, травят анекдоты то про парня, мечтавшего летать и попавшего в “Трамплин”, то еще какую-нибудь хрень. Потом, пообжившись в Зоне, уже не травят. Одни языки прикусили, когда разобрались, что к чему, а с другими Зона сама разобралась очень быстро.

Есть одно качество, которое меня в Зоне до сих пор поражает и пугает до судорог. Она – разная. И от чего эта разница зависит, псевдособака не разберет. Чаще всего Зона – просто индустриальный пейзаж со складами, заводиками, НИИ, насосными станциями, высоковольтными линиями, озерами, речками, лесочками, с блуждающими по ней сталкерами, бандитами и мутантами, подстерегающими ловушками-аномалиями, валяющимися артефактами. И когда попадаешь сюда, то первое время всё кажется довольно обыденным. Ну не то чтобы совсем, но впечатление куда слабее, чем ожидалось. Уже через пару дней начинаешь собирать артефакты, будто картошку какую-то, аномалии обходить, словно капканы или ловчие ямы, а слепых псов или псевдособак отстреливать, как обычную агрессивную живность. Трудно тут, необустроено, люди жестокие, но в общем и целом – место как место. На войне, наверное, почти так же. Только мины вместо “Трамплинов” и “Жарок”.

Но это лишь один из двух ликов Зоны. Другой не сразу, скажу я вам, проявляется. А когда проявляется, первая мысль – это бросить все и драпать как можно дальше. Многие так и делают, кстати. Я и сам так чуть не поступил, когда впервые ощутил по-настоящему, где нахожусь. И так меня это пробрало, что несколько дней из бункера своего картофельно-лукового нос высунуть боялся.

Хорошо, что такое бывает редко. Иначе ни у кого бы тут нервы не выдержали. Хотя нет, вру. Встречались в Зоне сумасшедшие вроде Призрака, Стрелка, Доктора или Проводника. Эти только по молодости капусту косили да мошну набивали. И лезли при этом в такие места, что у меня от одних названий волосы на макушке дыбом становятся. Чуть позже, по отличительному признаку полной безбашенности, они сбились в компанию, которая гремела на всю Зону. О них рассказывали самые невероятные байки. Потом Призрак пропал. В одной из вылазок к самому Саркофагу. И Стрелок пропал на какое-то время. Правда, поговаривают, что недавно его видели у озера Янтарь. А монолитовцы так и вовсе от звука его имени содрагаются так, как христиане от имени сатаны.

Но дело не в самой компании, а в том, что эти ребята изучали совсем другую Зону, не ту, по которой бродим мы в поисках артефактов. Именно изучали, иначе не скажешь. Денег они уже столько к тому времени наколотили, что некоторые бразильские наркобароны полопались бы от зависти. Но ни Призрак, ни Стрелок не спешили покидать Зону. Их тут держало нечто большее, чем деньги и возможность их добыть. Может быть, даже нечто большее, чем необузданное любопытство.

Когда сталкеры бродили по Зоне, постреливая друг в друга, в бандитов и мутантов, Призрак со Стрелком в компании бармена или Доктора пили в баре. Их не интересовало то, что доступно всем. А вот когда Зона менялась... А менялась она неуловимо, быстро и чаще всего неожиданно, загоняя сталкеров на базы и в убежища, заставляя сбиваться в шайки и группировки.

Не знаю, была ли возможность у Артема увидеть эту сторону Зоны. Но мне уже было почти доподлинно ясно, что весь наш предыдущий путь представлял собой легкую увеселительную прогулку по обычным промышленным объектам, населенным агрессивно настроенными бандитами и мелкой хищной живностью. Разве что лаборатория Х-18 выбивалась из общей картины. В ней Зона ощущалась чуть больше обычного. В остальном же – как на войне. И поскольку Артем на войне, скорее всего, бывал, чувствовал он себя первую половину пути в своей тарелке. А вот тут его прихватило. И срыв на болтовню – первый признак того, что Зона собирается показать свои настоящие зубы. В любом случае словесную струю надо было заткнуть, поэтому я взял напарника за плечо и встряхнул как следует.

– Ты чего? – удивился он.

– Закройся, – коротко скомандовал я. – Цветочки кончились, сейчас пойдут ягодки. Хоть звук издашь без моего разрешения, я тебя прямо тут пристрелю и скажу, что так и было. Доступно?

– Что с тобой? – напрягся он.

Лица его не было видно за дымчатым стеклом шлема, но, кажется, мне удалось его напугать. Или уже не мне. Меня тоже потихоньку накрывало, но я по крайней мере знал, что это не изнутри, а извне, поэтому боролся с состоянием, как с врагом, а не как с собственными эмоциями.

Я прислушался. И, понятное дело, не услышал ничего радостного.

– Кто это рычит? – еще более напряженно спросил Артем.

– Снорки, – ответил я как можно спокойнее. – Четыре особи или пять.

– Сколько?!

– Сколько слышал.

Небо быстро мрачнело. И без того солнца было не видать, а тут тучи на глазах уплотнились, снизились, превратились в серые лохматые клочья промокшей ваты. Хлынул дождь. Он низвергался с небес крупными каплями, каждая из которых при ударе об асфальт разбрасывала кольцо пыли, похожее на ударную волну от авиабомбы. Я осмотрелся. Из всех позиций при встрече со снорками хороша та, где можно легко двигаться во всех направлениях. Потому что это не псевдособаки и не слепые псы, от них не отстреляешься, прижавшись спиной к стене. Даже из двух стволов.

– Быстро за мной! – снова скомандовал я, рванувшись из стиснутого вагонами пространства на треугольный пятачок между рельсовыми магистралями. Он был метров тридцать длиной и около двадцати шириной – почти правильный равносторонний треугольник, очерченный идущими из депо путями.

– Позицию занимаем в самом центре, – продолжал я давать указания. – И запомни, что в этой драке самым опасным фактором для меня являешься ты, а для тебя я.

– В каком смысле?

– В самом прямом. Сейчас тут такое пойдет молотилово, что нам обоим придется быть до крайности собранными, чтобы не срезать друг друга очередями в горячке. И учти – я не шучу.

– Ты не преувеличиваешь? – глухо спросил напарник через переговорное устройство костюма. – Мы же в подземелье сталкивались со снорком. Ну, резкие они, но все же, на мой взгляд, это не повод для паники.

Он говорил почти спокойно, к тому же мембрана говорильника скрадывала эмоции. Но, несмотря на ободряющий текст, я видел, как дрожат у Артема руки, сжимавшие автоматическую винтовку. Нас обоих накрывала Зона. Я решил, что лучше ему рассказать об этом.

Артем слушал молча. Ни разу не перебил. А тучи над нами клубились, как в голливудском фильме ужасов. Клубились и сочились крупными каплями проливного дождя.

– Галлюцинации? – спокойно спросил напарник, когда я закончил двухминутные пояснения.

– Иногда мне кажется, что Зона – одна сплошная непрекращающаяся галлюцинация, – со вздохом ответил я. – Или кошмарный сон. Порой настолько страшный, что во время него

можно умереть от разрыва сердца. И все же это не просто глюки. Понятия не имею, как это можно объяснить с физической точки зрения, но умереть от них можно так же легко, как от попавшей в лоб пули. И попрошу отнестись к этому со всей возможной серьезностью.

Рычание четырех снарков неумолимо приближалось. Я знал, что в подобной ситуации лучший способ борьбы с ними – стрельба в голову из снайперки с приличной дистанции. Но и при таком идеальном варианте далеко не первое попадание будет смертельным. К тому же снайперки у нас не было. А из автомата с открытым прицелом по ним молотить с тридцати метров – только патроны тратить. Тут уж либо в упор, либо точно в лоб.

Говорить этого я не стал, но на самом деле подобную странность я с физической точки зрения объяснить себе не мог. Большинство монстров Зоны выдерживало по несколько прямых попаданий в голову, продолжая сохранять почти полную боеспособность. После одного случая моя теория на этот счет только окрепла. Но я не любил делиться своими соображениями по этому поводу – засмеют к чертям псевдособачьим. Многих такая живучесть местных мутантов, особенно плоти, давно перестала удивлять. Но я каждый раз задумывался. Именно потому, что это, пусть и косвенно, подтверждало мою постепенно крепнущую теорию. И если до встречи с Артемом мысли об этом редко посещали меня, просто некогда было за постоянными заботами о добыче и сливе артефактов, то за прошедшие дни я как-то всерьез, все чаще и чаще, стал задумываться.

“Превращаюсь в Призрака”, – подумал я.

Тот тоже все время задумывался о сути и природе Зоны. То одни теории у него возникали, то другие. Одни нелепые, другие страшные, третьи захватывающие. Когда Призрак делился своими соображениями, в баре народ собирался как на концерт. Я думаю, что бармен за эти моноспектали ему не слабо приплачивал, столько всего там употреблялось под эту лавочку. Но если кто представит себе Призрака балагуром, то сильно ошибется. Он был именно исследователем. Точнее, не был, а стал им. Стал тут, в Зоне. А приехал, как все, – баблос поднять. Но только Зона его сильно изменила. Как он сам говорил, она показала ему нечто такое, после чего в нем накрепко засела идея добраться до центра и выяснить кое-что. Но, как бы там ни было, на серьезного исследователя он был похож, на мой взгляд, куда больше, чем Круглов или Сахаров. Призрак мне по всем статьям напоминал Индиану Джонса. Включая то, что он исследовал, как исследовал и какие получал результаты.

За товарными вагонами, метрах в сорока от нас, показался снарк. Артем тут же саданул в него очередь, подняв фонтанчики от попавших в размокшую глину пуль.

– Не трать патроны, – посоветовал я. – Им автоматная пуля с такой дистанции, что тебе камень в задницу из рогатки. Больно, обидно, но несмертельно.

– Что же мне с ним, в рукопашную биться? – нервно спросил напарник.

– Не дай бог! – Я сплюнул через левое плечо. – Но бить надо в голову, и метров с десяти-пятнадцати.

– Из винтовки? – поразился Артем.

– Именно так. Из всего остального, кроме автомата, в них стрелять – все равно что в другую сторону.

Тучи сгустились настолько, что темно стало, как ночью. А ночь в Зоне – самое страшное время. Мало кто отваживается вылезать из укрытий. Дураков нет. Но, с другой стороны, именно ночью становятся видны самые редкие артефакты, а значит, и самые ценные. Такая вот насмешка над сталкерами со стороны Зоны. Но, несмотря на это, по ночам ищут только типы вроде Призрака с наглухо снятой башней. Я человек практичный, но и то разок пришлось пройтись ночью по Зоне. В награду два “Сверла” и полные штаны в качестве бонуса. Потому что не только чокнутые или до крайности жадные сталкеры вылезают по ночам из убежищ, но и самые страшные монстры. Вроде кровососов или, не в такой ситуации будь помянут, контролер. Это вообще, не приведи господь, что. Фреды Крюгер в сравнении с контролером просто нервно курит ароматический бамбук у стойки бара. Это, по моему мнению, самый страшный из ужасов Зоны. И самый опасный. Сам я с ним не встречался, миновала чаша сия, но после рассказов немногих выживших хотелось эту встречу отложить

на как можно более долгий срок. Благо тварь эта, в отличие от снорка или того же кровососа, встречается редко. Тьму она любит, как младенец мамину титьку. Я поэтому в подземелья забираюсь только на очень выгодных для меня финансовых условиях.

Все же Артемова очередь возымела на снорка какое-то действие. По крайней мере он, стоя на четвереньках и задрав в темное небо задницу, не кинулся в нашу сторону, а ускакал за вагоны. Остальные же, судя по рычанию, в кучу сбиваться не стали, а начали обходить нас со всех сторон. Ничего удивительного в том не было – это их обычная тактика.

– Когда кинутся, не стой как столб, – предупредил я Артема. – Отступай назад, сохраняй дистанцию и бей в голову. Не бездумно, а именно в голову. А со спины я тебя буду прикрывать, как и ты меня.

– А с флангов кто прикроет?

– Болтаешь много, – отрезал я.

Видимость в сумерках под тучами была отвратительной, а дождь эту ситуацию никак не улучшал. К тому же снорки одеты обычно в оставшееся от сталкеров тряпье и остатки снаряжения. Тряпье это, и так не яркое, со временем приобретает под кислотными дождями такую окраску, что от грунта фига-с-два отличишь. У псевдособак хоть глаза сверкают во тьме, а у этих... Иногда кровососа заметить проще, чем снорка, хотя бы потому, что кровососы ходят на двух ногах. Снорки же на нижние конечности встают только перед смертельно опасным прыжком, а так предпочитают передвигаться в весьма неловкой, с точки зрения человека, позиции. В позе пьющего оленя, я бы так ее охарактеризовал.

Поэтому смотреть приходилось во все глаза, включив внимание на полную мощность. Но и так противника я больше слышал, чем видел, – лишь иногда между вагонами или на фоне светлой стены склада мелькала приземистая тень или силуэт на карачках. Рычать же снорки никогда не стеснялись. Видимо, это никак не мешало им охотиться и убивать, иначе отучились бы. Зона быстро отсекает лишнее, я замечал. Хотя с рычанием все было понятно – оно действовало на психику настолько сокрушительно, что жертва к моменту нападения оказывалась полностью деморализованной. Что облегчало ее убийство.

Но как бы долго снорки ни ходили кругами, рано или поздно они нападут. Я это знал не в теории, на практике, а потому ждал момента, пытаюсь удержать нервную систему хоть в каком-то подобии спокойствия. На самом деле меня колотило не меньше, чем Артема. А у него стучание зубов отдавалось колебаниями мембраны переговорного устройства. Я стиснул челюсти – не хватало еще в глазах салаги предстать трусоватым. Но себя не обманешь – у меня аж в животе заурчало от ужаса, а пот сочился из всех пор на коже, стекая по спине холодными волнами. Если бы не перчатки гермокостюма на руках, давно бы уже “Гром” в траву упустил.

Первым бросился снорк из-за вагонов. Тот самый, которого Артем уже угостил свинцом. Я выдохнул, вскинул автомат и, прицелившись, выпустил ему в голову короткую очередь. Но в этот момент снорк встал во весь рост, поэтому пули прошли ему грудь и живот, причинив мало вреда. Мало не мало, а прыгать он не стал, снова опустился на четвереньки и кинулся на меня. Я не успел навести прицел, чтобы добавить в голову, но тут меня поддержал огнем напарник. Вдвоем мы тремя очередями уложили чудище, но прозевали целых двух снорков, бросившихся на нас сзади. Удары их рук, или, точнее, лап, как мне кажется, оказались чудовищными – у меня кости затрещали, а в глазах завертелись рои красных мух. Я тут же развернулся и изо всех сил побежал задом наперед, почти непрерывно стреляя перед собой. В голову так и не попал, четверть магазина вообще выпустил мимо, а оставшиеся пять пуль, попавших снорку в грудь, только сильнее его раззадорили. Артем же замешкался, и снорк начал молотить его всерьез. Я бы с такой короткой дистанции, может, и срезал тварь, но у меня был свой противник, хоть и раненый, но не менее резвый. Да и патроны у меня кончились – надо было сменить магазин. Я снова развернулся и банально дал деру, на бегу перезаряжая автомат. Снорк за мной. Артем вяло отстреливался. Было ясно, что продержится он недолго. Наконец, передернув затвор, я вернул автомат в боеспособное состояние и двумя неожиданно меткими очередями добил гадину.

Перепрыгнув через дергающееся тело, я со всех ног рванул к месту стычки Артема с оставшимся снарком, но не успел преодолеть и пятнадцати метров, как из-за платформы наперерез мне кинулся еще один. Я выстрелил в него с упреждением, но, к счастью, понял, что лишь напрасно трачу патроны. В снарка стрелять можно либо из снайперки, либо когда он мчится напрямик на тебя. Иначе попасть ему в голову почти невозможно. А все остальное – пустое.

Оценив остроту ситуации, я понял, что Артем может погибнуть в любой момент. Снарк просто раздерет его, несмотря на защиту научного спецкостюма. И плакали тогда мои денежки. И я решил не слабо рискнуть – продолжать мчаться вперед, не меняя траектории, словно справа не рвался мне наперерез еще один снарк.

– Оторвись от него! – крикнул я изо всех сил. – Сдай назад и добей с нескольких шагов!

Артем отреагировал, сорвал дистанцию, а я припечатал снарка короткой очередью. Убить не убил, но прыгнуть не дал. Артем оторвался еще сильнее и забил половину магазина тварюге в голову. На меня же сбоку бросился свеженький снарк, но к этому я был готов, как картошка к обеду, – развернулся, попятился и добил остатки патронов. Снарк дернулся и издох. Обернувшись, я увидел, что и Артем со своим разделался.

– Как ты? – спросил я.

– Бывало лучше, – ответил напарник.

Подрали его нормально. Я помог ему стянуть костюм и наложить бинты.

– Надо возвращаться в бункер, – хмуро проговорил я. – Ночь на носу. От снарков отбились, сейчас из всех подвалов полезут кровососы.

– Не паникуй...

– Ты на себя посмотри!

– Это царапины, – отмахнулся Артем, вкалывая себе обезболивающее. – Опасных повреждений не вижу.

– Иди ты! Неужели не чувствуешь – Зона проснулась!

– Чувствую, чувствую. Именно поэтому в бункер мы не пойдем.

– Что?! – У меня чуть глаза на лоб не вылезли, хорошо, что стекло шлема помешало.

– Что слышал, – натягивая костюм обратно, ответил напарник. – Думаешь, почему я не очень спешил на север?

– А ты не спешил?

– Эх, дурья твоя башка. Стал бы я тратить время на поиски документов и драного спецкостюма! Сталкер... Знаешь ведь, что самые редкие артефакты проявляются только в таком состоянии Зоны.

– И что? – До меня начало доходить.

– Тот артефакт, за которым мы премся, очень редкий. Реже, знаешь ли, наверное, некуда. Под ясным солнышком его не найти. Или не отличить от булыжника. Я ждал этого момента, а ты говоришь – в бункер. Хрена ли тогда было время тратить?

– Бли-и-и-и... – протянул я. – Сдохнем точно.

– А ты думал получить миллион за прогулочку? Тоже мне... Хоббит. Туда и обратно.

В депо заревел кровосос. А еще чуть дальше и глуше я услышал то, чего не слышал еще ни разу в жизни. И надеялся никогда не услышать. Но именно так выжившие описывали бурчание контролера. У меня чуть судороги от страха не начались. Думал, натурально обгажусь, честно слово. Но сдержался – костюм было жалко. Я уже подумал официально отказаться от миллиона, но Артем схватил меня за ворот костюма и так рванул, что я носом о дымчатое стекло ударился.

– Эй, сталкер! – Он прислонился своим стеклом к моему. – А ну вперед! Не дрейфь! Все не так плохо. Это на тебя Зона, брат, действует. Возьми себя в руки!

Я попытался, но колотило меня так, что кишки в животе перекручивались. Кровосос проревел снова, и я заметил его черный силуэт в проеме ворот депо.

– Чешем отсюда! – Артем снова меня рванул.

И мы чесанули. Вряд ли я побил европейский рекорд по спринту, все же повешено на мне было много, но сердце стучало не в груди, а в глотке, когда мы добрались до участка, контролируемого сталкерами из группировки “Наемники”. От бандитов они отличались мало, а на мой взгляд, не отличались вовсе. Разве что вооружены и экипированы были получше. КПК мой показал два активных устройства в зоне обнаружения. Но ни одной живой души видно не было. Попрытались, заразы.

У входа в бетонный коридор, который никак было не миновать, валялись три трупа. Один в долговской форме, другой в бронежилете наемника. Рядом с последним лежала такая же, как у Артема, винтовка, только с пристегнутой оптикой. Меня даже отпустило немного, когда я ее увидел. Подскочил, подобрал, осмотрел – новенькая. И патронов в подсумках у жмурика было штук двести, не меньше. Я их сгреб в рюкзак, и мне полегчало еще сильнее. Эдак можно и выжить.

У остальных имелись патроны к автомату, но много я их брать не стал – лишний груз в теперешних условиях. Вряд ли нам на пути мог попасться хоть один противник, которого возможно одолеть с “калашом”. У последнего жмурика я взял гранату. Наконец-то их количество позволило мне ощутить проблеск уверенности в завтрашнем дне.

Прорвавшись по коридору и не встретив обычного в этом месте сопротивления со стороны наемников, мы пересекли открытый участок, обогнули застрявший поперек дороги “КамАЗ” с прогнанным тентом и оказались у пробитых из “РПГ-7” ворот. За ними начиналась долговская база. Кордон находился через дорогу, за мешками с песком.

– Тихо! – остановил я Артема, готового влезть в дыру. – В драку с долговцами не вступать. На базу не соваться. Я документы бармену потом отдам. Идет?

– Да.

– Пролезаем через дыру, сразу налево и деру со всех ног. Понял? Хотя раз выстрелишь, я тебя лишу ужина. Это серьезно.

Я пропустил его вперед, протиснулся следом, и тут нам в глаза ударило не меньше семи фонарей с дистанции метров сорок.

– Внимание, противник! – закричал долговский командир.

Разобрались бы хоть для начала. Уроды.

Я подтолкнул Артема и сам дал ходу. По нам открыли огонь, но меня по бедру чиркнула через кевлар костюма только одна пуля. Артема, кажется, вообще не зацепило. Мы скрылись из сектора обстрела за углом и еще прибавили. Хотя ясно было – в такое время никто за нами гнаться не будет. По их мнению, мы рвались на базу, ища спасения от Зоны. Они нас отогнали. Значит, минут через двадцать сдохнем сами. А если не сдохнем, значит, крутые, как Призрак. А раз крутые, так и хорошо, что не было драки. Логика у должников была прямолинейной, как стрела Чингачука.

Сбежав с холма, мы оказались перед проходом в бетонной стене, которую преграждал шлагбаум. Тут же поперек дороги стоял бортовой “ЗИЛ”. Судя по показаниям КПК, никого вокруг не было. Да и не должно было быть. Надвигалась ночь. Время, когда в Зоне властвуют другие, не человеческие силы.

– Да, теперь в бар нам не просто будет попасть, – вздохнул я.

– Жадность наказуема, – философски ответил Артем. – Теперь тебе деваться некуда, только идти со мной дальше. Ты теперь вроде изгоя.

Я мысленно послал его куда следовало, мы пролезли под шлагбаумом и осторожно двинулись дальше. Туда, где на карте был обозначен заброшенный хутор.

Глава 7

В которой Лемур выходит из себя, Артем – на чистую воду, а ситуация – из-под контроля

Наступила ночь. Мы с Артемом тихонько лежали в кустах и слушали, как падают в темную траву увесистые капли дождя. Темно было, будто у негра в ухе, только впереди, метрах в пятидесяти от нас, за пригорком, что-то светилось нехорошим, мертвенно-зеленым маревом.

Светлее от этого не становилось, даже наоборот. Позади остались промокшие, почерневшие от времени срубы старого хутора, у самой дороги рычали оголодавшие и обозленные от непогоды псевдособаки. Одна из них попала в “Трамплин”, и мы услышали, как воздух ухнул от мигом свернувшегося пространства. Дождь пошел сильнее.

– Может, ушли? – чуть слышно спросил Артем.

– Хрен знает, – ответил я.

Было так страшно, что хотелось свернуться калачиком и с головой накрыться, как в детстве, маминым шерстяным одеялом. Но не было тут ни одеяла, ни мамы, а лишь бродили совсем рядом три кровососа. Бродили уже давно, а ввязываться с ними в схватку без крайней необходимости не хотелось совершенно. Потому что и днем в состоянии невидимости кровососа тяжело разглядеть, а уж ночью и подавно. Стрелять же на звук – себе дороже. Двигаются кровососы стремительно, так что лишь патроны попусту изведешь. Вблизи же с этой тварью вообще справиться сложно. Так что мы затаились, как мыши, и опасались лишний раз вздохнуть.

С Артема его жизнерадостность как водой смыло – дрожал и помалкивал в тряпочку. А то ходил гоголем, думал, мы тут фигней занимаемся и сами себя боимся. Ан нет. Есть чего в Зоне бояться. Причем бояться всерьез, до холодного пота, до судорог.

Странно все-таки человек устроен. Понятная, простая смертельная опасность его зачастую куда меньше пугает, чем непонятная. Трупы там ожившие, те же кровососы и прочая, порожденная Зоной бредятина, которая не каждому в кошмарном сне явится. Не знаю, как кому, а по мне так уж точно – не так страшно нарваться на пулю, как шастать по Зоне ночью. Или даже днем, но когда Зона вот такая... Особенная. Потому что в ней тогда все становится особенным – и стаи слепых псов вдвое больше и агрессивнее, и снарки появляются чуть ли не из воздуха прямо у тебя под носом, да в придачу еще и кучей, и кровососы группами начинают бродить, и аномалии хуже видно. Да и больше их, аномалий. К тому же возникают такие, которых никто, кроме тебя, не видал, никто никогда о них слыхом не слыхивал и понятия не имеет, чего от них ожидать. Вот взять, к примеру, “Скрутку”, на которую я чуть не напоролся в прошлом рейде на север. Глазами не видел, детектор на нее не отреагировал, а только спинной мозг свело судорогой, словно кол в позвоночник всадили. И ни на метр вперед проползти не мог – как паралич разбил. И хорошо! Еще бы чуть, и меня бы свернуло, как нить в пеньковом канате. Вспоминать страшно, что стало с кровососом, который на меня через это аномальное пространство попытался броситься. Причем кровососа я видел, а сделать ничего не мог – ни бежать, ни пальцем пошевелить. Только дышал еле-еле и пялился в темноту. И самое страшное не в том, что кровосос бросился на меня, беспомощного, а в том, что с ним самим стало. Будто с неба на него что-то рухнуло, завертело и скрутило его тело так, как скручивают белье хозяйки, чтобы воду отжать после стирки. Затрещало у него все внутри, кровяшка во все стороны брызнула, но голова целехонькая осталась, и подход он не сразу – дергал щупальцами на морде и глазищами лупал. Через минуту только околел, когда кислород в мозгах кончился. Вот около той “Скрутки” я и нашел “Сверло”. И рядом еще одно. Точно такое же. Причем они не светились, как многие другие артефакты, а так, слегка флюоресцировали. Ну, будто крошечные искорки по ним иногда пробежали. Не полз бы на брюхе, никогда бы не заметил. А так понял, что наткнулся на что-то невиданное, всю траву обшарил, несмотря на то что волосы от страха по всему телу дыбом стояли. А как нашел два, так и назад. Дальше на север двигаться у меня тогда решимости не хватило. Да, скорее всего, и к лучшему. Я тогда верно смекнул, что уж коль бармен за “Мамины бусы” три штуки дает, так за никем не виданный ранее артефакт из него можно будет всю его поганую кровь высосать. Ну, всю не всю, а двести штук снял. А второе “Сверло” припрятал до лучших времен. И тоже не жалею. Глядишь, обнаружатся у него какие-нибудь важнейшие для процветания всего человечества свойства. И пойдет за “Сверлами” охота нешуточная. И буду я тогда на коне и в полном, что называется, шоколаде.

В общем, была у страшного лика Зоны и другая сторона. Порождала она не только ужасы, но и кое-какие вещицы, которые при благоприятном стечении обстоятельств могли сделать

нашедшего их сталкера не только богачом, но и имя его навечно запечатлеть в истории. Так, в самом начале, когда в Зоне появились первые сталкеры, а ученые еще тут против ветра пукнуть боялись, сталкер Слава Замшин по кличке Ярик нашел единственный до сих пор артефакт “Орех”. И оказалось, что излучает этот коричневый шарик такие частоты, которые разом убивают и СПИД, и весь спектр злокачественных клеток. Не причиняя при этом ни малейшего вреда организму. Понятное дело, что если кто сейчас найдет такой “Орех”, то заработает не просто миллион, а с десяток миллионов как минимум. Вот только не нашел никто, кроме Ярика. А сам он отхватил за него всего пятьсот тысяч. Никто ведь не знал поначалу о его чудеснейших свойствах. Но Ярику хватило. Покинул он Зону, а через год прочел в газете о лечебной силе “виброида Замшина”. Так вот.

Хотя в духе Зоны имеются и другие шутки. Как с Аллигатором, например, который первым нашел “Чертову подошву”. Довольный вернулся на долговскую базу, как пылесос после ремонта – с уникальным артефактом в рюкзаке. Загнал его тогдашнему бармену за триста штук, напился и в ту же ночь окочился. Да как окочился! Почернел весь, в объеме уменьшился втрое и стал как бы резиновый. А бармену хоть бы что. Он и хранил “Подошву” неделю, и ученым спихнул втрое дороже. И ничего. Все уже решили, что Аллигатор от чего-то другого откинул копыта. До тех пор, пока бармен тоже не выпил водочки. Оказалось – не любитель он этого дела, потому и протянул так долго. А как тяпнул, так с ним та же самая история приключилась. Потом выяснилось, что “Подошва” так действует на организм, что спирт в дозах от ста пятидесяти граммов становится ядом и убивает. Причем в извращенной форме. Ну, ясное дело, что и с десяток ученых стали жертвами “Чертовой подошвы”. Потом ее арабы выкупили на исследование. Они не пьют, им до фени такой эффект. Только сколько они ни исследовали “Подошву”, а никакого эффекта, кроме уже известного, за ней не заметили.

С аномалиями, кстати, тоже не все просто. Большинство из них убивает, это понятно. Ну, несовместима Зона с нормальной жизнедеятельностью человеческого организма. Факт. Но встречались и другие. Еще до возникновения легенды о Монолите один из первых сталкеров по прозвищу Полоз нарвался на “Ведьмину плешь”. Ни травинки на ней не росло – натурально выжженное место на вершине холма. Шибануло его здорово – ослеп, кожа потрескалась вся, волосы вылезли, какие были на теле. Еле выбрался. Несколько дней потом полз до базы “Свободы”. Там его лекарю местному сбагрили без особой надежды на выживание. Но выжил. Через недельку кожа восстановилась, зрение тоже, волосы начали расти. Но главное не в том. Порезался он как-то, так рана на глазах затянулась. Ну, Полоз, не будь дураком, сразу рванул к ученым, продаваться на опыты. Те радостно взяли его на полное обеспечение, деньжат отвалили, начали резать его, колоть, ядами подтравливать. Хоть бы что Полозу. На радиацию – ноль внимания, фунт презрения. Копнули глубже, оказалось, что у него вследствие попадания в “Ведьмину плешь” выработалась способность к сверхбыстрой регенерации всех поврежденных клеток. Причем восстановление происходило так быстро, что пара пуль в печень и одна в сердце вырубали его на минуту, не больше. Но главное – он перестал стареть. Это позже выяснилось. Клетки не успевали отмирать, как тут же восстанавливались. Так и живет, говорят. В Греции, кажется. Бухает, как сапожник, на деньги исследователей и в ус не дует. Предполагают, что может он стать единственным полностью бессмертным человеком. Только никто не знает, сколько действие “Ведьминой плещи” продлится. Но бум по ее поиску был одно время. Гонялись так же, как сейчас за Монолитом. Вокруг базы свободовцев всю траву повытоптали. Образовалась одна сплошная плешь. Но никто так ничего подобного и не нашел.

С курткой Призрака тоже не все чисто. Сам он говорит, что нашел ее в неизвестной аномалии, стащил с мертвого сталкера. Куртка та греет, как грелка, – многие щупали. И раны заживляет. Ну, не так, как “Плешь” у Полоза, но тоже нормально. Можно не грузить рюкзак аптечками.

Повспоминав обо всем этом, я снова глянул в сторону зеленоватого свечения за холмом. Ничего подобного раньше мне видеть не приходилось. И слышать ни о чем подобном не

приходилось тоже. По цвету мерцания похоже на “Холодец”, но “Холодец” в разных подвалах я встречал во всех видах. Стоять в нем не рекомендуется, а так – ничего страшного. И толку от него никакого. Разве что артефакт “Слизняк” в нем иногда образуется. Но то, что источало сияние за холмом, “Холодцом” не было. И если бы не бродившие в округе кровососы, я бы, несмотря на кошмарность окружающего пространства, уже бы туда дополз и посмотрел.

– Не рычат, – прошептал Артем. – Наверняка убрались.

– Фиг знает, – снова пробурчал я.

– Но не лежать же тут до утра! Прозеваем момент. И что тогда? Еще одной ночи ждать и снова в кустах прятаться?

– А далеко твои заветные координаты?

– По моим расчетам, километрах в пяти отсюда.

Это часа три, а то и четыре в приемлемом для Зоны темпе. Если быстрее двигать, то гарантированно во что-нибудь вляпаешься. И выходило, что исследовать источник зеленого сияния мне некогда. Так тоже порою бывает.

– Ладно... – решил я. – Вперед. Только не болтать, а головой вертеть на полных сто восемьдесят градусов. И уши торчком. Понял?

Артем кивнул, и мы выбрались из кустов. Рычания кровососов слышно не было, но нельзя сказать, что я от этого очень уж осмелел. Тревожных звуков в округе и без рычания тварей было достаточно – что-то потрескивало справа. Нехорошо так потрескивало. Не как “Электра”, а с шорохом, будто черти когтями по фанере скребут. Вокруг нас по траве кружил ветерок, с шуршанием закручивая мелкие вихрики. Тоже примета недобрая. С таким ветерком иногда ни с того ни с сего образуется “Трамплин”. Пришлось болты на всякий случай вытащить, от греха подальше. В небе без всякого грома время от времени полыхали молнии. Так коротко полыхали, что в их отсветах все выглядело, как неподвижная фотография. Замерший на полушаге Артем, замершие ветряные вихрики с зависшими в воздухе травинками и листьями, замершие на лету капли дождя.

В момент одной из таких вспышек я увидел одинокий могильный крест. Старый, деревянный, покосившийся. На нем что-то висело – скорее всего, обрывки спецкостюма или куртки. Вместо памятника погибшему в этой одежке сталкеру. Хорошо хоть нашлось кому похоронить. Хотя лично мне было бы без разницы, в земле лежать целиком или по частям бултыхаться в желудках слепых псов.

С детства не терплю ночные кладбища. Я – человек рациональный, во всякие ужастики, понятное дело, не верю. Но что-то внутри все же шевелится, когда среди ночи возьмешь да и наткнешься на крест. А того хуже на целое кладбище. Такие в Зоне тоже встречались, особенно рядом с базами группировок. Но и в чистом поле иногда их можно встретить. И говорило это о том, что когда-то и тут была какая-то база. Была, была, да вся вышла.

И стоило мне об этом подумать, как ниже по склону холма, как на заказ, показалось десятка три таких же старых деревянных покосившихся крестов. Это настолько выглядело ответом на мои мысли, что в первый момент я подумал – глючит. Пригляделся – нет. Правда кресты. До фига. Такого здоровенного кладбища в Зоне я еще ни разу не видал. И на карте не обозначено.

– Ты что-нибудь видишь? – на всякий случай спросил я Артема.

– Кресты, – спокойно ответил он. – Страшно?

– Неприятно, – уточнил я. – И лучше обойти.

– Почему? – с усмешкой спросил напарник.

Ага, отходит потихоньку, раз усмехается. Возвращается к нему, значит, бывлая самоуверенность.

– Не знаю. Объяснить не могу, но лучше туда не идти. Обогнем.

– Крюка давать при нашем лимите времени?

– В Зоне ломаная часто короче прямой, – напомнил я.

Он спорить не стал. Начали огигать. Вдруг вижу, у креста сидит кто-то. Пригляделся – вроде не долговец. Значит, нейтрал. С долговцем встречаться нам сейчас ни к чему.

– Эй! – кричу.

Никакого ответа. И действия никакого – сидит себе, как скульптурно выполненное надгробие. У меня совсем нехорошо внутри стало. А как пригляделся, так и вовсе потом прошибло – под крестом чернела свежееотрытая яма. Точнее, дыра в земле.

– Артем! – толкнул я напарника в бок.

А сам болты в карман сунул, “Гром” с плеча сдернул.

– Оружие убери! – донеслось от креста.

– Ты кто? – спросил я, чувствуя, как дрожит голос.

– Дед Пихто. Оружие убери, говорю.

Я нехотя опустил ствол. Подходить не хотелось.

– Далеко собрались? – весело спросил сидящий под крестом.

– Нормально, – ответил я. – К утру дотопаем.

– А... Ну-ну.

Стараясь держаться подальше, мы с Артемом продолжали двигаться вдоль кладбища. Почему-то, несмотря на то что сидящий у креста оказался обычным сталкером-одиночкой, тревога не отпускала меня. Наоборот, даже усилилась. Что он тут делает, у разрытой могилы? Совсем уж крюка давать было как-то постыдно, поэтому, когда мы поравнялись с крестом, нас от незнакомца отделяли всего метров пятнадцать. Сталкер продолжал сидеть, опершись спиной о крест. И улыбался. Так, что были видны пожелтевшие щербатые зубы. Но с первого взгляда можно было без труда понять, что он мертвый. Наглухо. И уже давно.

– Бежим! – выкрикнул я.

В этот момент сверкнула молния, и глаза трупа вспыхнули красным светом. Вспыхнули и тут же погасли. Но мне этого хватило за глаза и за уши. Я так рванул вперед, что думал, жилы треснут.

– Стойте, дураки! – донеслось сзади. – Стойте!

Ага. Сильно-то я послушался. Бегу, значит, чувствую, Артема рядом нет. Я метнулся за ближайший валун, а там кровосос. Я чуть не кончился от неожиданности. Хорошо автомат в руках был. Я по тварюке саданул очередью, но она, вместо того чтобы сдохнуть, взревела и перешла в состояние невидимости.

Передо мной предстали два варианта. Бежать дальше, не зная, на что еще наткнусь, или возвращаться, искать Артема. За краткую долю секунды я выбрал второй вариант и дал полный назад. В прямом смысле назад – попятился, готовый пальнуть сразу, как кровосос проявится. И тут спиной налетел на кого-то. Как сердце не выскочило – пусть медики разбираются. Для меня самого это тайна, покрытая мраком. Я развернулся со всей прытью, на которую был способен, готовый высадить весь магазин, но вовремя заметил перед собой Артема в спецкостюме.

– Ты чего палишь? – удивленно спросил он.

У меня от непонимания происходящего мозга уже были в стадии, близкой к закипанию.

– Там кровосос! – ткнул я стволом в сторону валуна.

И тут тварь проявилась в трех шагах правее нас. Я добил в него остатки магазина, но с ужасом увидел чуть левее еще двух. Да и этого не прибил. Он только отскочил в сторону и снова растворился во тьме.

– Назад! – Артем схватил меня за локоть и рванул в сторону разрытой могилы.

Я не соображал уже почти ничего, помнил только, что надо сменить магазин. Куда меня тащит Артем, я уже не думал. А когда перезарядил автомат, оказался в пяти шагах от сидящего у креста трупа. Труп очень громко скрежетал зубами. И нога у него дергалась. Сильно.

Я влупил ему в башку пули четыре, и его на полметра отбросило энергией разогнанного свинца.

– Придурок! – донесся из ямы тот же голос, который требовал убрать оружие.

– Вылезайте! – рявкнул Артем. – У нас три кровососа на хвосте!

– Вот черт! – донесся из темноты могилы другой голос. И тут же из нее вылезли двое с автоматами. Оба в сталкерских куртках.

Один из кровососов проявился и сразу попал в перекрестный огонь из двух стволов. Еще один проявился гораздо ближе, я шарахнул по нему из свежего магазина, а Артем взял в оборот третьего. Окажись мы вдвоем против трех тварей, неизвестно, чем бы дело кончилось, а так, используя численное превосходство, мы секунд через десять с ними расправились.

Тишина навалилась спасительным пологом, только в ушах еще продолжало свистеть от грохота выстрелов. Я хотел стереть пот со лба, но мешало стекло. Пришлось снять шлем.

– Вот твари, – сказал один из помогавших нам сталкеров.

Другой повернулся ко мне и беззлобно поинтересовался:

– Зачем корешу нашему башку снес?

– Мертвому, что ли? – сглотнув, спросил я.

– К мертвым тоже надо иметь уважение! – Незнакомец наставительно поднял указательный палец. – Мы его тут стараемся, закапываем, а ты, значит, в башку.

– Он дергался... – Меня самого передернуло.

– Ну, – безразлично пожал плечами первый. – Мы его поэтому поглубже-то и хотели. – В зомби чувак превращаться начал. Но мы пушку-то у него отняли, так что проблем не было.

Я ничего не ответил, просто надел шлем.

– Пойдем, – сказал Артем, махнув мне рукой.

Меня продолжало колотить от пережитого. Но больше всего моя психика подверглась испытанию не по вине кровососов, а от осознания того факта, что зомби – это все-таки ожившие мертвецы. Подумать страшно, что Зона делает с живыми, но еще страшнее – что с мертвыми.

Отойдя на полсотни шагов от сталкеров, я не выдержал и психанул:

– Идиотизм!

– Что такое? – оглянулся напарник.

– Все! Все, что мы делаем – идиотизм! Куда премся, зачем премся... Какая-то чушь собачья!

– Держи себя в руках, – спокойно ответил Артем.

– Да ну тебя к лешему! – выкрикнул я. – Чуть не сдохли тут... Все. Если эту ночь переживем, то расстанемся на первой же базе. Все! С меня хватит!

– А как же твой миллион? – усмехнулся он.

– Нет никакого миллиона! – выкрикнул я, неожиданно для самого себя. Видать, все накопившиеся сомнения под воздействием Зоны выплеснулись наружу. – Нет и никогда не было! И не из-за миллиона я с тобой, дураком, поперся! Понял? Я с самого начала не очень-то верил. Везение, понимаешь ли... Бред! Нам не везло с самого начала, и тебе тоже. Все, что ты мне наплел, – банальная подтасовка фактов.

Потом я нес что-то еще в том же духе, но Артем перестал на мою болтовню реагировать. Он с полминуты пропускал ее мимо ушей, что-то прокручивая в голове.

– погоди-ка... – сказал он наконец. – Да умолкни ты на минуту.

Я захлопнул рот и удивленно вытаращился на него.

– Что?

– Как ты сказал? Не за миллионом пошел? А зачем, можно узнать?

– Нельзя! – огрызнулся я.

Мне стало неловко, и я сплюнул себе под ноги.

– Это важно, – с нажимом добавил он.

– Для кого важно? – снова вскипел я. – Для чего? Для меня уже ничего не важно!

– Это тебе так кажется.

– Да иди ты!

– Некуда мне идти, – чуть слышно произнес он.

И так он это, скажу я вам, произнес, что весь мой словесный понос мигом иссяк. И вид у Артема такой сделался... Словно у побитой собаки. Даже хуже. Словно у человека, которому вот-вот должны оттяпать ноги.

– Ты чего? – спросил я после короткой запинки.

– Ничего... – Он надулся, закинул винтовочный ремень на плечо и побрел на север.

– Эй! – окликнул его я.

Никакого ответа. Идет он, значит, идет и уже в темноте скоро из виду скроется, и вдруг я подумал, что больше никогда этого человека не увижу. И потечет моя жизнь как прежде. И так мне это не понравилось – хоть кричи. Ну, я и закричал:

– Стой! Стой, дурья башка! – Я изо всех сил рванул за ним. – Куда один собрался?

В темноте на набранной скорости я налетел на его рюкзак, схватил за лямку и придержал.

– Пусти, – вяло отмахнулся он. – Не могу я ждать утра. Решил расставаться, значит, расстаемся сейчас.

– Сдурел ты совсем? – осадил его я. – Не пущу я тебя одного.

– Ну-ну... – усмехнулся он, вырвался и отправился дальше.

Этим он окончательно вывел меня из терпения. Ну какого черта, правда? Чего переться ночью неизвестно куда, если можно дожидаться утра, добраться до базы “Свободы” и все решить тихо, мирно и без жертв?

И поскольку он этого не понимал сам, я решил объяснить на подобающем месте и времени языке. Проще говоря, я подскочил к нему сзади и сделал подсечку ударом ноги под колени. От такого удара, когда получаешь его неожиданно, рухнет на спину любой человек, а уж с рюкзаком за плечами подавно. Но как-то не так у меня этот прием получился. Как-то нештатно. И, вместо того чтобы увидеть Артема лежащим в траве, я увидел сначала темное небо, а потом красные круги перед глазами.

Когда очнулся, рядом горел костер, сложенный из травы и сырых веток. Дымил он ужасно, но давал тепло и свет. Правда, от такого света ночью больше вреда, чем пользы – привлекает всякую дрянь, а ты за границами светового пятна ни хрена ровным счетом не видишь. Я хотел сказать об этом Артему, но закашлялся. Кадык болел, и глотать было до крайности неприятно. Ребра тоже болели. Сильно. Особенно справа. И что самое обидное – я ни хрена не помнил. Понятно было, что это Артем меня отоварил. Ну, если уж в корень смотреть, то было за что. Но вот как ему это удалось? Ничего путного на ум по этому поводу не приходило. Это только в боевике “Плачущий убийца” жертвы не успевали заметить молниеносных разящих ударов. В жизни такого я никогда не видел. И концепция Ойямы “Один удар = один труп” так и осталась концепцией, не получившей воплощения в практике какого-либо единоборства. На самом же деле реальный рукопашный бой все равно превращался в обмен ударами и пинками, а заканчивался чаще всего валянием на земле. Ну и уж заметить контратаку можно было всегда. В любом случае. Но я ее не заметил. Последствия ощутил, а вот саму контратаку нет. И какую! Это ведь совсем не просто с одного-двух ударов вырубить человека до бессознательного состояния.

Я уселся в траве и повертел головой, чтобы проверить работоспособность шейных мышц и позвонков. Все побаливало, но терпимо. Вокруг, за пределами светового пятна от костра, виднелись темные силуэты крестов. Совсем недалеко, в третьей, кажется, от нас могиле кто-то активно ворочался, утрамбовывая боками землю и глухо бормоча. Ленивые друзья у него были, закопали неглубоко.

У меня мурашки пошли по коже под костюмом. Я поднялся, на ватных ногах подкрался к могиле и дважды выстрелил в землю. Дерн подо мной заходил ходуном.

– Эй, хорош дурака валять! – окликнул меня Артем. – Иди сюда, перекусим.

Я еле сдержал комок, болезненно подступивший к горлу, и хрипло переспросил:

– Что сделаем?

– Тушенки горячей пожрем.

Честно говоря, не было во мне сил спорить. Отступившее нервное напряжение оставило озноб и усталость. К тому же тело местами ощутимо побаливало. Я вернулся к костру, уселся и принялся хмуро смотреть на трепещущие языки пламени. Артем протянул мне ложку и открытую банку парящей, разогретой тушенки. Я взял ее перчаткой, отстегнул шлем и принялся. Пахло от нее хорошо. Вроде бы даже по-домашнему пахло. Я вздохнул и вдруг понял, что смертельно устал от Зоны, от всех ее выбрыков, от ее непрекращающегося бреда,

составляющего львиную долю моего здешнего существования. У меня челюсти стиснулись сами собой от досады и непонимания, что делать дальше.

– Отпускает? – грустно спросил напарник.

Я кивнул. Зона и впрямь отпускала. Зомби в могиле все еще ворочался и бурчал, но это уже не так пугало. И все вокруг успокаивалось, как после шторма.

– Плохо. Не найдем теперь маячки... – Он вздохнул и уселся рядом.

– Не найдем что? – Мне показалось, что я ослышался.

Он отмахнулся и принялся наворачивать тушенку из банки. Я тоже поел, но слово “маячки” засело в голове и не давало покоя. Летом ночи короткие, и на востоке уже серело, словно на полгоризонта протянулся лохматый хвост гигантского волка.

– Ты из разведки, – сказал я с утвердительной интонацией.

Он косо глянул на меня, усмехнулся, но жевать не перестал. Я понял это как утвердительный ответ. Странно, что я сразу не догадался. А ведь можно было. По тому, как он стреляет, как хладнокровно ведет себя в бою, как владеет рукопашным искусством. Странно только, что он в свитере по Зоне гулял. Хотя это могло быть частью его легенды. Вопрос в другом – что понадобилось разведчику в Зоне? И почему вместо штурмовой группы поддержки он взял меня, обычного сталкера, подвернувшегося под руку. И не менее странной теперь показалась мне ситуация с бандитами при нашем знакомстве. Что для такого спеца четверо бандюков? Смех на палке. То есть он почему-то не пожелал освободиться от них. Мог, но это не входило в его планы.

Подумав, я выкинул это из головы. Мне ли размышлять о мотивациях разведчика? Что я знаю об этом? В принципе меня это все и волновать не должно. Но кое-что все-таки волновало. За какими такими маячками он сюда поперся? Откуда сведения? Кто ставил эти маячки и зачем? Хотя понятно, что для меня это все на уровне банального любопытства. Да и спрашивать бесполезно. Соврал один раз, соврет другой. Жалко только, что плакал мой миллион. Хотя, если быть до конца честным, то за время нашей экспедиции наварился я не слабо. Одному мне полгода пришлось бы ковыряться за те же деньги. Но все же не миллион. А это означало, что Зона еще на долгое время останется моим домом.

– Рассказал бы хоть немного правды, – вяло предложил я.

– А надо? – спросил Артем.

– Не знаю, – признался я.

– И я не знаю. К тому же... Ты попросту не поверишь.

– Но ты разведчик? Я прав?

– Да, – кивнул он. – Это правда.

– А насчет миллиона?

Он промолчал, опустив глаза. Потом сказал:

– Это была ловушка для жадного сталкера.

– Я жадный?

– Все сталкеры жадные, – уверенно заявил Артем. – Иначе не рисковали бы жизнью ради денег.

– А ты разве не этим занимаешься в своей разведке?

Он помотал головой и бросил пустую банку из-под тушенки в костер.

– А чем?

– Выполняю обязанности ассенизатора.

– Не понял... – скривился я.

– Может, поймешь. А насчет миллиона... Знаешь, Лемур, я был уверен, что в накладе ты не останешься. В дальних рейдах сталкеры то и дело находят что-нибудь ценное. Одному же в глубокий рейд идти слишком опасно, а если вдвоем, то надо поделиться. Со мной не надо. Так что ты уже неплохо подзаработал. Четверть от обещанной мной суммы точно поднял. Так?

– Так, – признал я.

– Ну и нечего жадничать. Можно подумать, ты за меньшие суммы шкурой не рисковал. Так что подставщиком я себя не считаю.

– Ладно, замнем, – отмахнулся я. – Действительно, одному на север переться – смерти подобно. Я ходил, знаю. Так что квиты.

– Пожалуй, ты не самый жадный из сталкеров, – улыбнулся напарник. – Только любопытный до ужаса.

– Оно меня кормит, мое любопытство, – признался я. – Все знают, что Лемуру везет на хабар. А почему? Потому что нос сую в каждую дырку.

– Тебе с такими привычками наносник надо бронированный заказать, – рассмеялся Артем.

Я тоже поржал ради приличия. А потом он возьми да и спроси в лоб:

– Почему ты со мной пошел? Ведь не из-за миллиона. Так? Ты ведь не поверил мне с самого начала.

– Не поверил, – ответил я. – Но понадеялся. Решил, что это шанс, которым не следует пренебрегать. Тоже скорее любопытство, чем жадность. Это поначалу. А потом я вдруг понял, что просто хочу помочь такому человеку, как ты. Мне это показалось достойным занятием.

– Достойным... – Артем произнес это слово, словно взвешивая на языке каждую букву. – Н-да... Надо же, для людей еще что-то значит понятие достоинства. Ладно. Но если ты решил помочь, то к чему твоя истерика?

– Я испугался.

– Н-да... – Напарник почесал переносицу. – Неожиданно честно. А сейчас отпустило, значит?

– Типа того.

– Тогда пойдем дальше. Нам надо еще пяток километров отмахать и дожидаться следующей ночи в расчетной точке.

– Маячки будем искать?

– Именно. Маячки.

Мы водрузили на себя рюкзаки и потопали дальше на север. По левую руку разгорался хмурый рассвет. Я шел, а в голове прокручивалась новая информация об Артеме. И так прокручивалась, и эдак. И чем больше она прокручивалась, тем любопытнее становилось. А любопытство – лучший генератор вопросов. И в конце концов от возникших вопросов меня начало расpirать.

– Давай ты мне больше не будешь врать, – предложил я напарнику. – А я тебе помогу сделать то, что надо.

– Ну, – ответил он. – Наверное, это честно. Вообще мне здорово импонирует твой альтруизм. В общем, годится. Задавай вопросы, на которые я могу ответить “да” или “нет”. Пойдет?

– А почему так строго? Почему бы просто не рассказать все, как есть?

– По кочану. Во-первых, слишком много придется рассказывать. Во-вторых, часть информации действительно очень секретная. А в-третьих, если я тебе выложу все, как есть, то ты сдашь меня в психушку.

– Не сдам.

– Может быть. Но все же мне будет комфортнее, если ты сам додумаешься до многого. К тому же, и это в-четвертых, должна быть некая игра по раскрытию тайны. Раз ты любопытный, тебе это должно быть близко. Я вообще игрок, знаешь ли. И красота игры для меня имеет не последнее значение.

– Ага, я заметил. Когда ты на Арене дрался.

– Это мелочи.

– Ну да, конечно, – усмехнулся я. И тут же решил задать вопрос, который уже пару минут вертелся у меня на языке: – Ты из российской разведки?

– Нет, – ответил Артем.

– Из украинской?

– Нет.

– Тьфу, черт! А из какой?

– Да.

- Что “да”? – с недоумением спросил я.
- Ты можешь задавать только вопросы, на которые я отвечу “да” или “нет”.
- Игрок, блин...

На самом деле я ощутил себя до крайности неловко. А действительно, из какой он разведки? ЦРУ? МИ-6? МОССАД? Мог быть из любой. Зоной интересовался весь мир. И раз уж он “не наш”, то нет разницы, какое государство он представляет. Как ни крути – чужое. И не то чтобы я был болен излишним патриотизмом, но что-то внутри вспухло по этому поводу. Что-то очень русское, точнее, советское, генетически обусловленное. Некая врожденная ксенофобия, свойственная большинству проживающих в России людей.

Надо же – Артем. Такой простой на вид, даже не всегда складный. По-русски говорит – комар носа не подточит. А вон как вышло. И сделалось мне даже грустно. Вот кто он? Враг, не враг – непонятно. Хотя что значит – враг? Мне лично? Или некоему абстрактному понятию под названием “государство”, чьи цели и задачи направлены, как правило, против меня? Не знаю, как в других странах, а в нашей, насколько я своим умом мог проанализировать, борьба за власть сводится к получению возможности вывезти за границу как можно больше, продать как можно дороже, выдавить из народа все соки, а потом и самим сбежать за рубеж. Потому я, как и все сталкеры, от государства самоотделился, поднял пиратский флаг и послал всех подальше. Ведь если ты не вступаешь ни в какие отношения с государством, то горбатишься на себя. А если вступаешь, то на себя и на него. Помощи же никакой от него я отродясь не видывал. Не считая бабкиной пенсии, на которую и полмесяца не прожить. Хотя пенсия тоже помощь весьма сомнительная. Такая подачка от щедрот. Махонький процент от того, что сам же наишачил за период трудовой деятельности.

Так что назвать Артема врагом как-то язык не поворачивался. И неизвестно еще, в чем заключается его миссия. Он сказал, что тут за ассенизатора. Дерьмо, значит, убирать. Не мешало бы, кстати. Дерьма в Зоне хоть отбавляй. И если у наших руки доходят только до того, что выгодно, а у кого-то дошли до необходимости прибраться на нашей территории, так и помочь не грех.

Успокоив себя таким образом, я решил очистить ум от вопросов и прибавил шаг. Светало медленно. Впереди, судя по карте, нас ждала дорога на Припять. Но туда даже вдвоем соваться – дурное дело. Там монолитовцы властвуют, а эти ребята совсем без башки. Фанатики, что тут говорить?

- Надеюсь, мы не к самому Саркофагу премся? – спросил я на всякий случай.
- Нет.
- Но ведь Монолит там, судя по слухам.
- Он там без всяких слухов. Просто лежит и все. Точнее, лежит и воздействует.
- На что?
- На все, – коротко отрезал Артем.

Я умолк. В таком режиме не особенно побеседуешь. Но все же меня впечатлило, насколько осведомленными оказались иностранные разведки. Мы тут в Зоне паримся – существует Монолит или нет. А они без всяких сомнений заявляют: лежит, мол, и воздействует потихоньку.

И все же слово “маячки” не давало покоя. Что-то в нем было не очень хорошее. Ведь что такое маячок? Система навигационного наведения. И что же они, басурмане эдакие, наводить-то сюда собрались?

- Бомбить задумали? – напрямую спросил я.
- Что? – не сразу воткнулся в тему Артем. – А... Нет. Ты про маячки?
- Да.
- Они не работают. Их должно быть три. Но один кто-то вытащил из системы, и вся установка накрылась медным тазом. От двух же толку никакого. Только мусорят.
- Это вы их закинули?
- Да, – спокойно кивнул Артем. – Размечали стратегическую трассу, установили навигационный порт...

– Для стратегических ракет трассу?

– Что у тебя одни ракеты в башке? Нет, Лемур. Вот запугали-то вас шпиономанией... До сих пор в себя не придете. Транспортную трассу мы размечали. Транспортную, но очень большого значения.

Как-то у меня все завибрировало внутри от этих слов. Какая, к псевдособакам, транспортная трасса по чужой территории? А напарник топает впереди, и хоть бы что ему. Меня же натурально колотить начало. У меня такое подозрение в голове созрело, что я чуть снова сознания не лишился.

– А почему понадобилось именно в Зоне этот навигационный порт ваш устраивать? – осторожно спросил я.

– Место было безлюдное. Охраняемое. Кто мог подумать, что найдутся идиоты тут жизнью рисковать?

На идиота я не обиделся, а вот насчет всего остального мои подозрения только окрепли. И вспомнилась вдруг фраза Артема, когда я его послал. Мол, идти ему некуда. И произнес он ее так, что от одного воспоминания слеза наворачивается. Некуда. Это разведчику-то?

– Ты издалека? – спросил я, стараясь не выдать дрожания голоса. Но переговорное устройство костюма скрадывало интонации. Можно было не особенно париться.

– Да, – ответил Артем.

Так ответил, что у меня в позвоночнике сразу образовалась корявая глыба льда. И тут же я все понял. И надобность в вопросах почти отпала. Потому что один этот ответ изменил все. И дальнейшие рассуждения уже не имели смысла.

Я сглотнул, но это не помогло. Колотило меня пуще прежнего, но в мигом остуженном мозгу сама собой сложилась стройная картина происходящего. И почему Артем гулял по Зоне в одном свитере, и почему так дерется... Из ряда вон. И стреляет. И почему он вообще такой. Не от мира сего. Конечно, не от сего, если издалека!

– Извини, намусорили мы тут вам, – добавил напарник. – Не со зла.

Это “вам” прозвучало так, что легче мне не стало ничуть.

– Я уже понял, – ответил я. – Трассу размечали. Навигационный портал. Почему тут-то? Не на Луне, не на Марсе?

– На Луне и на Марсе порталы тоже стоят. Вблизи звезд приходится размечать трассу с очень высокой точностью. Чем больше порталов, тем больше точность.

– Понятно, – кивнул я.

– Вряд ли тебе понятно, – вздохнул Артем.

Тоже страшненько так сказал. Я представил, что он сейчас снимет шлем, а под ним вместо человеческой головы окажется нечто ужасное. Состоящее из одних зубов, например.

– Ты только движений очень резких не делай, – попросил я. – А то у меня психика слабая. Человеческая.

– Не перегибай палку. Психика у нас с тобой почти одинаковая. И тело.

– Так это не скафандр?

– Нет. Мы с тобой принадлежим к одной ветви биологического развития. Скажем так. Давным-давно мои предки среди множества планет, пригодных для жизни, посетили Землю. Внедрили в местную экосистему необходимый для возникновения нужного тела геном и отправились дальше.

– Нужного? – удивился я.

– Да. Человеческого. Так что генетически мы с тобой почти идентичны. Хотя эволюционно я занимаю более высокую ступень.

– Я заметил, – вырвалось у меня.

Я понял, почему он соврал, когда хотел воспользоваться моей помощью. Ну, вывали он мне такое... Я бы к черту его послал, а может, и дальше. А так пообщались... И мне стало легче воспринять инопланетное происхождение идущего рядом со мной человека.

Уже светало. Артем попросил у меня КПК и хорошенько сверился с картой.

– Забирай западнее, – сказал он. – Осталось совсем ничего.

– И что мы будем делать, когда доберемся до места? – полюбопытствовал я.

– Приберемся.

– В смысле?

– Мы тут нагадили вам немного... Поэтому мне надо прибраться. Совесть – не только человеческое понятие. Это понятие межпланетное.

– Философ... – Я поднял забрало шлема и сплюнул в траву. – Сказал бы сразу, что прибраться идем, я бы веник с собой прихватил.

– Ты же понимаешь, что я не мог сказать тебе правду.

– Понимаю, – ответил я, снова опуская забрало.

– К тому же веник тут не поможет, – добавил Артем. – Нужно отключить навигационный портал, чтобы он не фонил.

– Ты хочешь сказать... – Я догнал его и схватил за локоть. – Ты хочешь сказать, что Зона возникла по вашей вине?

– Долго до тебя доходит. – Он освободился и зашагал вперед. – Мы установили навигационный портал в безлюдном месте, в зоне отчуждения Чернобыльской АЭС. Еще один стоит в дебрях амазонских джунглей, еще один в труднодоступном районе Тибета. Эти два защищает сама природа, хотя были люди, побывавшие там, а потом создавшие легенды о Шамбале и о чудесах южноамериканских древних цивилизаций. С этим же мы просчитались. Ни военные кордоны, ни запреты не остановили человеческую жадность и движимых ею охотников за артефактами.

– И решили прибраться? Неужели только ради того, чтобы избавить нас от опасностей Зоны?

– Нет, – спокойно ответил Артем. – Для меня лично – это мотив. Но не для тех, кто чертил карты навигационных коридоров. Они приказали устранить портал по другой причине.

– По какой? – заинтересовался я.

– По причине его неработоспособности.

– В каком смысле?

– В самом прямом. Портал представляет собой мощный источник энергии, которая накачивает три излучателя. Все они расположены по углам правильного равностороннего треугольника. Такая геометрия позволяет сформировать узкий, точно направленный луч, являющийся частью навигационного коридора. Но тут один из излучателей был похищен. В результате работоспособность всего устройства свелась к нулю.

– И что? – Я остановился.

– Мне приказано восстановить его работоспособность.

– Ты же говорил, что хотел прибраться.

– Это так. Я это и сделаю. Но задание мне было дано другое.

– Установить недостающий излучатель? – догадался я.

– Именно так. Только посмотрев на Зону, я решил этого не делать, а попросту свернуть портал.

– Но это идиотизм! Пошлют другого...

– Это вряд ли. Я собираюсь ликвидировать сам источник энергии. Устанавливать тут еще один будет не менее дорого, чем расположить его в каком-то другом, более подходящем месте.

– Тебе же за это после возвращения глаз натянут на задницу.

– А возвращение не входит в мои планы, – спокойно ответил Артем.

Это прозвучало очень весомо. Настолько весомо, что я очень сильно порадовался по поводу своего участия в экспедиции. Я человек практичный, но мало найдется тех, чье самолюбие не потешит причастность к подвигу. Мое, во всяком случае, это потешило.

– Можешь на меня рассчитывать, – сказал я.

– Спасибо, – кивнул Артем. – Ты оказался куда лучше, чем я подумал о тебе при первом знакомстве.

– Ты тоже. Что именно надо сделать? Где этот источник энергии? Это от него тут все так?

– Да. Этот источник энергии – Монолит.

Я сглотнул. Не то чтобы удивился – этого следовало ожидать, просто очень уж точными оказались предположения Призрака, который утверждал, что вся Зона – это особого рода глюк, вызываемый влиянием Монолита. Когда я впервые об этом услышал, мне это показалось полной чушью. Взять, например, артефакты. Если допустить, что они являются только плодом нашего одурманенного Монолитом воображения, то за пределами Зоны они должны попросту исчезать. Но этого не происходит. Они не только продолжают существовать, но и сохраняют все свои свойства. На мой взгляд, тут концы не сходились с концами.

– Значит, Зона – это галлюцинация? – спросил я напрямик у Артема.

– Да.

– Но погоди!

Я поделился с ним своими соображениями, рассказал о теории Призрака, привел в качестве основания для своих сомнений существование артефактов.

– И что? – спросил он, выслушав меня до конца. – Что это меняет?

– Как что? Если артефакты являются плодом нашего воображения, как же они сохраняют необычные свойства за пределами зоны излучения Монолита?

– Ах, вот что тебя смущает... Забей. Все намного проще и намного сложнее, чем ты думаешь.

– А пояснить можно?

– Не знаю. Боюсь, у тебя не хватит образования, чтобы понять, как это работает.

– Неужели нельзя объяснить на пальцах?

– Оно тебе надо?

– Не знаю. Скорее да, чем нет.

Артем стянул с головы шлем и почесал макушку.

– Тогда тебе кое-что придется принять на веру. Я не смогу тебе доказать некоторые вещи. Тебе придется попросту мне поверить, что все происходит именно так, а не как-то иначе.

– Ладно, допустим.

– Хорошо. Тогда начну с главного. Артефакты продолжают существовать в реальности за пределами Зоны потому, что сама реальность, к которой ты так привык, является плодом твоего воображения.

– Ну, это ты загнул, – покачал я головой. – Стукну тебя прикладом по башке, сразу убедишься, что приклад не является плодом твоего воображения.

– Является.

– Но все его видят одинаково! – парировал я.

– Потому что воображение всех существ строит образ приклада на основе истинной информации, записанной на структуре самого Пространства.

– Какого к чертям пространства?

– Физического вакуума. Это лишь кажется, что вакуум является пустотой. Это нас так глючит. На самом деле физический вакуум, состоящий из зеркально спаянных пар “кварк-антикварк”, является сверхплотной и сверхупругой средой. В миллионы раз прочнее и тверже алмаза.

– Как же мы в таком случае двигаемся? – удивился я.

– А мы и не двигаемся, – ответил Артем. – Мы переписываем информацию о своей локализации. А сами являемся, как и все в этом мире, чистой информацией. И интерпретируем ее. А информация записана волнами на физическом вакууме...

– Тьфу на тебя! – отмахнулся я. – Хорошо грузить! Прямо “Матрица” какая-то.

– Только без компьютеров. Представь, что мы просто читаем книгу, в которой написано обо всем, что есть на свете. И представляем себе эти картинки очень ярко. Ты же представляешь пиратов, когда читаешь о них в книге. А книга – записи на Пространстве.

– Ты мне лучше скажи, что же все-таки делает Монолит?

– Его энергия так велика, что он переписывает эти записи. Вносит в них волновые искажения. И мы видим, чувствуем, осязаем и обоняем то, чего не было до внесения этих

изменений. Аномалии, артефакты и прочее. Это как если бы в сказку о Красной Шапочке вдруг вписали несколько строк о выскочившем из-за дерева кровососе.

– Но кровососы реально убивают! – не выдержал я.

– Пуля тоже убивает, – парировал Артем. – Но и она лишь плод нашего воображения, основанный на интерпретации истинной информации о ней.

– Все, хватит! – Я поднял руки. – Это уж слишком! Может, вас этому и учат в ваших университетах, но для меня это перебор. Я привык воспринимать реальность реальностью, а не какими-то дурацкими записями неизвестно на чем. Мне дорога моя крыша на привычном для нее месте.

– Тогда пойдем, – пожал плечами Артем.

– Куда? Обезвреживать Монолит?

– Теоретически можно обезвредить и сам Монолит. Только зачем? Если убрать оба оставшихся излучателя, он сам сдуется. Превратится в обычный кусок черной породы. Это проще. Не надо переться в Саркофаг.

– К тому же его пришлось бы штурмовать, – добавил я. – Припятъ серьезно защищается силами группировки “Монолит”.

– Тем более. Не хватало угробиться под конец.

Мы осторожно двинулись вдоль показавшейся справа реки, ступая по сильно разрушенной асфальтовой дороге. Впереди, в свете разгорающегося восхода, виднелись высотные дома опустевшего городка энергетиков.

– Тут надо ухо держать востро, – предупредил я. – На крышах высоток дежурят монолитовские снайперы. Причем не с винторезами, а с гаусовками, которые так лупят, что броник дает не больше защиты, чем марлевые трусы. У тебя помечены места установки излучателей?

– Их локализация в пространстве хаотичным образом переписывается время от времени, чтобы параметры луча соответствовали изменяющейся со временем структуре навигационного коридора. Так что точек установки в привычном тебе понимании нет.

– А большие они? – решил уточнить я. – Эти твои излучатели?

– С шарик от пинг-понга, – ответил Артем.

– Зашибись, – помотал я головой. – Как же их, блин, искать?

– Я объяснял, а ты не слушал. Монолит активируется по ночам, чтобы прямые солнечные лучи не вносили помехи при изменении записей. В это время обнаружить излучатели проще всего. Они начинают в некотором роде фонить.

– Так вот почему ночью в Зоне так хреново! – пробурчал я.

Артем ничего не ответил. Но тут мне в голову пришла новая мыслишка, поразившая меня самого. И я не удержался от вопроса.

– погоди! – Я догнал напарника. – Монолит может добавить записи только касательно навигационного канала, размещения излучателей и прочего в том же духе?

– Нет. Любые.

– Что значит “любые”? – насторожился я.

– А то и значит. Хоть новенький “Мерседес” может тебе дописать в реальности, хоть особняк в Лос-Анджелесе.

– Гонишь?

– Да ну тебя, – отмахнулся Артем. – Трудно с тобой разговаривать.

– Можно подумать, с тобой легко. Кажется, до меня начало доходить. Реальность – это как штрихкод на ценнике в магазине. Черточки, которые складываются в некую информацию о мире. Черточки – это волны в физическом вакууме.

– Ого! – с удовольствием кивнул напарник. – Котелок у тебя все же варит.

– Могу тебя обрадовать, – съязвил я. – Менингитом я в детстве не болел. Мы, значит, эти черточки как-то чувствуем, считываем информацию и на ее основе представляем весь мир вокруг. А поскольку черточки для всех одинаковые, то и мир все видят, слышат и осязают одинаково.

– Примерно одинаково, – поправил меня Артем. – Информация о мире не такая подробная, как кажется. И мы многое додумываем сами. Восприятие мира сильно зависит от нашего состояния, больны мы, влюблены или чем-то расстроены. В разном состоянии одни и те же объекты мы можем вовсе не заметить, приукрасить или недооценить.

– Забавно. – Я переварил эту мысль в голове. – Выходит, если Монолит может дописать что угодно волнами на Пространстве, то легенда об Исполнителе Желаний не такая уж чушь.

– Это вообще не чушь, – ответил Артем. – Дело в том, что информация об изменении состояния навигационного канала передается в Монолит на частотах, близких к частотам сознания. И если рядом с Монолитом кто-то ярко что-то пожелает, Монолит воспримет это как навигационную команду и запишет в реальность то, о чем просили. Это автомат, ему все равно, что записывать – положение излучателей или новую машину в твоём гараже. Он просто принимает команды и выдает результат.

– Охренеть!

– Только желания перед Монолитом надо загадывать ночью, – добавил напарник. – Все остальное время порты Монолита закрыты от помех солнечного излучения.

Я как-то сразу и моментально во все поверил. Слишком логично все звучало – не подкопаешься.

– Тут задумаешься, – произнес я. – Не стоит ли все-таки штурмануть Саркофаг...

– Иди, штурмуй, – спокойно ответил Артем. – Мне некогда.

– Так ведь целый день впереди! – Мне вдруг стало ясно, что от моего миллиона, точнее, от исполнения любого желания, меня отделяет всего ничего – километр, не больше.

Хотя, кроме преодоления этого, действительно невеликого, расстояния, предстояло пробиться через засады монолитовцев в Припяти. В одиночку на такой прорыв не отваживался никто. Даже ради исполнения самых заветных желаний. Потому что их снайперы, засевшие на крышах высотных домов с электромагнитными гауссовскими винтовками, не оставляли для одиночки почти никакого шанса. Вот если бы иметь небольшой отрядик, человек десять, к примеру, то можно было бы рискнуть. Когда-то Призрак со Стрелком пытались сколотить такую команду, да только заглохло все, насколько я знаю.

Правду говорят – близок локоть, да не укусишь. И через засады одному не пройти, и Артем туда переться не собирается. Вроде как незачем. Но тут меня посетила настолько светлая мысль, что мне аж икнулось от неожиданности. Я кашлянул несколько раз и спросил:

– А что ты собираешься делать после того, как свернешь портал?

– Не знаю, – хмуро ответил напарник.

– Можно, конечно, постричься в монахи, – шутливо предложил я. – Но есть и другой вариант. Мы сворачиваем твой портал, а потом отправляемся к Монолиту, надираем задницу засевшим вокруг него фанатикам и загадываем по одному желанию на брата.

– Отпадает, – покачал головой Артем. – Если мы уберем излучатели, то Монолит тут же выключится за ненадобностью, потеряв с ними связь. Нет, Лемур, в данном случае схитрожопить не удастся. Ты или со мной, или я один. Но к Монолиту я не пойду. Неоправданный риск. И тебе одному тем более туда идти не советую. Сосчитать невозможно, сколько дураков уже сложили головы на этом пути.

– Но ведь легенда о Монолите не могла возникнуть из ничего! Значит, кто-то прорывался и его желание было исполнено!

– И что? – Артем повернулся ко мне и уставился через дымчатое стекло шлема. – Да. Однажды Монолит был использован для несанкционированного переписывания. Очень давно. Почти сразу после установки. Тогда еще работали все три излучателя. Кто-то из сталкеров пробрался к нему, загадал что-то и что-то получил. Узнать, что именно, – невозможно. Монолит не записывает свои эволюции.

– Откуда же ты знаешь, что это произошло? – недоверчиво спросил я.

– Потому что переписывание было значительным. Монолиту потребовалась дополнительная энергия, которую он черпает напрямую из Пространства. Ну, он ее черпнул

и перешел в режим повышенной мощности, из-за чего Зона сразу увеличилась на несколько километров. Это и было зафиксировано.

– Ни фиги себе, – присвистнул я. – Так что, если кто-то еще загадает желание, Зона снова вырастет?

– Это зависит от того, что за желание нужно исполнить. Чем меньше вероятность записываемого события при естественном ходе вещей, тем больше потребуется энергии для переписывания и тем больший радиус приобретет Зона после перестройки Монолита на новую мощность потребления энергии. Ну, например, если ты попросишь тысячу долларов, Зона увеличится на несколько миллиметров. Если миллион, то на несколько километров.

– Кхе... – У меня запершило в горле. – Так выходит, что монолитовцы не фанатики, а спасители человечества? Если бы не они, то сколько идиотов уже загадали бы желания? Не хотелось бы всю Европу превратить в Зону.

– Они фанатики. Но в качестве побочного эффекта их фанатизма мы имеем преграду для доступа к Монолиту. Иначе дела действительно пошли бы худо. А насчет идиотов... Мне бы не хотелось, чтобы ты оказался в их числе.

Я это съел. В течение следующих трех часов мы обогнули по широкой дуге городок энергетиков, стараясь как можно дольше избегать столкновения с силами группировки “Монолит”. На самом деле стычками я был сыт по горло. Я вообще устал так, как не уставал уже давно. Этот безумный рейд к центру Зоны вымотал меня до нервного срыва. И то, что он близился к завершению, не могло не радовать.

Мы спустились в небольшую балку, по которой когда-то, в незапамятные времена, стекала в реку вода от растаявшего ледника. Склоны были сильно терассированы, и из этих ступеней выпирала скальная порода с нишами, гротами и небольшими пещерами.

– Тут привал, – скомандовал Артем. – Будем ждать ночи. Один из излучателей, по моим предположениям, должен находиться неподалеку.

– По каким таким предположениям? – спросил я.

– По параметрам навигационного коридора. Несмотря на отсутствие одного излучателя, портал продолжает работать в режиме шестидесяти пяти процентов от номинальной мощности. Хотя правильнее сказать – от номинальной точности. Толку от него мало, но, по задумкам наших инженеров, портал должен сохранять живучесть и треть точности даже при одном излучателе. Поэтому по параметрам всего коридора можно прикинуть расположение оставшихся излучателей на этом участке.

– Круто, – сказал я, на самом деле мало что понимая в инопланетной пространственной навигации.

Артем осмотрел неглубокий грот, в котором было сухо, несмотря на начинающий моросить дождь. Снял рюкзак, стянул шлем с костюма и прилег, блаженно растянувшись на мелком речном песке. Взглянув на индикатор радиации и убедившись в ее отсутствии, я последовал примеру напарника. Было удивительно хорошо лежать, ничего не делать и смотреть, как в проеме грота плывут по небу лохматые тучи. Вот только спать обоим было нельзя. Какая-нибудь тварь могла запросто объявиться даже днем. Артем взялся дежурить первым, а я закрыл глаза и погрузился в дремоту.

Проснулся я от грохота выстрелов. Вскочил, схватился за автомат, но появившийся в проеме грота Артем меня осадил:

– Успокойся. Это я слепых псов отогнал.

Сбросив остатки сна, я сообразил, что Зона уже погрузилась в вечерние сумерки.

– Ты почему не разбудил меня раньше? – наехал я на напарника.

– Тебе надо было поспать. А я обойдусь.

– Более высокая ступень эволюции? – усмехнулся я.

– Типа того. Когда окончательно стемнеет, начнется корректировка положения излучателей. Тут-то мы их и отследим.

– У тебя прибор для этого есть?

– Ни фиги у меня нет. Все отобрали бандиты.

– Включая третий излучатель, который тебе дали для восстановления портала?
– Нет. Вещица дорогостоящая, за каким чертом я ее буду с собой таскать. Мне его сейчас телепортируют по координатам.

– Что сделают? – вытаращился я.

– Телепортируют. Навигационный коридор работает, значит, можно принять посылку. Они ведь не знают, что я не собираюсь устанавливать излучатель в нужном месте.

– А сами они не могут телепортировать его куда следует?

– Ты то врубаешься, то тупишь, – вздохнул Артем. – Я же говорил, что портал работает только в две трети точности. Излучатель можно установить лишь весьма приблизительно, а для окончательной установки нужен разведчик. То есть я.

– Тебя тоже телепортировали?

– Да. Это у нас основной транспорт дальнего следования.

– Понятно. В свитере. И тоже с не очень высокой точностью.

– Верно. Но теперь точность будет выше. Я тоже своего рода маячок для наводки.

Мы поели тушенки с хлебом, а я еще немного догнался водочкой для прочистки мозгов. Сумерки постепенно сгустились до темноты, и меня начало пробирать. Зона снова уверенно начинала брать свое и свое отдавать. Хотя теперь я уже знал, что дело не в Зоне, а в Монолите. В том самом Монолите, в существование которого я совсем недавно не очень-то верил. И хотя я знал причину накатывающегося состояния, легче мне от этого нисколько не стало – я все равно не мог справиться с подступающим липким ужасом. Грот начал давить на меня, вызывая ничем не обусловленный, казалось бы, приступ клаустрофобии. Подхватив рюкзак и оружие, я будто ужаленный выскочил под темное небо, но намного легче от этого не стало.

Надвигалась гроза. Сполохи пока еще бесшумных зарниц то и дело вспыхивали на западе. Начинал задуть низкий прохладный ветер. Я попытался унять бешено стучащее сердце и отогнать тревожные мысли, но тут, как в дурном сне, за спиной раздался рев автомобильного двигателя, и мы мигом оказались в лучах галогеновых фар. Я на какое-то время ослеп, не в силах быстро адаптироваться к изменившейся освещенности.

– Ни с места, сталкеры! – раздался голос из открытого, как мне показалось, окна машины. – Вы под прицелом! Оружие на землю!

Судя по стилю, это были военные. А их появление могло внести очень серьезные коррективы в наши планы. Вплоть до быстрой и глупой смерти. Потому что военным тащить нас в штаб резона большого нет. Им платят не за задержанных, они не полиция. Грохнуть сталкеров да отчитаться о проделанной работе – для них самое то. Единственное, что могло продлить нашу жизнь, – это жадность армейцев. Хотя трупы обыскивать, казалось бы, проще, но, с другой стороны, вояк тут слишком мало, чтобы задерживаться надолго в зоне полного контроля группировки “Монолит”. Монолитовцам без разницы – сталкер или военный. Нахлобучат из гаусовок с дальней дистанции и не спросят ни званий, ни фамилий.

Только мы бросили оружие в траву, к нам подскочили двое амбалов в камуфляже и без лишних разговоров реквизировали наши рюкзаки. Стволы они тоже прихватили... Чтоб их поразывало во время стрельбы!

Закончив грабеж, армейцы передали наше добро по цепочке в машину, залезли следом, запустили мотор и дали деру на ревущем от натуги “УАЗе”.

– Волчье позорное! – выкрикнул я им вслед, подсчитывая, сколько ушло хабара и денег.

Сумма получалась такой, что у меня невольно навернулись на глаза слезы. Весь прибыток за экспедицию! Почти четверть “лимона”! Меня чуть удар не хватил, честное слово.

– Гады! – со злостью выдохнул я.

А сделать ничего уже было нельзя. Ситуация полностью вышла из-под нашего с Артемом контроля. И ужас этого еще не дошел до меня полностью.

Тут же “уазик” остановился, словно армейцы услышали мою реплику, развернулся и подкатил снова. Один из амбалов выскочил снова и торопливо приказал:

– Спецкостюмы снимайте. Живо!

Артем начал неспешно разоблачаться. Эта неспешность, видимо, вывела амбала из душевного равновесия, потому что он буркнул что-то не очень членораздельное и отвесил моему напарнику не слабый пинок по почкам. Артем рухнул на колени, продолжая стягивать с себя спецкостюм. И куда, интересно, делись его великолепные рукопашные навыки? Вообще, на мой взгляд, напарник вел себя как-то странно – ни словом со мной не обмолвился и вел себя, будто овца. Нетипично для него как-то.

От греха подальше, окончательно подавленный происходящим, я тоже начал стаскивать с себя спецкостюм. В это время из машины начали один за другим вылезать военные. Я обалдел – оттуда вышло не меньше пятнадцати здоровенных амбалов. Как только уместились в машине – уму непостижимо. Причем они, как и Артем, начали вести себя странно. Даже более странно, чем он. Двое вытащили мангал из машины, еще двое быстро снарядили его газетами, щепой, углями и подожгли. Когда пламя взмыло метра на два вверх, они достали огромную выварку с замоченным мясом и всей командой принялись нанизывать жирные куски на шампуры. При этом маринад тек у них по рукам, а вояки этого словно не замечали, только хищно и демонически улыбались в ярких отсветах пламени. И, конечно же, со стороны городка энергетиков в нас тут же принялись долбить из гаусовских винтовок. Я рухнул в траву, стараясь обрести хоть эфемерную неуязвимость от снайперов, но амбал рывком за шиворот поднял меня на ноги. Я попытался вырваться, и это мне без труда удалось, потому что очередным, разогнанным до гиперзвуковой скорости снарядом амбалу снесло голову по самые плечи. Он еще постоял немного, секунды две, а потом плашмя рухнул на землю. Остальные же, уже порядком прореженные, продолжали нанизывать мясо. Вояки падали один за другим, но упорно продолжали начатое дело, пока кто-то из снайперов не перевернул пулей выварку с маринадом. Тогда на лицах выживших вояк отобразилось неподдельное разочарование, они неторопливо полезли обратно в машину, но несколько гаусовских снарядов пробили бак, “УАЗ” вспыхнул и взорвался, раскидав по сторонам неопрятные ошметки. Среди которых я разглядел несколько тел, наши рюкзаки и оружие.

Офонарев от всего этого, я перевел взгляд на Артема. Он залег за валуном и меланхолично натягивал наполовину снятый спецкостюм. Через минуту остатки машины начали угасать, а вместе с ними начал угасать и мангал. Стрельба со стороны монолитовцев прекратилась.

– Надо двигать! – спокойно сказал Артем, завершив облачение и надев шлем. – А то чем дальше, тем будет хуже.

– В смысле? – ошарашенно спросил я.

– Началось активное переписывание записей на Пространстве, – пояснил он. – Происходит изменение параметров навигационного коридора. Тут до Монолита рукой подать, поэтому ощущается так сильно.

– Нас что, глючит?

– Нас все время глючит.

– Нет, ты скажи, эти вояки нам пригрезились, что ли?

– Нет. Монолит записал их в реальность, как компьютер записывает данные на жесткий диск. И мы их видели, чувствовали и все такое. Не только мы. Снайперы фанатиков тоже.

– Так эти амбалы могли нас реально убить?

– Конечно. Но никто из них не был рожден женщиной. Все они возникли во плоти с полчаса назад и развеялись бы к утру без следа.

– Так вот почему тварей в Зоне не становится меньше, сколько их ни уничтожай! – догадался я.

– Именно так, – кивнул напарник. – Надо снаряжение собрать, оно, кажется, не пострадало.

Стараясь не анализировать мечущиеся в голове мысли, я нашел свой рюкзак и “Гром”, навесил на себя и дождался, когда Артем справится со своим снаряжением.

– Погоди! – все же решил уточнить я, подумав. – Это что выходит? Сейчас совершенно реально может материализоваться любой бред?

– Да. И поменьше думай о всякой фигне. Потому что, напоминая, команды для Монолита из диспетчерского пункта поступают примерно на тех же частотах, на которых работает

человеческое сознание. Если стоять к Монолиту близко, на расстоянии видимости, он интерпретирует твои желания и намерения в точности, как команды, предназначенные для изменения параметров навигационного коридора. Но когда ты далеко, твои вибрации искажаются, обрастают помехами, а в результате до приемных портов Монолита доходит бредятина. Ее материализацию ты только что видел. Кто-то неподалеку подумал о военных, и Монолит тут же выполнил это “желание”.

– Вообще-то это я подумал о военных, – признался я. – На меня в гроте такой приступ паранойи накатил, что я выскочил, думая одновременно о всех ужасах Зоны. Но про вояк вспомнил, наверное, отчетливее всего.

– Молодец, – хмуро прокомментировал Артем, потирая ушибленную пинком поясницу. – Еще что-нибудь такое подумаешь, пристрелю. Сейчас огромное число твоих вибраций, вибраций от монолитовцев и прочего пси-излучения достигает Монолита, смешивается и создает помехи. Как он эту белиберду интерпретирует и какие коррективы внесет в реальность – никому не известно. Постарайся очистить башку. Или думай о голых девках, если не можешь не думать ни о чем.

Это был хороший выход! Потому что не думать вообще ни о чем у меня не получалось, а чем больше я старался привести мозги в это состояние, тем больше ужасов они порождали. Думать же о голых девках – легко и приятно. О голых, незащитных, безоружных...

Не прошли мы с Артемом на север и пятисот метров, как воздух начал ощутимо вибрировать.

– Стоп! – Напарник поднял руку.

– Что такое? – насторожился я.

– Посылка, – коротко ответил он.

После всего произошедшего до меня не сразу дошло, но, судя по тому, что сам Артем вел себя нормально, никуда не побежал и не стал прятаться, эта “посылка” ничем дурным не грозила. Хотя от того, что происходило вокруг, у меня все равно волосы на затылке встали дыбом. Вибрация воздуха усиливалась, пока не перешла в низкое гудение, по траве начали пробегать искры, точно такие же, как испускает аномалия “Электра”. Только они не сконцентрировались в одном месте, а змеились повсюду, ничего не освещая, а только углубляя и без того густую темноту. И только я подумал о темноте, как тут же она начала разжижаться. Сначала чуть отчетливее проявились контуры дальних предметов, потом и под ногами стало видно значительно лучше. При этом никакого источника света поначалу я не заметил – светился как бы сам воздух, словно мы оказались внутри колбы флюоресцентной лампы. Но потом свечение уплотнилось, и тучи до самой земли пронзил столб мертвенно-белого света. Артем бодрым шагом преодолел отделявшие от него метров семьдесят и вытащил из свечения, словно из тумбочки, какой-то небольшой предмет. Осмотрел и сунул в набедренный карман спецкостюма. Столб тут же пропал, вместе со всеми воздушными спецэффектами. Словно его и не было.

– Чего стоишь как вкопанный?! – обернувшись, крикнул Артем. – Догоняй, у нас времени в обрез!

– Что это было? – спросил я, уже догадавшись, каким будет ответ.

– Недостающий излучатель прислали, – подтвердил он мою догадку. – Шевели костями, говорю!

Я его догнал, и мы поспешили, едва не рысью, дальше.

При этом я обратил внимание, что вибрация воздуха не прекратилась, а Артем то и дело останавливается, прислушиваясь к ней.

– Ты по звуку, что ли, излучатели ищешь? – спросил я.

– Это не звук. Но ход мысли у тебя верный. Вблизи излучателей во время переписывания ощущаются вибрации самого Пространства. Чем ближе к нему, тем сильнее.

Когда мы начали карабкаться на невысокий пригорок, у меня от этих вибраций уже едва не стучали зубы, а по всему организму перекатывались теплые волны вперемешку с холодными. И при этом надо было еще постоянно думать о голых девках. И ладно бы продуктивно! Но ни

одной из них в округе не появилось. Озадачившись, я решил выяснить у Артема причину такой нестыковки.

В ответ на мой вопрос он расхохотался. Через переговорное устройство костюма смех этот преобразился в хрюкающие жутковатые звуки.

– Я специально подбросил тебе такую мысль, – сказал он, – которая точно не материализуется. Чтобы флюктуации работы Монолита не мешали нам.

– Но почему именно голые девки? – еще больше изумился я.

– Эх, Лемур! Ты можешь представить, сколько человек в Зоне ночью думает о голых девках? Почти все, кто не спит! Поэтому эти вибрации, приходящие отовсюду, Монолит интерпретирует не как команду на переписывание Пространства, а как фоновый шум.

– Тьфу на тебя! – насупился я.

– Ты думай, думай! Не отвлекайся.

Но у меня, на самом деле, пропала всякая охота при таких раскладах думать о голых девках. Напрочь. Да и вообще... Сдались они мне!

В голове снова образовался сумбур, и я начал судорожно отгонять совершенно ненужные мысли, например о кровососах или, не к ночи будь сказано, о контролере. Через несколько мгновений я понял, что не властен над мыслями, что лучше уж думать о голых девках... Но было поздно – почти сразу же из грота неподалеку раздалось утробное рычание. Но это не было рычанием кровососа. Судя по голосу, это был именно контролер. Провалиться мне на этом месте!

Через шаг я вступил в какую-то яму и провалился одной ногой по колено. Артем резко обернулся, но вместо стекла его шлема я увидел ужасающую морду и получил настолько мощный удар, что затрещали кости. Я знал, что этот удар просто внушен мне контролером, но легче от этого не стало. Я попытался вытянуть ногу, а когда это с трудом удалось, рванул к гроту, на ходу снаряжая подствольник. Но пробежать удалось лишь с десятков шагов – снова ужасающая морда перед глазами, и снова удар, от которого помутилось сознание. Через секунду я осознал себя катящимся вниз по склону и увидел выбравшегося из грота контролера. Вскинул “Гром”, но подствольник, к моему ужасу и удивлению, оказался пуст – то ли мне почудилось, что я его снарядил, то ли контролер внушил мне отсутствие заряда в стволе. Я дал короткую очередь, контролер взревел и отскочил в сторону. И тут же меня к нему словно притянуло – я увидел его лицо-маску, как из фильма ужасов, и получил очередной удар. Снова ощутив себя на склоне пригорка, я с ужасом обнаружил, что и магазин автомата пуст. Я спешно перезарядил “Гром” и успел снова послать несколько пуль в контролера. Но он не дал мне стрелять долго – снова притянул и снова шарахнул. Я понял, что это конец. Но тут неподалеку рванула граната, прожужжали мимо осколки, и я увидел бегущего ко мне по склону Артема.

– Живой? – спросил он.

– Отчасти, – ответил я, чувствуя вкус крови во рту.

Пришлось снять шлем и отплеваться. Грудь болела. Сильно. Но, несмотря на боль, я счел за благо снова вернуться к мыслям о голых девках.

Следуя за Артемом, я обогнул пригорок и заметил, как напарник бросился к висящему сантиметрах в двадцати над землей радужному шарiku, схватил его и сунул в карман. Свечение тут же угасло.

– Один есть! – радостно крикнул он. – Живо, Лемур, живо!

Ковыляющим шагом я догнал его, и мы поспешили дальше, с севера огибая городок энергетиков. Отсюда уже была видна черная громада Саркофага с характерной, устремленной в небо трубой.

– Последний излучатель с другой стороны городка! – сказал Артем.

– Но это километр, не меньше! Я не дойду!

– Панику отставить! – скомандовал он. – Вперед, сталкер!

И я догадался, что в такой обстановке надо думать о том, как заживают внутренние и внешние повреждения. Тут же полегчало – похоже, Монолит не так уж искаженно принимал

мои команды, как пугал Артем. Я прибавил ходу и начал представлять свою новую квартиру, в Питере, на самом берегу залива, в великолепном высотном доме с огромными окнами. И то, как я прихожу в банк, пополнять и без того огромный счет. И много чего я еще напредставлял.

– Ты о чем думаешь?! – рванул меня за локоть Артем.

– Что?

– О чем ты думаешь?

– О квартире, – честно признался я.

– Идиот! Я же говорил, что нельзя загадывать сложно выполнимые желания! Монолит сейчас впитывает чудовищную энергию! Посмотри!

Я глянул в сторону Саркофага и обомлел. Над темным бетонным зданием заворачивался гигантский светящийся вихрь, похожий на торнадо из фосфоресцирующих частиц.

– Зона расширяется! – Артем рванул меня за ткань спецкостюма. – Вперед! Вперед! Нам теперь нужно как можно быстрее отключить Монолит!

– Как?

– Последний излучатель, блин! У тебя вообще мозги отшибло?

Мы рванули вперед между окраиной городка и Саркофагом, но не успели пробежать и двухсот метров, как с ужасом заметили прущую к АЭС толпу вооруженных монолитовцев. Их были сотни – сосчитать невозможно. И двигались они точно наперерез нам.

– Ложись! – Артем толкнул меня на землю, уже не надеясь, что я быстро схватываю его команды.

– Куда они прут? – ошарашенно спросил я.

– По их представлениям, это и есть судный день. Точнее, судная ночь, когда будут исполнены все желания. Счастье, для всех, даром. И пусть никто не уйдет обиженным.

– Ты о чем?

– Книжки читать надо, – огрызнулся напарник. – Если они сейчас пошлют на Монолит всю мощь пси-излучения толпы, я представить не могу, как это интерпретирует Монолит. Но при таком притоке энергии Зона расширится на тысячи километров. Это точно. Я же просил – думай о голых девках!

Оправдываться смысла не было. Надо снова брать ситуацию под контроль. Хотя какой контроль при таких правилах игры?

Страшнее мне в жизни еще никогда не было. Происходящее настолько выпирало за рамки жизненного опыта, что голова, казалось, разлетится в клочья от попыток как-то решить проблему. В полном и здравом сознании я лишь подумал, что, когда правила для игры придумываешь не сам, надо играть по имеющимся. Иначе точно попадешь впросак. А потом... Потом я превратился в Демидурга. В некое абстрактное творческое начало, мысли которого тут же превращаются в реальность, данную нам в ощущениях.

Семь бед – один ответ. Если фанатики начнут загадывать желания, Зона все равно расширится. Поэтому желания придется загадывать мне.

И я собрал над Саркофагом громады туч и обрушил их проливным дождем. Мир тут же угас, поглощенный тьмой, и, чтобы хоть как-то оценивать обстановку, я рассек небеса тысячами ветвистых молний. Они сверкали не одна за одной, а непрерывно, как исполинский стробоскоп на какой-то дьявольской дискотеке.

Ряды монолитовцев дрогнули и начали рассредотачиваться, прижатые к земле тоннами падающей с неба воды. Чтобы усилить эффект, я спрессовал воду в лед, в целые глыбы, величиной с полкулака.

В нас ударило тоже. Благо спецкостюмы рассчитаны были на куда большие нагрузки. Особенно порадовали шлемы, защищавшие головы.

Следующим актом моего доморощенного творения стал ураган. На большее просто не хватило фантазии. Но дунул я так, что в городке с многоэтажек начало срывать крыши.

– Это у тебя хорошо получилось! – похлопал меня по плечу Артем, прижимаясь к земле и перекрикивая рев урагана. – Но отлеживаться некогда. Вперед!

И мы поползли вперед, потому что встать на ноги не было ни малейшей возможности.

Беда заключалась и в том, что ползти нам пришлось через толпу монолитовцев, хотя и принявшую лежачее положение. Подняться не могли ни противники, ни мы сами, поэтому короткие огневые стычки были абсурдными, как в кошмарном сне. Лежачие стреляли в лежачих, не имея ни малейшей возможности к какому-то оперативному маневру. А мы ползли, будто улитки, преодолевая метр за метром, перезаряжая автоматы и расчищая себе пулями путь.

Нам доставалось тоже, но спецкостюмы оправдывали свою безумную стоимость – пули держали отменно. И только минут через пять я понял, что с правого бедра Артема стекает не грязь, а кровь из двух дыр в костюме.

Тогда я, ослабив контроль над ураганом, начал заниматься мысленным лечением напарника. Но результат оказался нулевой.

– Не трать силы, – прорычал Артем. – Монолит меня знает по служебному коду. И не принимает ни мои вибрации, ни вибрации, имеющие мой частотный адрес.

Тогда я привстал на корточки и взялся его тащить, сбросив рюкзак с ценным грузом. Гори он огнем, миллион, при таких раскладах!

Так я упирался и потел часа два. Ураган не ослабевал, поэтому погони за нами не было. И вдруг Артем впился пальцами мне в руку.

– Стой! Здесь!

Я обернулся и увидел небольшой светящийся шарик, висящий сантиметрах в двадцати от земли.

– Давай его в карман! Живо! – прохрипел Артем.

Я дополз, рванул артефакт на себя, и он поддался, словно его отпустило мощное магнитное поле. Шарик тут же угас, я взглянул на него и оторопел. Это был артефакт “Орех”. Точно такой, каким его описывали сталкеры со слов Ярика.

И тут же ветер начал стихать, словно выключили исполинский вентилятор где-то на западе.

Эпилог

В котором Лемур с Артемом прощаются. И не факт, что навсегда

Утро застало нас в долине у Припяти. Зона на вид была все такая же, но небо стало чистым, солнце ярким, летним, а в вышине летели небольшие стаи птиц. Час назад мне пришлось ножом резать Артему бедро и извлекать неглубоко ушедшие пули. Теперь он, обработанный всеми средствами из научной аптечки, лежал и улыбался в голубизну небес.

– Получилось? – спросил я.

– Конечно. Без излучателей Монолит ушел в спячку. Не факт, что надолго.

– Почему?

– Потому что следом за мной наверняка пошлют другого разведчика. И он попытается установить излучатели снова.

– И что?

– Да ничего, – усмехнулся напарник. – Я его тут подожду. А там поглядим.

Я вздохнул.

– Тебе надо двигаться отсюда, – добавил Артем. – Вообще из Зоны. Скоро тут начнется... Ученые, военные на БТР... А вот артефакты прихвати.

– Они что, не исчезнут? – удивился я.

– Как же они, блин, исчезнут, если уже прописаны на Пространстве, а стереть их Монолит пока не в состоянии? В цене они вырастут, это правда. Потому что появление новых я постараюсь не допустить. И излучатели не забудь. Они, я знаю, в цене.

– По пять “лимонов” за штуку, – выдал я из себя.

– Ну так и забирай! Я обещал тебе миллион? Ну, получилось двадцать. Только осторожнее их сбывай. Голову береги. Все, дуй!

– Фиг я тебя тут оставляю! – вскипел я.

– Оставишь. А если начнешь дергаться, я и с пробитой ногой тебе навалю.

В этом у меня не было ни малейших сомнений.

– Ты же говорил, что тебе некуда идти... Погнали со мной!

– У меня тут дела, я же объяснил. Вот если доделаю... Ты откуда?

– Из Питера, – ответил я.

– Телефончик оставь. Может, свидимся.

Я достал КПК, написал номер своего телефона и отдал Артему.

– Приезжай...

– Может быть, – улыбнулся он. – Если все сложится. Все, дуй отсюда! Постарайся до вечера пройти кордон, пока суматоха.

Я собрал вещички, встал и, не оборачиваясь, побрел на юг. И загадал желание, прекрасно зная, что Монолит его не исполнит. Я загадал, чтобы Артем поскорее разделался со своими инопланетными делами и составил мне компанию в питерском кабаке. Дела делами, а отдыхать тоже иногда надо...